

Ч. КОЛЛОДИ

ПИНОККИО

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДЕРЕВ'ЯННАГО МАЛЬЧИКА

Переводъ съ 480-го итальянскаго изданія

К. ДАНИНИ

подъ редакцією С. П. Ярославцева

Съ рис. Е. Мацанти и Г. Магги

ИЗДАНІЕ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
• СПБУРГЪ • МОСКВА •

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
ГЛА М.О.ВОЛЬФЪ
С ПЕТЕРБУРГА. ВАС. ОСТР. ІОАННІЯ СОВ. ДАМЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Рѣдко на долю дѣтской книги выпадаетъ такой огромный успѣхъ, какъ на долю «Пиноккіо». На одномъ итальянскомъ языкѣ эта повѣсть разошлась въ колл. тѣствъ 480,000 экземпляровъ, — фактъ почти небывалый въ т. н. «дѣтской литературѣ». Нѣтъ, можно сказать, ни одного грамотнаго итальянскаго ребенка, который бы не читалъ этихъ приключеній деревяннаго мальчика или, по крайней мѣрѣ, не зналъ бы про эти приключенія. Извѣстность «Пиноккіо» въ Италіи можно сравнить съ извѣстностью у насъ, въ Россіи, «Конька-Горбунка» или «Степки-Растрепки».

Но не въ одной лишь Италіи, не только среди итальянскихъ дѣтей извѣстенъ теперь Пиноккіо: книга Коллоди переведена также на французскій, нѣмецкій, англійскій и др. языки и вездѣ пользуется успѣхомъ.

Успѣхъ «Пиноккіо» объясняется совершенно своеобразнымъ, оригинальнымъ, необычайно веселымъ, но въ то же время и поучительнымъ содержаніемъ. Это не сказка въ обычномъ смыслѣ, но и не рассказъ,—до того вымыселъ нарочно перепутанъ здѣсь съ дѣйствительностью. Отличительная черта этого произведенія — тонкій, добродушный юморъ, проходящій красною нитью сквозь всю книгу, полную самыхъ разнообразныхъ, иногда совершенно неожиданныхъ, большою частью, смѣшныхъ приключеній. Каждый читающій мальчикъ, каждая дѣвочка, которые любятъ читать веселые рассказы, съ увлеченіемъ прочтутъ эти приключенія и не разъ при чтеніи разразятся громкимъ смѣхомъ. Но помимо пріятнаго развлечения, книга «Пиноккіо» даетъ внимательному юному читателю и кое-что для размышленій, даетъ кое-что поучительное. И слѣдя за приключеніями деревяннаго паяца не одно дѣтское сердце усиленно забьется, почувствуетъ жалость къ странному герою рассказа, затеплится чувствомъ любви къ маленькому страдальцу и незамѣтно проикнется сознаніемъ пагубныхъ сторонъ лѣни.

Конечно, не всѣ дѣти поймутъ и оцѣнятъ тонкій юморъ итальянскаго автора, составляющій главное достоинство его книги. Но всѣ безусловно признаютъ, что эта книга не изъ обыкновенныхъ,

что она представляет собою нѣчто особенное, не обыденное, новое.

Въ общемъ, приключенія Пиноккіо можно отмѣтить, какъ одну изъ тѣхъ книгъ для дѣтей, въ которыхъ прекрасное и возвышенное содержаніе облечено въ форму легкую, красивую, доступную пониманію ребенка любого возраста, интересную и, въ то же время, веселую, юмористическую.

Всѣ эти достоинства повѣсти Коллоди дали поводъ включить ее въ коллекцію «Золотой Библиотеки», рядомъ съ всемірно извѣстными, классическими произведеніями дѣтской литературы, какъ «Дневникъ школьника» де-Амичиса, «Приключенія Тома Сойера» Марка Твена и др.

I.

Какъ случилось, что столяръ Вишня нашелъ полѣно, которое плакало и смѣялось, какъ ребенокъ.

ЖИЛЬ-БЫЛЬ...

— Король! — скажутъ мои маленькіе читатели.

— Нѣтъ, дѣтки, вы ошибаетесь. Жиль-быль не король, а попросту кусокъ дерева, просто полѣно, одно изъ тѣхъ, которыми топятъ печи и камины. Не знаю, какъ это случилось, но въ одинъ прекрасный день это полѣно попало въ мастерскую стараго столяра, Антонію, котораго всѣ звали масте-

ромъ Вишней, потому что носъ его былъ постоянно красенъ, точно спѣлая вишня.

Какъ только мастеръ Вишня увидѣлъ это полѣно, онъ радостно потеръ себѣ руку объ руку и пробормоталъ вполголоса:

— Это полѣно попалоcь мнѣ во-время; я изъ него сдѣлаю ножку къ столу.

Сказано—сдѣлано. Онъ взялъ острый топоръ и уже хотѣлъ начать работу, замахнулся топоромъ, но вдругъ остановился въ изумленіи: дѣло въ томъ, что онъ услышалъ тоненькій-претоненькій голосокъ, который отчетливо произнесъ:

— Не бей меня сильно!

Можете себѣ представить удивленіе нашего добраго старичка—мастера Вишни.

Онъ въ недоумѣніи осмотрѣлъ всю мастерскую, стараясь узнать, кто могъ это крикнуть, но ничего не увидѣлъ! Посмотрѣлъ подъ скамью—никого; посмотрѣлъ въ шкафъ, который всегда былъ запертъ,—и тамъ никого; посмотрѣлъ въ корзину, гдѣ были стружки и опилки—никого; открылъ дверь и выглянулъ на улицу, но и тамъ никого не было. Что же это такое?

— Понимаю,—сказалъ онъ, смѣясь и почесываясь,—вѣрно это мнѣ только просто-напросто послышалось. Буду работать и никакихъ!

И, взявъ топоръ въ руку, онъ звонко ударилъ имъ по полѣну.

— Ой! мнѣ больно!—раздался снова жалобный голосокъ.

На этотъ разъ мастеръ Вишня остолбенѣлъ; онъ выпучилъ глаза, разинулъ ротъ и высунулъ языкъ до подбородка.

Придя въ себя, онъ, дрожа отъ страха, пробормоталъ:

— Да кто же это, наконецъ, крикнулъ: „ой“?.. Вѣдь здѣсь нѣтъ ни одной живой души. Неужели это полѣно умѣетъ плакать и жалобно пищать, какъ ребенокъ? Не могу повѣрить этому. Вѣдь это же простое печ-

Вдругъ онъ услышалъ топекій голосокъ...

ное полѣно, такое же, какъ и другія полѣнья, если его бросить въ огонь, то можно сварить цѣлый горшокъ бобовъ... Такъ какъ же? Развѣ кто спрятался въ это полѣно? Если спрятался, тѣмъ хуже для него. Вотъ я ему задамъ!

Сказавъ это, онъ схватилъ обѣими руками несчастное полѣно—и давай его немилосердно колотить объ стѣну мастерской. Затѣмъ онъ сталъ прислушиваться: не слышится ли опять жалобный голосокъ. Прошло двѣ минуты—ничего; пять минутъ—ничего; десять минутъ—все ничего не слышно!

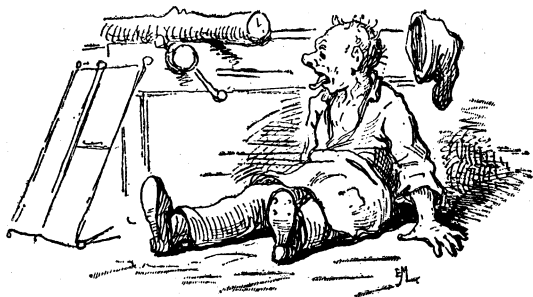
— Понимаю,—сказалъ мастеръ Вишня, стараясь улыбнуться и поправляя колпакъ,—видно, мнѣ только показалось, что кто-то закричалъ: „ой“! Возьмусь опять за работу.

А такъ какъ онъ все-таки сильно трусилъ, то попробовалъ затянуть для храбрости пѣсенку.

Затѣмъ, положивъ въ сторону топоръ, онъ взялъ рубанокъ, чтобы обстругать полѣно. Но когда онъ сталъ водить рубанкомъ взадъ и впередъ, ему опять по-

слышался голосокъ, на этотъ разъ смѣющийся:

— Перестань! Ты меня щекочешь!
Тутъ ужъ бѣдный мастеръ Вишня сва-

Бѣдный мастеръ Вишня свалился...

лился, какъ громомъ пораженный. Когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ, что сидитъ на землѣ. Отъ страха лицо его перекосилось, а носъ изъ краснаго, какимъ онъ былъ всегда, сдѣлался фіолетовымъ.

II.

Мастеръ Вишня дарить странное полѣно своему другу Джепетто, который беретъ его, чтобы сдѣлать изъ него чудеснаго паяца, умѣющаго плясать, драться на сабляхъ и прыгать.

В ДРУГЪ кто-то постучался въ дверь.
— Войдите,—сказаль столяръ, но не имѣлъ силы подняться на ноги.

Въ мастерскую вошелъ бодрый и живой старикъ по имени Джепетто. Сосѣдскія дѣти, желая разсердить его, дали ему прозвище Полентина, потому что парикъ его былъ такого же желтаго цвѣта, какъ маисовая

каша, которую называютъ въ Италіи полента.

Джепетто былъ очень раздражительный человѣкъ; Боже упаси назвать его „Полен-тина“! Онъ приходилъ тогда въ такую ярость, что невозможно было успокоить его.

— Здравствуйте, мастеръ Антоніо, — сказалъ Джепетто. — Что вы тамъ дѣлаете на полу?

— Учю азбукѣ муравьевъ.

— Вотъ какъ!

— Какъ это вы ко мнѣ попали, кумъ Джепетто.

— Ноги привели. Мастеръ Антоніо, я пришелъ къ вамъ просить одолженія.

— Къ вашимъ услугамъ, — возразилъ, приподнявшись, столяръ.

— Сегодня утромъ я задумалъ одну вещь...

— Послушаемъ.

— Я надумалъ сдѣлать изъ дерева паяца, чудеснаго паяца, который бы умѣлъ плясать, прыгать и драться на сабляхъ. Съ такимъ паяцомъ я отправлюсь по бѣлу-свѣту, чтобы заработать кусокъ хлѣба. Что вы думаете объ этомъ?

— Отлично, Полентина,—закричалъ нѣтъ откуда тоненькій голосокъ.

Услыхавъ прозвище Полентина, кумъ Джепетто покраснѣлъ отъ злости, какъ ракъ, и, обратившись къ столяру, громко сказалъ ему:

— Зачѣмъ вы меня оскорбляете?

— Кто васъ оскорбляетъ?

— Вы меня назвали Полентина!

— Я васъ такъ не называлъ.

— Стало быть, я самъ себя такъ называлъ! Повторяю, что это вы меня такъ называли.

— Нѣтъ!

— Да!

— Нѣтъ!

— Да!

Все болѣе и болѣе горячась, оба пріятеля отъ словъ перешли къ дѣлу и, схватившись въ рукопашную, давай другъ друга колотить, царапать, даже кусать.

Въ концѣ драки у мастера Антоніо въ рукахъ оказался желтый парикъ Джепетто, а Джепетто держалъ въ зубахъ сѣдой парикъ мастера Антоніо.

— Отдай мой парикъ!—закричалъ мастеръ Антоніо.

— А ты возврати мнѣ мой,—отвѣтилъ Джепетто,—и давай мириться.

Схватившись въ рукопашную, давай другъ друга колотить, царапать, даже кусать...

Получивъ каждый свое, оба старичка протянули другъ другу руки и поклялись остаться добрыми друзьями до конца жизни.

— И такъ, кумъ Джепетто,—сказалъ столяръ примирительнымъ тономъ,—какой же услуги вы отъ меня потребуете?

— Я хотѣлъ достать немного дерева, чтобы сдѣлать этого задуманнаго мною паяца. Не можете ли вы мнѣ его дать?

Мастеръ Антоніо очень обрадовался возможности отдѣлаться отъ загадочнаго полѣна, внушавшаго ему сильный страхъ и сейчасъ же направился къ скамьѣ, гдѣ оно лежало, чтобы отдать его пріятелю. Но когда онъ передавалъ его, полѣно подпрыгнуло, выскользнуло изъ рукъ столяра и ударило по тонкимъ ногамъ Джепетто.

— Ай! Однако милый же у васъ способъ оказывать услуги, мастеръ Антоніо. Вы чуть-чуть не искалѣчили меня!

— Клянусь вамъ, что это не я!

— Значить, это я самъ себя ударилъ?

— Всему виною это дерево...

— Я знаю, что это дерево, но вы мнѣ его бросили въ ноги!

— Нѣтъ, я его не бросалъ!

— Лгунъ!

— Джепетто, не оскорбляйте меня, не то я васъ назову—Полентина!..

— Оселъ!

— Полентина!

- Невѣжа!
- Полентина!
- Старая обезьяна!
- Полентина!

Услыхавъ въ третій разъ это прозвище, Джепетто вышелъ изъ себя; онъ бросился на столяра, и тутъ произошло новое сраженіе, послѣ котораго у мастера Антоніо оказалось двѣ царапины на носу, а у Джепетто нехватало двухъ пуговицъ на сюртукѣ.

Тѣмъ не менѣе, Джепетто взялъ полѣно подмышку. оба пріятеля, сведя такимъ образомъ счеты, пожали другъ другу руки и поклялись оставаться добрыми друзьями на всю жизнь.

Джепетто взялъ полѣно подмышку и, поблагодаривъ мастера Антоніо, прихрамывая, отправился къ себѣ домой.

III.

Джепетто, сейчасъ же по возвращеніи домой, принимается дѣлать паяца и даетъ ему имя Пиноккіо. — Первые продѣлки паяца.

ВСЯ квартира Джепетто состояла изъ маленькой комнатки внизу подъ лѣстницей, на которую выходило и единственное окно ея. Мебель не могла быть плоше: плохой стулъ, плохонькая кровать и поломанный столъ. Въ глубинѣ комнаты находился каминъ, въ которомъ виднѣлся огонь; на огнѣ стоялъ котелокъ; въ немъ что-то варилось и изъ него облачкомъ вырывался паръ. Но и огонь, и котелокъ, и паръ надъ

нимъ не были настоящими, а только искусно нарисованными.

Войдя къ себѣ, Джепетто сейчасъ же взялъ инструментъ и началъ вырѣзывать своего паяца.

„Какъ его назвать?—думалъ онъ.—Назову его Пиноккіо*)." Это имя принесетъ мнѣ счастье. Я знавалъ цѣлое семейство Пинокки: Пиноккіо—отецъ, Пиноккіо—мать и Пинокки—дѣти; всѣ они жили очень хорошо: самый богатый изъ нихъ просилъ милостыню.

Посѣ началъ быстро увеличиваться.

Выбравъ имя для паяца, онъ принялся за работу и прежде всего выточилъ голову, затѣмъ лобъ, глаза, волосы. Но представьте себѣ его изумленіе, когда онъ, вырѣзавъ глаза, замѣтилъ, что эти глаза двигаются

*) Пиноккіо—зерно сосновой шишки.

и пристально смотреть на него. Почувствовавъ себя неловко подъ этимъ взглядомъ, Джепетто сказалъ съ раздраженіемъ:

— Деревянные глаза, чего вы на меня смотрите?

Отвѣта не было.

Тогда онъ принялся вытачивать паяцую носъ. Какъ только носъ былъ сдѣланъ, онъ началъ быстро увеличиваться, такъ что въ нѣсколько минутъ сталъ огромнымъ.

Джепетто принялся усиленно обрѣзывать его, но напрасно, только выбился изъ силъ: чѣмъ больше онъ его обрѣзывалъ, тѣмъ носъ становился длиннѣе.

Послѣ носа онъ сдѣлалъ ротъ.

Послѣдній еще не былъ законченъ, какъ уже сталъ смѣяться и издѣваться надъ Джепетто.

— Перестань смѣяться! — закричалъ съ досадой Джепетто.

Но это было все равно, что говорить стѣнѣ.

— Повторяю тебѣ, перестань смѣяться! — вновь закричалъ грозно старикъ.

Тогда ротъ пересталъ смѣяться, но вмѣсто того высунулъ языкъ.

Джепетто, не желая отвлекаться, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ языка, и продолжалъ работать. Послѣ рта онъ выточилъ подбородокъ, потомъ шею, потомъ плечи, туловище и руки.

Едва окончивъ руки, Джепетто вдругъ почувствовалъ, что кто-то сорвалъ съ его головы парикъ. Онъ обернулся—и что же увидѣлъ? Онъ увидѣлъ свой желтый парикъ въ рукахъ паяца.

— Пиноккіо, отдай мнѣ сейчасъ же мой парикъ!

Но Пиноккіо, вмѣсто того чтобы возвратить парикъ, надѣлъ его себѣ на голову. Вся голова его исчезла подъ парикомъ Джепетто.

Эта дерзкая насмѣшка Пиноккіо привела Джепетто въ такое грустное настроеніе, въ

Пиноккіо надѣлъ парикъ себѣ на голову.

какомъ онъ не былъ никогда въ жизни; онъ обратился къ паяцу съ такими словами:

— Негодный мальчикъ. Ты еще не совсемъ сдѣланъ, а уже начинаешь выказывать неуваженіе къ своему отцу! Худо, сынокъ, худо!

Тутъ онъ даже утеръ слезу.

Оставалось еще сдѣлать ноги.

Когда Джепетто сдѣлалъ и ноги, то почувствовалъ ударъ ногою въ носъ.

— Я этого заслуживаю,—сказалъ онъ про себя. Надо было раньше объ этомъ подумать! Теперь ужъ поздно!

Джепетто взялъ за руки паяца, поставилъ его на полъ и хотѣлъ заставить его ходить.

Но у Пиноккіо ноги точно отекли, онъ не могъ двигаться, поэтому Джепетто сталъ водить его шагъ за шагомъ. Когда же ноги паяца немного оправились, онъ самъ началъ бѣгать по комнатѣ.

Но это показалось ему недостаточнымъ: онъ выбѣжалъ за дверь, на улицу и... пустился наутѣкъ.

Бѣдный Джепетто бросился за нимъ въ

погоню, но догнать не могъ, потому что этотъ бѣдовый Пиноккіо дѣлалъ прыжки, какъ заяцъ; его деревянные ножки стучали по мостовой, точно двадцать простолюдиновъ, одѣтыхъ въ деревянные башмаки.

— Лови его, лови!—кричалъ Джепетто.

-Но прохожіе, видя деревяннаго паяца, бѣгущаго съ быстротою лошади, останавливались въ удивленіи и покатывались со смѣху.

Наконецъ, къ счастью, попался полицейскій, который, услыхавъ шумъ и думая, что какая-нибудь лошадь убѣжала отъ хозяина, храбро сталъ поперекъ дороги съ цѣлью остановить бѣгуна. Пиноккіо, завидѣвъ издали полицейскаго, преградившаго ему дорогу, рѣшилъ неожиданно проскочить у него между ногами, но потерпѣлъ неудачу. Полицейскій, не трогаясь съ мѣста, ловко схватилъ Пиноккіо за носъ (а носъ у него былъ чудовищно-длинный, будто нарочно сдѣланный для ловли) и передалъ его въ руки самому Джепетто.

Джепетто въ наказаніе хотѣлъ тутъ же надрать ему уши, но... къ удивленію его

ушей не оказалось: торопясь вырѣзывать паяца, онъ позабылъ ему сдѣлать уши.

Тогда Джепетто схватилъ бѣглеца за шею и, покачавъ головою, сказалъ:

— Подожди же!

Когда будемъ дома, то сведемъ съ тобой счеты, будь покоенъ!

Въ отвѣтъ на эту угрозу, Пиноккіо легъ на землю и ни за что не хотѣлъ идти съ Джепетто.

Между тѣмъ любопытные и праздные люди

останавливались, такъ что образовалась цѣлая толпа. Кто стоялъ за паяца, кто противъ; пошли толки, препирательства.

— Бѣдный паяцъ!—говорили одни,—онъ правъ, что не хочетъ идти домой! знаетъ, какъ его побьетъ этотъ Джепетто!

А другіе насмѣшливо прибавляли:

Джепетто пустился за нимъ въ погоню...

— Этотъ Джепетто съ виду честный человекъ, но съ дѣтьми онъ просто тиранъ! Если этотъ бѣдный паяцъ останется въ его рукахъ, то отъ него останутся только щепки!

Однимъ словомъ, столько наговорили въ

Полицейскій схватилъ Пиноккіо за носъ...

защиту паяца, что полицейскій отпустилъ его на свободу, а бѣднаго Джепетто отвелъ въ тюрьму. Не находя словъ въ свою защиту, старикъ плакалъ, какъ ребенокъ, и, направляясь къ тюрьмѣ, бормоталъ, рыдая:

— Вотъ мерзкій мальчишка! Подумайте,

сколько я трудился, чтобы сдѣлать изъ него хорошаго паяца! Такъ мнѣ и надо! Нужно было мнѣ раньше обо всемъ этомъ подумать!

То, что случилось послѣ этого, до того странно и необычайно, что не всякій, пожалуй, и повѣритъ этому. Я расскажу все это въ слѣдующихъ главахъ.

IV.

Приключенія Пиноккіо съ сверчкомъ-говоруномъ, изъ чего видно, что гадкія дѣти не любятъ, чтобы ихъ наставляли тѣ, которые знаютъ больше ихъ.

И ТАКЪ, скажу вамъ, дѣтки, что въ то время, какъ бѣднаго Джепетто вели въ тюрьму, ни за что, ни про что, Пиноккіо, выпущенный полицейскимъ на свободу, улепетывалъ черезъ поля, чтобы поскорѣе вернуться домой. Онъ такъ торопился, что перепрыгивалъ черезъ пропасти, черезъ овраги, наполненные водою, черезъ

высокіе кустарники, какъ это сдѣлалъ бы козленокъ или зайчикъ, преслѣдуемый охотниками.

Когда онъ добѣжалъ до дому, дверь въ квартиру Джепетто оказалась пріотворенной. Онъ толкнулъ ее, вошелъ въ комнату, заперъ дверь на задвижку и тотчасъ же сѣлъ на полъ, вздохнувъ свободно и радостно.

Но эта радость была непродолжительна; почти сейчасъ же онъ услыхалъ звукъ:

— Кри-кри-кри!

— Кто это меня зоветъ?—спросилъ испуганный Пиноккіо.

— Это я!

Пиноккіо обернулся и увидѣлъ большого сверчка, медленно ползущаго по стѣнѣ.

— Скажи же мнѣ, кто ты такой?

— Я сверчокъ-говорунъ и живу въ этой комнатѣ болѣе ста лѣтъ.

— Но теперь эта комната моя,—заявилъ паяцъ,—и если ты хочешь доставить мнѣ истинное удовольствіе, то уходи отсюда сейчасъ же и даже назадъ не оглядывайся.

— Я не уйду отсюда,—отвѣтилъ сверчокъ,—пока не скажу тебѣ истинной правды.

— Такъ говори скорѣе и уходи.

— Горе тѣмъ дѣтямъ, которыя не пови-
нуются родителямъ и покидаютъ изъ-за кап-
риза родительскій домъ. Они никогда не
будутъ счастливыми и, рано или поздно,
горько раскаются въ своей ошибкѣ.

— Пой себѣ, пой, сверчокъ, если тебѣ
такъ нравится, но я знаю, что завтра, чуть
свѣтъ, я уйду отсюда, потому что если я
тутъ останусь, то меня пошлютъ въ школу,
какъ всѣхъ другихъ дѣтей, и я долженъ
буду волею-неволею учиться; а сказать тебѣ
откровенно, у меня къ этому нѣтъ ни ма-
лѣйшей охоты; мнѣ гораздо пріятнѣе бѣгать
за бабочками, лазать по деревьямъ и разо-
рять птичьи гнѣзда.

— Бѣдный глупецъ! Ты не знаешь, что
если ты такъ будешь продолжать, то, вы-
росши, станешь настоящимъ осломъ, надъ
которымъ всѣ будутъ насмѣхаться.

— Замолчи, сверчокъ, не пророчь!—закри-
чалъ Пиноккіо.

Но сверчокъ былъ терпѣливъ и уменъ
и вмѣсто того, чтобы обидѣться на грубость,
продолжалъ тѣмъ же голоскомъ:

— Если тебѣ не нравится ходить въ школу, то почему бы тебѣ не научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы зарабатывать хлѣбъ?

— А я тебѣ скажу,—возразилъ Пиноккіо,

Пиноккіо бросилъ молотокъ въ сверчка...

начинавшій терять терпѣніе,— что изъ всѣхъ занятій, существующихъ въ мірѣ, мнѣ по душѣ только одно.

— Какое же?

— Ёсть, пить, спать, развлекаться и бродить съ утра до вечера безъ всякаго дѣла.

— Знай же,— сказалъ сверчокъ-говорунъ съ обыч-

нымъ ему спокойствіемъ, — всѣ тѣ, которые занимаются только этимъ, кончаютъ жизнь въ больницѣ или въ тюрьмѣ.

— Берегись, сверчокъ, не каркай, а то разсердишь меня—бѣда будетъ!

— Бѣдный Пиноккіо, мнѣ жаль тебя!

— Почему это ты сталъ вдругъ жалѣть меня?

— Потому, что ты не человѣкъ, а паяцъ, и еще потому, что у тебя деревянная голова.

При этихъ словахъ Пиноккіо съ бѣшенствомъ вскочилъ и, схвативъ со скамьи деревянный молотокъ, бросилъ его въ сверчка-говоруна.

Можетъ быть, онъ и не думалъ попасть въ него, но, къ несчастью, молотокъ попалъ сверчку прямо въ голову, и бѣдное насекомое только успѣло сказать: „кри-кри-кри!“ — какъ было раздавлено и прилѣплено къ стѣнѣ.

V.

Пиноккіо голодѣнь; онѣ находитѣ яйцо, хочѣтъ сдѣлать себѣ изѣ него яичницу, но эта послѣдняя улѣтаетѣ въ окошко.

Вѣ это время начало уже смеркаться, и Пиноккіо вспомнилѣ, что онѣ ничего еще не ѣлѣ; въ его желудкѣ появилось ощущеніе, похожее на аппетитѣ. Аппетитѣ у дѣтей развивается быстро; дѣйстви-тельно, черезѣ нѣсколько минутѣ этотѣ аппе-титѣ у Пиноккіо превратился въ голодѣ, а голодѣ этотѣ вскорѣ сталѣ прямо невыно-симымѣ. Бѣдный Пиноккіо бросился къ ка-мину, въ которомѣ, казалось, дымился коте-локѣ. Онѣ хотѣлѣ посмотрѣть, что тамѣ

варилось, но котелокъ и дымъ были только нарисованы. Вообразите разочарованіе Пиноккіо! Носъ его, и безъ того длинный, сдѣлался еще длиннѣе, по крайней мѣрѣ, на 4 пальца.

Тогда онъ сталъ бѣгать по комнатѣ и искать во всѣхъ ящикахъ и углахъ хоть кусочекъ хлѣба, хотя бы залежалаго, сухого, или даже кость, оставленную собакой, или немного испорченной каши, или рыбій хребетъ, или вишневую косточку, однимъ словомъ, что-нибудь съѣстное. Но всѣ поиски были напрасны: онъ не нашелъ ровно ничего.

А голодъ все усиливался, и бѣдный Пиноккіо только и могъ забывать о немъ во время зѣвоты, и зѣвалъ же онъ за то такъ широко, что иногда ротъ его доходилъ до ушей, но послѣ зѣвоты голодъ мучилъ его еще сильнѣе. Пиноккіо въ отчаяніи со слезами говорилъ самъ себѣ:

— Правъ былъ сверчокъ-говорунъ. Не хорошо я сдѣлалъ, что противился папашѣ и убѣждалъ изъ дому... Если-бы папаша былъ здѣсь, я бы не умиралъ отъ зѣвоты! Охъ, какая скверная вещь голодъ!

Вдругъ онъ замѣтилъ въ сорной кучѣ что-то бѣлое, круглое, похожее на куриное яйцо. Въ одно мгновеніе онъ подбѣжалъ къ этому мѣсту. Оказалось, что это, точно, было яйцо. Трудно описать радость нашего паяца. Онъ едва вѣрилъ, что это не сонъ, вертѣлъ въ рукахъ яйцо и цѣловалъ его даже, приговаривая:

— Какъ-же мнѣ сварить его теперь? Сумѣю ли я сдѣлать яичницу? Нѣтъ, лучше испечь его на тарелкѣ!.. А не лучше ли будетъ, если я поджарю его на сковородѣ? Или не сварить-ли его всмятку? Нѣтъ, все-таки лучше испечь его въ тарелкѣ или на сковородѣ! Очень ужъ хочется съѣсть его.

Сказавъ это, онъ немедленно поставилъ сковородку на жаровню, наполненную горячими угольями, влилъ, вмѣсто масла, немного воды и, когда вода начала кипѣть, онъ разбилъ яйцо и хотѣлъ выпустить содержимое его. Но, вмѣсто бѣлка и желтка, изъ скорлупы выскочилъ цыпленокъ, веселый и шустрый, который, вѣжливо поклонившись Пиноккіо, сказалъ ему:

— Большое спасибо, господинъ Пиноккіо,

за то, что вы избавили меня отъ труда разбивать самому яичную скорлупу! До свиданія, будьте здоровы, кланяйтесь всѣмъ вашимъ.

Съ этими словами цыпленокъ расправилъ крылышки и улетѣлъ въ открытое окно...

Бѣдняга Пиноккіо прямо остолбенѣлъ. Онъ стоялъ нѣкоторое время съ устремленными вдаль глазами, съ открытымъ ртомъ и со скорлупою въ рукѣ. Придя въ себя, онъ заплакалъ, сталъ въ отчаяніи кричать и топать ногами. Въ слезахъ онъ говорилъ про себя:

— Правъ былъ сверчокъ-говорунъ! Если бы я не убѣждалъ изъ дому и папаша былъ бы со мною, то я не умиралъ бы съ голоду. Охъ, какая прескверная вещь голодъ!

А такъ какъ его желудокъ все больше и больше давалъ себя знать, притомъ Пиноккіо не зналъ, какъ утолить голодъ, то онъ надумалъ выйти изъ дому и пробѣжаться въ сосѣдную деревню, въ надеждѣ встрѣтить добраго человѣка, который бы далъ ему кусочекъ хлѣба.

VI.

Пиноккіо засыпаетъ, засунувъ ноги въ жаровню и просыпается на слѣдующее утро съ обгорѣлыми ногами.

НОЧЬЮ разыгралась непогода: громъ гремѣлъ, не смолкая, молніи сверкали такъ, что казалось, будто небо загорѣлось; холодный, рѣзкій вѣтеръ яростно свистѣлъ, поднимая тучи пыли и заставляя стонать деревья.

Пиноккіо очень боялся грома и молніи, но голодъ былъ сильнѣе страха. Онъ открылъ дверь и побѣжалъ съ такою быстротою, что въ сто прыжковъ достигъ деревни, хотя и запыхался до того, что высунулъ языкъ, какъ охотничья собака. Но въ деревнѣ все

было темно и тихо. Лавки были закрыты, двери домовъ заперты, окна тоже закрыты, и на улицѣ не было даже собакъ. Казалось, вся деревня вымерла.

Тогда Пиноккио, доведенный голодомъ до отчаянія, схватился за звонокъ у одного дома и сталъ звонить, говоря про себя:

— Кто-нибудь да выглянетъ же хоть въ окно.

— Дѣйстви-тельно въ окно выглянулъ какой-то старикъ въ ночномъ колпакѣ на головѣ.

— Что вамъ нужно въ такую позднюю пору?—закричалъ онъ сердито.

Пиноккио тотчасъ же снялъ шляпу...

— Не будете ли добры дать мнѣ кусокъ хлѣба?—отвѣтилъ Пиноккіо.

— Подождите здѣсь, я сейчасъ вернусь,—сказалъ старичокъ.

Онъ думалъ, что имѣетъ дѣло съ уличнымъ безобразникомъ, который, ради шалости, звонить, чтобы беспокоить добрыхъ людей, отдыхающихъ послѣ трудовъ.

Черезъ полминуты окно опять открылось, и голосъ того же старика прокричалъ:

— Подойдите ближе и подставьте шляпу.

Пиноккіо тотчасъ же снялъ шляпу и не успѣлъ ее протянуть, какъ почувствовалъ потокъ воды, облившій его всего съ головы до ногъ.

Послѣ такого купанья паяцу пришлось, не солоно хлебавши, возвращаться домой; онъ былъ весь мокрый и еле двигался отъ усталости и голода.

Въ полномъ изнеможеніи, придя домой, онъ сѣлъ на стулъ и протянулъ свои мокрыя и грязныя ноги въ жаровню съ горячими угольями. Такъ онъ и заснулъ. Во время сна его деревянные ноги загорѣлись, обуглились и превратились въ золу. А Пи-

ноккіо продолжалъ спать и храпѣть, будто не его ноги сгорѣли. Наконецъ, къ утру онъ проснулся, потому что услыхалъ стукъ въ дверь.

— Кто тамъ? — спросилъ онъ, зѣвая и протирая глаза.

— Это я! — отвѣтили за дверями.

Пиноккіо узналъ голосъ Джепетто.

VII.

Джепетто возвращается домой и отдает паяцу завтракъ, купленный имъ для себя.

БѢДНЫЙ Пиноккіо, проснувшись, еще не-замѣтилъ своихъ обугленныхъ ногъ; поэтому, услыхавъ голосъ отца, онъ прыгнулъ со стула, чтобы отворить ему дверь, но послѣ трехъ прыжковъ растянулся во весь ростъ на полу. Онъ упалъ съ такимъ грохотомъ, съ какимъ упалъ бы съ пятого этажа мѣшокъ деревянныхъ ложекъ.

— Отвори же мнѣ!—кричалъ Джепетто съ улицы.

— Не могу, папаша...—отвѣтилъ паяцъ, плача и катаясь по полу.

— Что съ тобой сдѣлалось?

— Кто-то съѣлъ мои ноги.

— Кто же могъ ихъ съѣсть?

— Кошка, — сказалъ Пиноккіо, увидя кошку, игравшую со стружками.

— Отворяй лучше по-добру, по-здорову! — снова крикнулъ Джепетто. — А если не откроешь, то я войду самъ, я задамъ тебѣ кошку!

— Но я не могу стоять на ногахъ, повѣрьте мнѣ. Охъ, какой я несчастный, мнѣ придется всю жизнь ползать на колѣняхъ.

Джепетто, думая, что всѣ эти слезы и мольбы не что иное, какъ новыя продѣлки паяца, рѣшилъ покончить съ ними; онъ вскарабкался по стѣнѣ къ окошку и влѣзъ черезъ него въ комнату.

Сначала онъ думалъ исполнить свою угрозу — наказать мальчугана; но когда онъ увидѣлъ своего Пиноккіо на полу безъ ногъ, его родительское сердце дрогнуло; онъ схватилъ паяца на руки, прижалъ его къ себѣ и сталъ цѣловать его и всячески ласкать.

— Пиноккіо, бѣдный мой мальчикъ! Какъ это ты сжегъ свои ножки? — говорилъ онъ со слезами на глазахъ.

— Не знаю, папенька, но повѣрьте, эта ночь была для меня адскою, и я ее никогда не забуду. Громъ гремѣлъ, молніи сверкали, и я былъ страшно голоденъ, а Сверчокъ-говорунъ все повторялъ: „Такъ тебѣ и надо за то, что ты былъ непослушенъ“. Я ему сказалъ: „Берегись, Сверчокъ!!!“, а онъ мнѣ отвѣтилъ: „Ты паяцъ, и голова у тебя деревянная“; я бросилъ въ него молотокъ, а онъ и умеръ; но онъ самъ былъ въ этомъ виноватъ, потому что я не хотѣлъ его убивать; потомъ я поставилъ сковороду на жаровню съ угольями, но цыпленокъ улетѣлъ и сказалъ мнѣ: „До свиданія, кланяйтесь всѣмъ вашимъ“. А голодъ все усиливался, и тотъ старичокъ въ колпакѣ, высунувшись въ окошко, сказалъ: „Подойди поближе и подставь шляпу“, и облилъ меня всего водой. Вѣдь просить кусочекъ хлѣба не стыдно, не правда ли? Я вернулся сейчасъ же домой, а такъ какъ голодъ меня мучилъ еще сильнѣе, я поставилъ ноги на жаровню, чтобы ихъ высушить, а вы вернулись, и ноги оказались обгорѣлыми. Однако, голодъ при мнѣ, а ногъ уже нѣтъ!

— Тутъ бѣдный Пиноккіо заплакалъ и застоналъ такъ, что его слышно было за пять верстъ.

Джепетто, понявшій изъ всего того, что ему наговорилъ Пиноккіо, только то, что онъ голоденъ, вынулъ изъ кармана три груши и, отдавая ихъ паяцу, сказалъ:

— Эти три груши я приготовилъ себѣ на завтракъ, но охотно отдамъ ихъ тебѣ; кушай себѣ на здоровье.

— Если вы хотите, чтобы я ихъ съѣлъ, то будьте добры очистить кожицу.

— Очистить кожицу?—спросилъ удивленный Джепетто.— Я никогда не предполагалъ, сынъ мой, въ тебѣ такихъ прихотей. Плохо это! Надо приучаться съ дѣтства все ѣсть, потому что мы не можемъ знать, что съ нами будетъ. Сколько бываетъ всякихъ случайностей!..

— Вы говорите правду,—отвѣтилъ Пиноккіо,—но все-таки я никогда не буду ѣсть фруктовъ вмѣстѣ съ кожицей. Я терпѣть не могу кожицы и скорлупы.

Добрякъ Джепетто, вынувъ изъ кармана

ножъ, терпѣливо очистилъ груши и положилъ кожицу на уголь стола.

Когда Пиноккіо проглотилъ въ два пріема первую грушу, онъ хотѣлъ выбросить ея сердцевину, но Джепетто удержалъ его руку и сказалъ ему:

— Не бросай: все въ жизни пригодится.

— Но я сердцевину ѣсть не буду!.. — закричалъ паяцъ, извиваясь, какъ змѣя.

— Кто знаетъ, мало ли что можетъ случиться, — повторилъ спокойно Джепетто.

Пиноккіо подчинился и положилъ всѣ три сердцевины на уголь стола, гдѣ лежали и кожицы.

Сѣвъши или, лучше сказать, проглотивъ груши, Пиноккіо широко зѣвнулъ и жалобно сказалъ:

— Я все еще голоденъ!

— Но у меня ничего больше нѣтъ, дитя мое.

— Неужели ничего, совсѣмъ ничего?

— Только и осталось, что эти сердцевины и кожицы отъ грушъ.

— Что дѣлать! — сказалъ Пиноккіо, — если

ничего больше нѣтъ, то съѣмъ хоть одну сердцевину.

И онъ началъ ее разжевывать. Сначала онъ морщился, но потомъ—одну за другой—съѣлъ всѣ три сердцевинны; послѣ сердцевинъ онъ потянулся и къ кожицамъ, и когда все это было съѣдено, онъ радостно потеръ себѣ руки и прибавилъ съ восторгомъ:

— Теперь я себя чувствую хорошо!

— Вотъ видишь,—замѣтилъ ему Джепетто,—я былъ правъ, когда говорилъ тебѣ, что надо пріучаться все ѣсть. Дорогой мой, мы не можемъ знать, что съ нами случится. Столько бываетъ всякихъ случайностей!

VIII.

Джепетто придѣлываетъ новыя ноги Пиноккіо и продаетъ свою куртку, чтобы купить ему азбуку.

НАѢВШИСЬ, нашъ паяцъ сталъ капризничать и плакать, прося Джепетто сдѣлать ему новыя ноги.

Но Джепетто, желая наказать его за дурное поведеніе, добрую половину дня не обращалъ никакого вниманія на его слезы и жалобы, а потомъ началъ говорить:

— А для чего я стану тебѣ дѣлать но-

вые ноги? Ужь не для того ли, чтобы ты могъ снова удрать изъ дома?

— Клянусь вамъ, — отвѣтилъ паяцъ, — что съ сегодняшняго дня я буду умникомъ...

— Всѣ вы такъ говорите, — возразилъ Джепетто, — когда хотите что-либо получить.

— Но я не такой, какъ другія дѣти! Я лучше всѣхъ дѣтей и всегда говорю правду. Обѣщаю вамъ, папаша, научиться какому-нибудь ремеслу и сдѣлаться вашимъ утѣшеніемъ, вашею поддержкою въ старости.

Хотя Джепетто и старался казаться сердитымъ, но глаза его были полны слезъ, и сердце его страдало при видѣ бѣднаго Пиноккіо въ такомъ жалкомъ положеніи. Онъ ничего не отвѣтилъ, а взялъ сейчасъ-же инструменты, двѣ палочки, и съ жаромъ принялся за работу.

Не прошло и часа, какъ ноги были готовы: двѣ ножки легкія, тонкія, бойкія, какъ будто онѣ были сдѣланы великимъ мастеромъ.

Тогда Джепетто сказалъ паяцу:

— Закрой глаза и спи!

Пиноккіо закрылъ глаза, но не заснулъ, а только притворился спящимъ. Въ это время Джепетто, при помощи клея, разведеннаго въ яичной скорлупѣ, приклеилъ ему обѣ ноги такъ хорошо, что даже не замѣтно было мѣсто ихъ склейки.

Какъ только Пиноккіо почувствовалъ, что у него опять есть ноги, онъ прыгнулъ со стола, на которомъ лежалъ, и давай выдѣлывать самые дикіе прыжки, словно съ ума сошелъ отъ радости.

— Чтобы отблагодарить васъ за все то, что вы для меня сдѣлали, — сказалъ Пиноккіо отцу, — я хочу сейчасъ-же пойти въ школу.

— Отлично, сынокъ!..

— Мнѣ только нужно бы немного отдохнуть.

Джепетто былъ очень бѣденъ, въ карманѣ у него не было даже копѣйки; поэтому онъ сдѣлалъ паяцу костюмъ изъ толстой бумаги, башмаки изъ древесной коры и шляпу изъ хлѣбнаго мякиша.

Окончивъ одѣваться, Пиноккіо побѣжалъ посмотреть въ ведро съ водою, остался

очень доволенъ собою и сказалъ съ важно-
стью:

— Да вѣдь я кажусь просто бариномъ!

— Это правда,—прибавилъ Джепетто,—
но только заруби себѣ на носу, что не кра-
сивое платье дѣлаетъ изъ человѣка барина,
а чистое платье.

— Кстати, — сказалъ паяцъ, — мнѣ все-
таки еще кое-чего не хватаетъ, чтобы идти
въ школу.

— Чего же именно?

— Азбуки.

— Это правда, но откуда ее взять?

— Очень просто: купить у книгопродавца

— А деньги?

— У меня ихъ нѣтъ.

— И у меня ихъ нѣтъ, — сказалъ доб-
рый старичокъ печальнымъ тономъ.

Хотя Пиноккіо былъ вообще веселаго
нрава, однако тутъ и ему сдѣлалось грустно,
потому что бѣдность всѣ понимаютъ, даже
дѣти.

— Подожди немного!—вдругъ восклик-
нулъ Джепетто, вставая на ноги, и, надѣвъ
свою старую куртку изъ бумажной ткани,

всю въ заплатяхъ, онъ быстро вышелъ изъ дому.

Вскорѣ онъ вернулся съ азбукой для своего сына, но уже безъ куртки. Бѣдняга остался безъ верхняго платья, хотя на дворѣ шелъ снѣгъ.

— А куртка, папаша? — спросилъ Пиноккіо.

— Я ее продалъ.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Потому что мнѣ было жарко.

Пиноккіо понялъ, въ чемъ дѣло, и, не будучи въ состояніи сдержать порывъ своего добраго сердца, бросился на шею Джепетто и сталъ его цѣловать.

IX.

**Пиноккіо продаетъ азбуку, чтобы пойти
посмотрѣть представленіе паяцовъ.**

КОГДА снѣгъ пересталъ идти, Пиноккіо, съ азбукой подъ мышкой, направился къ школѣ и дорогою мечталъ, строилъ воздушные замки, одинъ лучше другого. Бесѣдуя съ самимъ собою, онъ говорилъ:

— Сегодня въ школѣ я хочу сразу научиться читать, а завтра научусь писать, а

послѣзавтра—писать и считать цифры. Потомъ, съ моимъ прилежаніемъ и моею ловкостью, я буду зарабатывать много денегъ; на первыя деньги, которыя я заработаю, я куплю суконную куртку папашѣ. Что я говорю—суконную? Я закажу ему куртку, вышитую золотомъ и серебромъ, съ брилліантовыми пуговицами. Вѣдь этотъ бѣдный человѣкъ заслуживаетъ ее; въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы купить мнѣ книги и дать мнѣ образованіе, онъ остался безъ верхняго платья... да еще въ такіе холода! Только одни отцы способны на такія жертвы!..

Въ то время, какъ онъ строилъ свои воздушные замки и самъ умилялся ими, ему послышались вдали звуки флейты и барабана: пи-пи-пи, бумъ-бумъ-бумъ. Онъ остановился и сталъ прислушиваться. Эти звуки неслись изъ маленькой деревушки, расположенной на берегу моря.

— Что это за музыка? Жаль, что мнѣ нужно идти въ школу, а то бы я...

И онъ остановился въ нерѣшительности: идти-ли ему въ школу, или послушать музыку.

— Сегодня я пойду послушаю музыкантовъ, а завтра ужъ пойду въ школу. Въ школу всегда еще успѣю,—сказалъ наконецъ мальчуганъ, пожимая плечами.

Сказано-сдѣлано: онъ свернулъ на большую дорогу и пустился со всѣхъ ногъ по ней. Чѣмъ дальше онъ бѣжалъ, тѣмъ явственнѣе доносились до него звуки флейты и барабана: пи-пи-пи, бумъ-бумъ. Вдругъ онъ очутился посреди площади, на которой у деревяннаго балагана, покрытаго разноцвѣтнымъ полотномъ, толпился народъ.

— Что это за балаганъ?—спросилъ Пиноккіо, обращаясь къ какому-то мальчику.

— Прочти вывѣску, самъ узнаешь.

— Охотно прочиталъ-бы, но сегодня я не умѣю читать.

— Экій филинъ! Ну, слушай я тебѣ прочту. Видишь на этой вывѣскѣ красныя, какъ огонь, буквы; это написано: „Большой театръ паяцовъ“...

— А давно начали представленіе?

— Сейчасъ начинается.

— А сколько слѣдуетъ за входъ?

— Пять копѣекъ.

Любопытство Пиноккіо разгорѣлось до того, что онъ позабылъ всякій стыдъ и всякое приличіе и сказалъ мальчику, съ которымъ разговаривалъ:

— А не дашь-ли ты мнѣ до завтрашняго дня пяти копѣекъ?

— Съ удовольствіемъ далъ - бы тебѣ ихъ, — отвѣтилъ тотъ насмѣшливо, — но сегодня я не могу этого сдѣлать.

— За пять копѣекъ я продамъ тебѣ мою куртку, — сказалъ нашъ паяцъ.

— На что мнѣ твоя куртка изъ толстой бумаги? Если пойдетъ дождь, то ее и съ плечъ не снимешь.

— Такъ не хочешь-ли купить мои башмаки?

— Они годятся только на растопки.

— Ну, такъ сколько ты мнѣ дашь за шляпу?

— Экое сокровище, подумаешь, твоя шляпа изъ хлѣбнаго мякиша! А что, если крыса съѣстъ ее на моей же головѣ!

Пиноккіо былъ какъ на иголкахъ. Онъ ужъ готовъ былъ сдѣлать послѣднее предложеніе, но храбрости не хватало; онъ не

рѣшался, покачивалъ головою, мучился. Наконецъ сказалъ:

— Хочешь купить у меня за пять копѣекъ эту новую азбуку?

— Я ничего не покупаю у дѣтей,—отвѣтилъ ему собесѣдникъ, имѣвшій больше здраваго смысла.

— За пятакъ я готовъ взять вашу азбуку, — закричалъ торговецъ старыми вещами, слышавшій разговоръ двухъ мальчиковъ.

И книга была тутъ-же продана. А подумать только, что этотъ бѣдный Джепетто оставался дома и дрожалъ отъ холода, для того только, чтобы купить азбуку своему сыну!

X.

Паяцы театра узнають въ **Пиноккіо** собрата и встрѣчаютъ его торжественно, но въ самый разгаръ веселья является хозяинъ паяцовъ **Манджіафоко**, и **Пиноккіо** рискуетъ плохо закончить свою жизнь.

КОГДА **Пиноккіо** вошелъ въ балаганъ, произошло большое смятеніе. Нужно сказать, что занавѣсъ былъ поднятъ и представленіе уже началось.

На сценѣ находились **Арлекинъ** и **Полишинель**, которые ссорились и были уже готовы угостить другъ друга пощечинами и

палочными ударами, какъ это всегда бываетъ.

Зрители внимательно слѣдили за игрой пацовъ, неудержимо хохотали надъ ними, когда они двигались и бранились такъ естественно, что, казалось, это были живыя существа.

Вдругъ Арлекинъ перестаетъ говорить и, обращаясь къ публикѣ, указываетъ на кого-то, а затѣмъ съ торжественною серьезностью кричить:

— Боже мой! Во снѣ я это вижу или на-яву! Если я не ошибаюсь, тамъ стоитъ Пиноккіо!...

— Это онъ безъ сомнѣнія!—кричитъ Полишинель.

— Конечно, это онъ!—пропищала кукла Розаура, украдкою выглянувъ изъ глубины сцены.

— Пиноккіо, Пиноккіо!—заорали всѣ пацы, выскакивая изъ-за кулисъ.

— Это нашъ Пиноккіо! Да здравствуетъ Пиноккіо!

— Пиноккіо, поднимись-ка ко мнѣ!—прокричалъ еще разъ Арлекинъ, — приди въ объятія твоихъ деревянныхъ братьевъ!

Послѣ такой дружеской встрѣчи и зазываній, Пиноккіо сдѣлалъ скачокъ и перепрыгнулъ изъ заднихъ мѣстъ на первыя; оттуда другимъ скачкомъ онъ прыгнулъ на голову дирижера оркестра, а затѣмъ ужъ прямо вскочилъ на сцену.

Трудно представить себѣ, какой восторженный пріемъ встрѣтилъ Пиноккіо отъ актеровъ и актрисъ этой труппы, сколько было объятій, сколько получилъ онъ дружескихъ пинковъ и щелчковъ!

Зрѣлище было трогательное, но публика, видя, что комедія не продолжается, стала кричать:

— Комедію, мы хотимъ слушать комедію!

Но все было напрасно; паяцы, вмѣсто того, чтобы продолжать комедію, зашумѣли еще сильнѣе и, поднявъ Пиноккіо на плечи, поднесли его къ рампѣ сцены.

Тогда на сцену вышелъ хозяинъ театра, человѣкъ такой ужасной наружности, что страшно было на него посмотрѣть. Борода его была черная, какъ чернила, притомъ такая длинная, что доходила до полу и попадала ему подъ ноги, когда онъ шелъ. Ротъ

его походилъ на жаровню, а глаза казались двумя фонарями зеленого цвѣта; онъ держалъ въ рукахъ большой кнутъ, сдѣланный изъ змѣй и лисьихъ хвостовъ, сплетенныхъ вмѣстѣ.

При неожиданномъ появленіи хозяина всѣ какъ-будто онѣмѣли, наступила такая

Пиноккіо извивался какъ угорь...

тишина, что можно было услышать полетъ мухи. Бѣдные паяцы, мужчины и женщины, дрожали, какъ осиновые листья.

— Зачѣмъ ты пришелъ будоражить мой театр?—спросилъ Пиноккіо хозяинъ охрипшимъ страшнымъ голосомъ.

— Повѣрьте, ваше сіятельство, что все это случилось не по моей винѣ!..

— Довольно! Сегодня вечеромъ мы сочтемся.

Дѣйствительно, по окончаніи представленія, хозяинъ отправился на кухню, гдѣ для его ужина медленно пекся на вертелѣ цѣлый барашекъ. А такъ какъ не хватало дровъ, чтобы дожарить его, то хозяинъ позвалъ Арлекина и Полишинеля и сказалъ имъ:

— Приведите-ка ко мнѣ этого паяца; я его пока подвѣсилъ на гвоздь. Сдается мнѣ, что онъ сдѣланъ изъ очень сухого дерева, и если его бросить въ огонь, то онъ дастъ мнѣ хорошаго жару на жаркое.

Арлекинъ и Полишинель не рѣшались исполнить это приказаніе, но, испуганные взглядомъ хозяина, повиновались и вскорѣ вернулись на кухню, неся на рукахъ бѣднаго Пиноккіо, который извивался, какъ угорь, и отчаянно кричалъ:

— Папаша, спасите меня! Я не хочу умирать, нѣтъ, не хочу!..

XI.

Манджіафоко чихаетъ и прощаетъ Пиноккіо, который послѣ этого защищаетъ и спасаетъ отъ смерти своего друга Арлекина.

ХОЗЯИНЪ Манджіафоко (то-есть „глотавшій огонь“—такъ его называли) казался страшилищемъ, отрицать этого нельзя: его черная борода, какъ фартукъ, покрывала ему грудь и ноги. Но въ сущ-

ности онъ не былъ злымъ человѣкомъ. Увидѣвъ Пиноккіо, отбивавшагося и кричавшаго „не хочу умирать“, онъ сжалился надъ нимъ. Онъ долго крѣпился, но наконецъ не выдержалъ и... громко чихнулъ.

Послѣ этого чиханія Арлекинъ, до той поры грустный и сгорбленный, какъ плакучая ива, вдругъ повеселѣлъ и, нагнувшись къ Пиноккіо, прошепталъ ему:

— Хорошая примѣта, братецъ! Хозяинъ чихнулъ, а это значитъ, что онъ сжалился надъ тобою,—ты теперь спасенъ.

Всѣ люди, обыкновенно, чувствуя жалость, или плачутъ, или показываютъ видъ, что утираютъ слезы. Манджіафоко же, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйствительно бывалъ растроганъ, имѣлъ привычку чихать. Этимъ путемъ онъ показывалъ другимъ чувствительность своего сердца.

И такъ, чихнувъ, хозяинъ, все еще стараясь казаться строгимъ, закричалъ Пиноккіо:

— Перестань плакать!—Твои жалобы разстроили мнѣ желудокъ... я чувствую давленіе и почти... чхи, чхи!—Тутъ онъ еще два раза чихнулъ.

— Будьте здоровы!—сказалъ Пиноккіо.

— Благодарю. Живы-ли, здоровы твои папаша и мамаша? — спросилъ Манджіа-ффоко.

— Папаша живъ, а мамашу я никогда не зналъ.

— Кто знаетъ, какъ было-бы непріятно твоему старику отцу, если-бы я тебя бросилъ въ огонь. Бѣдный старикъ! Жаль мнѣ его!... чхи, чхи, чхи!—Тутъ онъ еще три раза чихнулъ.

— Много лѣтъ здравствовать!—сказалъ Пиноккіо.

— Благодарю. Однако, надо и меня пожалѣть: какъ видишь, у меня нѣтъ больше дровъ, чтобы дожарить барашка, а ты, скажу правду, въ данномъ случаѣ услужилъ-бы мнѣ, какъ нельзя лучше! Но я сжалился надъ тобою и ужъ дѣлать нечего. Вмѣсто тебя, я брошу въ огонь какого-нибудь па-яца изъ моей труппы..! Эй, жандармы!

На этотъ зовъ явились тотчасъ же двое деревянныхъ жандармовъ, высокихъ, сухихъ, въ шляпѣ улиткою и съ обнаженными саблями.

Хозяинъ приказалъ имъ хриплымъ голосомъ:

— Возьмите-ка вотъ этого Арлекина, свяжите его хорошенько и бросьте въ огонь. Я хочу, чтобы мой барашекъ былъ хорошо поджаренъ!

Можете себѣ представить, что почувствовалъ Арлекинъ при этихъ словахъ. Онъ до того испугался, что ноги у него подкосились, и онъ упалъ на полъ.

При видѣ этого раздирающаго душу зрѣлища, Пиноккіо бросился къ ногамъ хозяйина и, заливаясь слезами, обливая ими его бороду, умоляющимъ голосомъ проговорилъ:

— Сжальтесь, господинъ Манджіафоко!..

— Тутъ нѣтъ господъ! — сказалъ ему грубо хозяинъ.

— Сжальтесь, ваше благородіе!..

— Здѣсь нѣтъ никакихъ благородій!..

— Сжальтесь, командиръ!..

— Нѣтъ здѣсь командировъ!

— Сжальтесь, ваше превосходительство!..

Услыхавъ этотъ послѣдній титулъ, хозяинъ вдругъ важно поджалъ губы и сразу сдѣлался болѣе доступнымъ.

— Чего же ты хочешь отъ меня?—спросилъ онъ.

— Помилуйте бѣднаго Арлекина...

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Если я помиловалъ тебя, то я долженъ бросить въ огонь его, потому что надо же мнѣ хорошенько зажарить своего барашка.

— Въ такомъ случаѣ, — гордо воскликнулъ Пиноккіо, вскакивая и бросая свою шляпу изъ хлѣбнаго мякиша, — въ такомъ случаѣ, я знаю, что мнѣ дѣлать. Идите, жан-

Пиноккіо бросился къ ногамъ
хозяина...

дармы! Свяжите меня и бросьте въ огонь! Нѣтъ, я не допущу, чтобы бѣдный Арлекинъ, мой истинный другъ, умиралъ изъ-за меня!

Эти слова, произнесенныя громкимъ рѣшительнымъ голосомъ, тронули до слезъ

всѣхъ паяцовъ, присутствовавшихъ при этой сценѣ. Даже жандармы, хотя и были деревянные, заплакали, какъ малые ребята.

Манджіафоко сначала не двигался и оставался холоднымъ, какъ кусокъ льда, но понемногу и онъ растрогался, и началъ опять чихать. Чихнувъ четыре или пять разъ, онъ раскрылъ свои объятія Пиноккіо и сказалъ ему:

— Ты очень хорошій мальчикъ! Поцѣлуй же меня!

Пиноккіо стрѣлой подбѣжалъ къ Манджіафоко и, вскарабкавшись, какъ бѣлка, по его бородѣ, звонко поцѣловалъ его въ самый кончикъ носа.

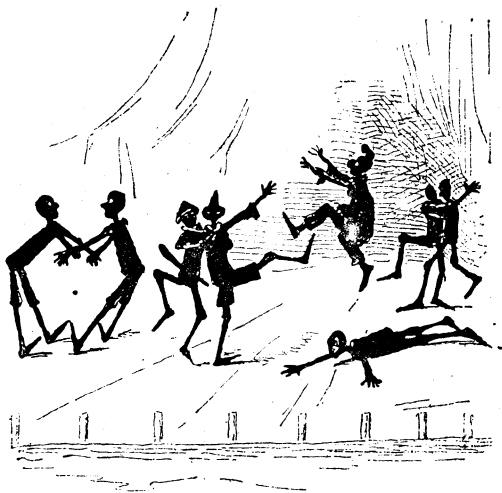
— Значить, я помилованъ? — спросилъ бѣдный Арлекинъ едва внятнымъ голосомъ.

— Да, помилованъ! — отвѣтилъ Манджіафоко.

Потомъ, со вздохомъ покачавъ головою, прибавилъ:

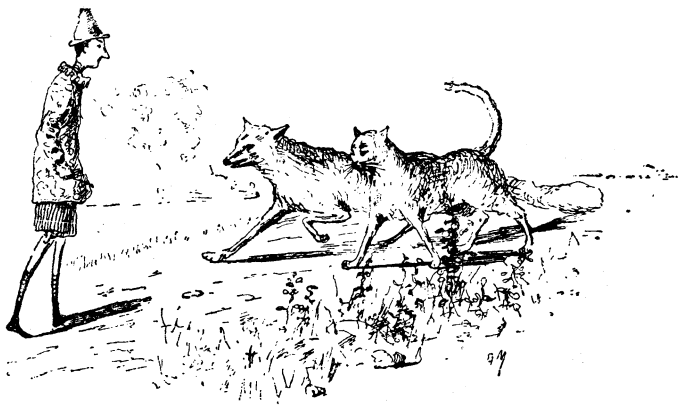
— Что дѣлать! ужь сегодня вечеромъ придется ѣсть барашка недожареннымъ, но ужь въ другой разъ бѣда тому, чья очередь придетъ!..

Услыхавъ, что Манджіафоко всѣхъ простилъ, паяцы выбѣжали толпой на сцену,

Паяцы все плясали...

зажгли свѣчи и лампы, какъ для бала, и стали прыгать и плясать. И такъ они веселились до самаго утра.

ХІІ.

Манджіафоко дарить пять золотыхъ монетъ Пиноккіо, чтобъ онъ ихъ снесъ своему отцу Джепетто; но Пиноккіо, увлеченный лисицею и кошкою, отправляется съ послѣдними.

НА слѣдующій день Манджіафоко отвелъ въ сторону Пиноккіо и спросилъ его:
— Какъ зовутъ твоего отца?

— Джепетто.

— А какимъ ремесломъ онъ занимается?

— Онъ занимается бѣдностью.

— Много ли онъ зарабатываетъ?

— Онъ зарабатываетъ столько, сколько нужно для того, чтобъ никогда не имѣть ни одной полушки. Представьте: для того, чтобы купить мнѣ азбуку для школы, онъ долженъ былъ продать свою единственную истрепанную и заплатанную куртку.

— Бѣдняга! Мнѣ очень жаль его. Вотъ тебѣ пять золотыхъ монетъ: иди сейчасъ, снеси отцу эти деньги и кланяйся ему отъ меня.

Пиноккіо горячо поблагодарилъ хозяина, сонялъ cadaго изъ паяцовъ труппы, даже жандармовъ и, внѣ себя отъ радости, пустился домой.

Но не прошелъ онъ еще и полуверсты, какъ встрѣтилъ по дорогѣ хромую лисицу и слѣпую кошку, которыя дружно шли, помогая другъ дружкѣ на пути. Лисица показывала дорогу кошкѣ, а кошка поддерживала хромую лисицу.

— Доброе утро, Пиноккіо,— сказала лисица, вѣжливо раскланиваясь.

— Откуда ты знаешь мое имя?—спросилъ паяцъ.

— Я хорошо знаю твоего папашу!

— А гдѣ ты его видѣла?

— Вчера я его видѣла у порога его дома.

— А что онъ дѣлалъ?

— Онъ былъ безъ куртки и дрожалъ отъ холода.

— Бѣдный папаша! Но теперь онъ не будетъ больше дрожать!

— Почему это?

— Да потому, что я теперь сталъ богатымъ человѣкомъ.

— Ты сталъ богатымъ человѣкомъ? — сказала лисица и звонко разсмѣялась.

Кошка тоже смѣялась, но, чтобы не показать этого, терла свои усы передними лапами.

— Нечего смѣяться, — закричалъ Пиннокіо, — жаль мнѣ васъ дразнить, но отъ этихъ монетъ у васъ слюнки потекутъ: смотрите-ка, пять золотыхъ монетъ.

Тутъ онъ вынулъ пять монетъ, подарокъ Манджіафоко.

Звонъ этихъ монетъ подѣйствовалъ на обоихъ пріятелей: лисица невольно вытянула кривую лапу, а кошка раскрыла оба глаза, но лапа такъ быстро согнулась, а глаза кошки

моментально закрылись, и Пиноккіо не могъ ничего замѣтить.

— Что же ты хочешь сдѣлать съ этими деньгами?—спросила лисица.

— Прежде всего,—отвѣтилъ паяцъ,—я хочу купить папашѣ прекрасную новую куртку, шитую золотомъ и серебромъ, съ брилліантовыми пуговицами, а потомъ куплю еще азбуку для себя.

— Тебѣ азбуку?

— Да, потому что я хочу ходить въ школу и какъ слѣдуетъ учиться.

— Посмотри на меня!—сказала лисица,—изъ-за глупой страсти къ ученію я лишилась одной ноги.

— Посмотри на меня!—сказала кошка,—изъ-за той-же глупой страсти къ ученію я ослѣпла.

Въ это время бѣлый дроздъ, сидѣвшій на кустѣ у дороги, крикнулъ паяцу:

— Пиноккіо, не слушай совѣтовъ дурныхъ товарищей, не то будешь раскаиваться!

Бѣдный дроздъ, лучше-бы онъ молчалъ! Кошка бросилась на него, и не успѣлъ онъ даже крикнуть „ой“, какъ она съѣла его

сразу съ перьями, цѣликомъ. Послѣ такого завтрака кошка помылась лапами, закрыла глаза и опять притворилась слѣпой.

— Бѣдный дроздъ!—сказалъ Пиноккіо,— зачѣмъ ты такъ дурно поступила съ нимъ?

— Это ему наука! Въ другой разъ не вмѣшивайся въ чужіе разговоры.

Всѣ трое продолжали путь и дошли уже до половины дороги; вдругъ лисица остановилась и говоритъ Пиноккіо:

— А не хочешь-ли ты удвоить свои золотыя монеты?

— То-есть, какъ это?

— Не хочешь-ли изъ этихъ 5 жалкихъ монетъ сдѣлать 100, 1.000, 2.000?

— Еще-бы, но какъ это сдѣлать?

— Это очень просто. Только пойдемъ съ нами, вмѣсто того чтобы возвращаться домой.

— А куда вы меня поведете?

— Въ страну простаковъ.

Пиноккіо подумалъ немного, но затѣмъ сказалъ рѣшительно:

— Нѣтъ, я не пойду. Мнѣ ужъ близко до дому и я пойду туда, къ своему отцу. То-то, я думаю, онъ вчера волновался, под-

жидая меня. Да, къ сожалѣнію, я плохо поступилъ; сверчокъ былъ правъ, когда говорилъ: „Непослушныя дѣти не могутъ быть счастливыми на этомъ свѣтѣ“. И я это испыталъ, такъ какъ со мной приключилось не мало несчастій; вчера вечеромъ у Манд-

Кошка бросилась на него...

жіафоко я даже чуть было... брр!.. Морозъ по кожѣ проходитъ, когда подумаю объ этомъ!

— Такъ ты хочешь идти домой?—спросила лисица.—Тѣмъ хуже для тебя, ступай.

— Тѣмъ хуже для тебя, — повторила кошка.

— Подумай, однако, хорошенько, Пиноккіо, потому что ты просто уходишь отъ счастья.

— Отъ счастья!—повторила кошка.

— Твои 5 золотыхъ монетъ превратились-бы до завтра въ 2000 золотыхъ монетъ.

— Двѣ тысячи монетъ!—повторила кошка.

— Да можетъ-ли быть, чтобы сдѣлалось столько денегъ изъ 5 золотыхъ монетъ?—спросилъ Пиноккіо, разинувъ отъ изумленія ротъ.

— Я тебѣ это объясню, — сказала лисица.—Видишь ли, въ странѣ простаковъ есть поле, называемое „полемъ чудесъ“. Ты кладешь въ вырытую тобою ямку, напри-мѣръ, одну монету, закрываешь эту ямку землею и поливаешь двумя ведрами воды; потомъ посыпаешь это мѣсто солью и идешь себѣ спокойно спать. Въ теченіе ночи монета начинаетъ расти и цвѣсти, такъ что на слѣдующее утро, когда ты придешь на поле, знаешь, что ты увидишь? Ты увидишь прекрасное дерево, и на немъ столько монетъ, сколько зеренъ въ колосѣ передъ жатвой.

— Значить, — сказалъ Пиноккіо, пораженный этимъ разсказомъ,—если я положу

мои 5 монетъ, то сколько я найду монетъ на слѣдующее утро?

— Это очень легко высчитать,—отвѣтила лисица,—ты можешь сосчитать это по пальцамъ. Предположимъ, что каждая изъ твоихъ монетъ принесетъ тебѣ 500; умножь 500 на 5 и ты найдешь на слѣдующее утро 2.500 блестящихъ золотыхъ монетъ.

— Ахъ, какъ это чудесно!—воскликнулъ Пиноккіо, прыгая отъ радости.—Какъ только я соберу эти деньги, я оставлю себѣ 2.000, а 500 отдамъ вамъ въ подарокъ.

— Намъ въ подарокъ? — спросила лисица обиженно,—сохрани Богъ!

— Сохрани Богъ,—повторила кошка.

— Мы,—продолжала лисица,—работаемъ не ради своего интереса, а только для того, чтобы обогатить другихъ.

— Другихъ!—повторила кошка.

„Какія онѣ славныя!“—подумалъ Пиноккіо. И, позабывъ отца, куртку, азбуку и всѣ свои благія намѣренія, онъ сказалъ:

— Пойдемъ, я иду съ вами!

ХІІІ.

Гостиница „Краснаго рака“.

ШЛИ, шли они, и, наконецъ, къ вечеру, чуть не падая отъ усталости, пришли къ гостиницѣ „Краснаго рака“.

— Остановимся здѣсь, — сказала лисица, — надо передохнуть, да и закусить. Въ полночь пойдѣмъ дальше, чтобы завтра чуть свѣтъ прійти на поле чудесъ.

Войдя въ гостиницу, они усѣлись за столъ, но ни у кого изъ нихъ не было ап-

петита. Бѣдная кошка, страдая желудкомъ, не могла ничего больше съѣсть, кромѣ тридцати пяти барбуновъ*) подъ соусомъ изъ красныхъ баклажанъ и четырехъ порцій рубца по-пармезански; а такъ какъ барбуны были приготовлены не по ея вкусу, то она потребовала еще масла и тертаго сыру.

Лисица тоже съ удовольствіемъ полакомилась-бы, но докторъ предписалъ ей діету, и она должна была удовлетвориться зайцемъ, пулярами и каплунами. Послѣ этого она приказала подать себѣ рябчиковъ, куропатокъ, лягушекъ въ соусѣ, ящерицъ и райскаго винограду, а потомъ ужъ больше не могла ничего ѣсть. Ей такъ опротивѣла ѣда, какъ она говорила, что она даже не могла смотрѣть на кушанья.

Меньше всѣхъ ѣлъ Пиноккіо. Онъ спросилъ порцію орѣховъ и хлѣба, да и то оставилъ на тарелкѣ. Бѣдный мальчикъ, мечта о чудесномъ полѣ съ золотыми монетами, заблаговременно получилъ разстройство желудка.

*) Рыба, которая водится въ Средиземномъ морѣ, очень вкусная, розоваго цвѣта.

Когда они поужинали, лисица сказала хозяину гостиницы:

— Дайте намъ двѣ хорошія комнаты: одну для господина Пиноккіо и другую для насъ двоихъ. Надо намъ немножко всхрапнуть. Только не забудьте въ полночь насъ разбудить: намъ нужно продолжать путь.

— Слушаю-съ, --отвѣтилъ хозяинъ и при этомъ мигнулъ однимъ глазомъ лисицѣ и кошкѣ, какъ-бы говоря имъ: „Понимаемъ, въ этихъ дѣлахъ я собаку съѣлъ!“

Какъ только Пиноккіо легъ въ постель, онъ сразу заснулъ. И снилось ему, что онъ посреди поля, и поле это усѣяно деревьями; а на деревьяхъ кистями висятъ золотыя монеты, которыя покачиваются отъ вѣтра и издають звукъ: „дзинь, дзинь, дзинь“, какъ будто хотятъ сказать: „Кто насъ хочетъ, пусть придетъ за нами“. Но въ тотъ самый мигъ, когда Пиноккіо хотѣлъ уже протянуть руку, чтобы горстями набрать этихъ монетъ въ карманъ, онъ былъ разбуженъ тремя звонкими ударами въ дверь его комнаты.

Это былъ хозяинъ, пришедшій сказать ему, что пробило полночь.

— А мои товарищи готовы? — спросилъ паяцъ.

— Даже слишкомъ готовы: они ушли уже часа два тому назадъ!

— Куда же они такъ торопились?

— Кошка получила извѣстіе, что ея старшій котенокъ, отморозившій себѣ лапы, очень плохъ.

— А за ужинъ они заплатили?

— Ну, вотъ еще! Они слишкомъ хорошо воспитаны, и не могли обидѣть васъ уплатою за угощеніе.

— Очень жаль, эта обида доставила бы мнѣ большое удовольствіе! — сказалъ Пиноккіо, почесывая затылокъ.

Потомъ онъ спросилъ:

— А не сказали они, гдѣ мнѣ ихъ ждать?

— На полѣ чудесь, завтра утромъ, на разсвѣтѣ.

Пиноккіо заплатилъ что слѣдовало за ужинъ, всего одну золотую монету, и пустился въ путь. Но онъ можно сказать, шелъ ощупью, потому что ночь была такая темная, что хотъ глазъ выколи. Кругомъ въ полѣ не слышно было ни звука, ни даже

шелеста листьевъ. Только ночныя птицы, перелетая черезъ дорогу, задѣвали крыльями по носу Пиноккіо, который каждый разъ при этомъ прыгалъ въ сторону отъ страха и кричалъ: „Кто тамъ?“ А эхо повторяло гдѣ-то вдалекѣ: „Кто тамъ? Кто тамъ?“ Однако вскорѣ онъ замѣтилъ на старомъ мнѣ какого-то звѣрька, мерцавшаго блѣднымъ свѣтомъ, какъ фитиль въ фарфоровой лампадкѣ.

— Кто ты?—спросилъ Пиноккіо.

— Я тѣнь сверчка-говоруна,—отвѣтилъ звѣрекъ слабымъ голоскомъ, будто исходящимъ съ того свѣта.

— Чего тебѣ отъ меня надо?—продолжалъ спрашивать паяцъ.

— Я хочу дать тебѣ добрый совѣтъ. Вернись назадъ и отдай оставшіяся у тебя четыре монеты твоему бѣдному отцу; онъ въ отчаяніи, что тебя нѣтъ.

— Завтра мой папаша будетъ большимъ богачомъ, потому что эти четыре монеты превратятся въ 2.000 монетъ.

— Не вѣрь, дитя мое, тѣмъ, которые обѣщаютъ сдѣлать тебя богатымъ въ одну

ночь. Эти люди или сумасшедшіе, или обманщики! Послушайся меня, вернись домой.

— А я, напротивъ, хочу идти впередъ.

— Теперь уже поздно!

— Я хочу идти впередъ.

— Ночь темна...

— Хочу идти впередъ!

— Путь опасенъ...

— Хочу идти впередъ!

— Помни, что дѣти, желающія дѣлать по-своему, рано или поздно раскаиваются.

— Это только такъ говорятъ. Покойной ночи, сверчокъ!

— Доброй ночи, Пиноккіо, да сохранить тебя Богъ отъ росы и разбойниковъ.

Сказавъ это, сверчокъ-говорунъ потухъ моментально, какъ потухаетъ свѣча, если дунуть на нее, и дорога стала еще темнѣе прежняго.

XIV.

Пиноккіо, не послушавъ добрыхъ совѣтовъ сверчка - говоруна, встрѣчаетъ разбойниковъ.

ДА, правда,—сказалъ про себя паяцъ, продолжая свой путь,—какъ несчастны мы, бѣдныя дѣти! Всѣ бранятъ насъ, читаютъ намъ правоученія, всѣ даютъ намъ совѣты. Дать имъ только волю, всѣ вообразили бы себя нашими отцами, нашими учителями; всѣ, даже сверчки-говоруны. Вотъ примѣръ: такъ какъ я не хотѣлъ послушать этого недовѣрчиваго сверчка, то меня ожидаютъ Богъ вѣсть какія несчастья, по его мнѣнію! Я долженъ встрѣтить даже разбойниковъ! Хорошо, что я не вѣрю въ разбойниковъ и ни-

когда этому не вѣрилъ. По-моему, разбойники нарочно выдуманы родителями, чтобы запугивать дѣтей, желающихъ выходить изъ дому ночью. Притомъ, если-бы даже я ихъ и встрѣтилъ по дорогѣ, развѣ я бы испугался ихъ? Ничуть не бывало, я имъ прямо въ лицо закричу: „Господа разбойники, чего вы хотите отъ меня? Помните, что со мною шутки плохи! Ступайте-ка себѣ своей дорогой и... тсс!“ Послѣ такого окрика эти бѣдные разбойники (я ихъ вижу предъ собою, какъ на яву) убѣгутъ со всѣхъ ногъ. Въ случаѣ же, если они оказались бы такими неблаговоспитанными, что не захотѣли бы убѣжать, то... убѣжалъ бы я. Тѣмъ дѣло и кончилось бы...

Пиноккіо вдругъ прервалъ свои разсужденія: ему показалось, что онъ слышитъ за собою легкій шелестъ листвы. Онъ обернулся и увидѣлъ въ темнотѣ двѣ черныя фигуры, приближающіяся къ нему прыжками, на-цыпочкахъ, какъ двѣ тѣни. На нихъ были надѣты угольные мѣшки, и сквозь отверстія въ этихъ мѣшкахъ видны были только ихъ глаза.

„А вотъ же и правда—это они!“—подумалъ онъ, и, не зная куда припрятать свои 4 монеты, онъ взялъ ихъ въ ротъ подъ языкъ.

Затѣмъ онъ попытался бѣжать. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и перваго шага, какъ почувствовалъ, что его хватаютъ за руки, и въ то же время услышалъ два страшныхъ голоса, сказавшихъ ему:

— Кошелекъ или жизнь!

Пиноккіо не могъ отвѣчать, такъ какъ монеты, бывшія у него во рту, не позволяли ему выговорить ни слова. Поэтому онъ поклонами и движеніями рукъ хотѣлъ объяснить этимъ двумъ негодьямъ, что онъ бѣдный паяцъ и что у него ничего нѣтъ, даже фальшивой полушки.

— Нечего болтать, давай деньги! — закричали грозно разбойники.

Паяцъ сдѣлалъ руками и головою знакъ, что у него ничего нѣтъ.

— Вытаскивай деньги, а не то мы тебя убьемъ! — сказалъ разбойникъ повыше ростомъ.

— Убьемъ!—повторилъ другой.

— А послѣ тебя убьемъ и твоего отца.

— И твоего отца!

— О, нѣтъ, нѣтъ, только не трогайте моего папашу!—закричалъ Пиноккіо въ отчаяніи.

Но когда онъ вскрикнулъ, монеты зазвенѣли у него во рту.

— А, плутъ! Такъ ты запряталъ деньги подъ языкъ? Выплюнь ихъ сейчасъ-же!

Но Пиноккіо не сдавался.

— А, ты корчишь изъ себя глухого? Пой, пой, мы заставимъ тебя выплюнуть деньги!

Дѣйствительно, одинъ изъ разбойниковъ схватилъ паяца за носъ, а другой за подбородокъ и давай его теревить, чтобы заставить его открыть ротъ; но это имъ не удалось. Ротъ паяца казался точно скованнымъ.

Тогда младшій изъ разбойниковъ, вынувъ ножъ, сталъ совать его въ ротъ Пиноккіо, но тотъ съ быстротою молніи ухватилъ руку разбойника зубами и такъ куснулъ ее, что она отвалилась. Но каково было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ, что это была не человѣческая рука, а кошачья лапа!

Расхрабрившись отъ этой первой побѣды, Пиноккіо вырвался-таки изъ когтей разбойниковъ и, перескочивъ черезъ плетень, окаймлявшій дорогу,

Онъ вскарабкался на высокую сосну и усѣлся между вѣтокъ...

пустился бѣжать по полю. А разбойники за нимъ, какъ двѣ собаки за зайцемъ. Тотъ, который потерялъ одну лапу, бѣжалъ какъ здоровый, какъ онъ это умудрился—никто никогда не узналъ.

Пробѣжавъ верстъ пятнадцать, Пиноккіо выбился изъ силъ; тогда онъ вскарабкался на высокую

сосну и усѣлся между вѣтокъ. Разбойники попробовали тоже взобраться на дерево, но, долѣзши до половины ствола, не удержались и повалились на землю, ободравъ руки и ноги.

Однако, они не считали себя побѣжденными. Насобиравъ сухихъ вѣтокъ, они сложили ихъ подъ сосной и... подожгли дерево. Мгновенно дерево вспыхнуло, и пламя заколыхалось, какъ свѣча отъ дуновенія вѣтра.

Пиноккіо, видя, что пламя подымается

— Разъ, два, три!—крикнулъ паяцъ и прыгнулъ сразмаху...

все выше и выше, и не желая зажариться, какъ голубь, сдѣлалъ отчаянный скачокъ съ верхушки дерева и бросился со всѣхъ ногъ по полямъ и виноградникамъ. А разбойники опять за нимъ, все за нимъ, не уставая, не унывая. Начиало свѣтать, а погоня все продолжалась.

Вдругъ Пиноккіо встрѣтилъ преграду: широкую и глубокую канаву, наполненную грязной водой.

Что дѣлать?

— Разъ, два, три!—крикнулъ паяцъ и прыгнулъ сразмаху такъ ловко и удачно, что очутился на другой сторонѣ канавы.

Прыгнули и разбойники, но плохо рассчитали скачокъ; послышалось—бухъ! и оба угодили на самую середину канавы Пиноккіо, услыхавъ звукъ паденія и бульканіе воды, закричалъ смѣясь, но продолжая бѣжать:

— Желаю вамъ пріятно выкупаться, господа разбойники!

Онъ думалъ, что они тутъ утонутъ, но, обернувшись назадъ, увидѣлъ обоихъ разбойниковъ, бѣжавшихъ по-прежнему въ своихъ черныхъ мѣшкахъ, изъ которыхъ вода лилась, какъ изъ ведра.

XV.

Разбойники догоняють Пиноккіо и, поймавъ его, вѣшаютъ на вѣтѣ большого дуба.

НАШЪ паяцъ совсѣмъ приунылъ и готовъ уже былъ упасть на-земь и признать себя побѣжденнымъ, но, къ счастью, озираясь, онъ замѣтилъ среди зелени вдали домикъ, бѣлый, какъ снѣгъ.

„Если у меня хватитъ силъ добѣжать

до этого домика, можетъ быть я тамъ спасусь!“—подумалъ Пиноккіо.

И не останавливаясь ни минуты, онъ бросился бѣгомъ въ лѣсъ. А разбойники все бѣгутъ за нимъ слѣдомъ.

Послѣ отчаяннаго бѣга въ теченіе двухъ часовъ, наконецъ, въ полномъ изнеможеніи онъ достигъ домика и постучался.

Никто ему не откликнулся.

Онъ постучалъ сильнѣе, а между тѣмъ сзади уже слышалось приближеніе шаговъ и даже дыханіе его преслѣдователей.

Въ домикѣ опять ни звука, ни отвѣта.

Тогда онъ съ отчаяніемъ сталъ изо всей силы бить ногами въ дверь.

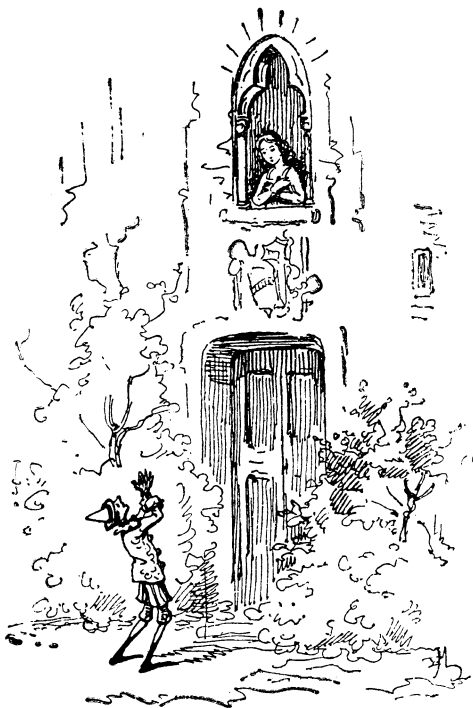
У окна показалась прелестная дѣвушка съ синими волосами и съ бѣлымъ, какъ у восковой куклы, лицомъ; глаза ея были закрыты, а руки сложены крестомъ на груди; не двигая губами, она произнесла страннымъ, тихимъ голосомъ:

— Въ этомъ домѣ никого нѣтъ: всѣ умерли.

— Впусти хоть ты меня!—закричалъ Пиноккіо умоляющимъ голосомъ.

— Я вѣдь тоже умерла.

— Умерла? Зачѣмъ же ты стоишь у окна?

У окна показалась прелестная дѣвушка...

— Я жду, когда принесутъ мнѣ гробъ.

Сказавъ это, дѣвушка исчезла, и окно затворилось безъ шума.

— О, прелестная дѣвушка съ синими волосами,—кричалъ Пиноккіо,—открой мнѣ дверь, умоляю тебя! Сжался надъ бѣднымъ мальчикомъ, преслѣдуемымъ разбой...

Онъ вдругъ остановился, потому что почувствовалъ, какъ его схватили за горло и знакомые голоса грозно закричали:

— Теперь ты отъ насъ не убѣжишь!

Чувствуя себя погибшимъ, паяцъ такъ задрожалъ, что всѣ его деревянные суставы застучали, а вмѣстѣ съ ними зазвенѣли и четыре золотыя монеты во рту.

— Ну,—спросили его разбойники,—откроешь ты ротъ теперь? Да или нѣтъ? А, ты не отвѣчаешь! погоди же, мы заставимъ тебя открыть его!...

И вынувъ изъ кармановъ два длинныхъ ножа, острыхъ какъ бритва,—„дзафъ и дзафъ!..“—они ударили ими въ бока паяца.

Но, къ счастью, нашъ паяцъ былъ сдѣланъ изъ такого крѣпкаго дерева, что ножи сломались, разлетѣлись вдребезги, не причинивъ никакого вреда жертвѣ.

У разбойниковъ въ рукахъ остались однѣ только ручки ножей.

— Понимаю,—сказалъ тогда одинъ изъ нихъ послѣ минутнаго недоумѣнія,—надо его повѣсить. Повѣсимъ его!

— Повѣсимъ,—повторилъ другой.

Сказано-сдѣлано. Скрутили руки Пиноккіо за спину и, накинувъ петлю на шею, повѣсили на вѣткѣ большого дуба, а затѣмъ обратились къ нему и сказали насмѣшливо:

— Повиси тутъ до утра. Завтра мы придемъ и надѣмся, что ты будешь уже мертвъ и откроешь ротъ.

Съ этими словами они ушли.

XVI.

Прелестная дѣвушка съ синими волосами приказываетъ снять паяца, укладываетъ его въ постель и призываетъ трехъ докторовъ, чтобы узнать, умеръ онъ или живъ.

ПОКА бѣдный Пиноккіо, повѣшенный разбойниками на вѣткѣ большого дуба, больше походилъ на мертваго, чѣмъ на живого, прелестная дѣвушка съ синими волосами вновь показалась у окна и, сжалившись надъ несчастнымъ паяцомъ, качавшимся на деревѣ, три раза ударила въ

ладоши. По этому знаку послышался сильный и быстрый шумъ крыльевъ, и на подоконникѣ показался большой соколъ.

— Что прикажете, прелестная фея?—сказалъ соколъ, опустивъ клювъ въ знакъ почтенія и привѣта (нужно знать, что дѣвушка съ синими волосами была не кто иная, какъ добрая фея, которая жила въ этомъ лѣсу болѣе 1000 лѣтъ).

— Ты видишь этого паяца, повѣшеннаго на вѣткѣ большого дуба?

— Вижу.

— Такъ лети сейчасъ же къ дубу, разорви своимъ клювомъ веревку у его горла и положи несчастнаго осторожно у подножія дуба.

Соколъ улетѣлъ. Черезъ двѣ минуты онъ вернулся и доложилъ:

— Ваше приказаніе исполнено.

— А что, онъ живъ или уже мертвъ?

— На видъ онъ какъ-будто умеръ, но должно быть не совсѣмъ: какъ-только я освободилъ его изъ петли, онъ вздохнулъ и проговорилъ вполголоса: „Теперь я чувствую себя лучше!“

Фея хлопнула опять въ ладоши, но только два раза, и на этотъ зовъ появился великолѣпный пудель, державшійся на заднихъ лапахъ, какъ человѣкъ на ногахъ.

Появился великолѣпный пудель...

Пудель былъ одѣтъ въ кучерскую ливрею. На немъ была шляпа съ золотымъ позументомъ, бѣлокурый парикъ съ локонами, падавшими на плечи, шоколаднаго цвѣта сюртукъ съ брилліантовыми пуговицами, съ двумя карманами, куда онъ могъ класть кости, получаемыя имъ съ обѣденнаго стола, бархатныя панталонцы, шелковые чулки, башмаки, а позади у него было что-то въ родѣ чехла для зонтика: здѣсь помѣщался хвостъ пуделя, когда шелъ дождь.

— Медоръ! — сказала фея пуделю. — Запряги сейчасъ мой лучший экипажъ и поѣзжай въ лѣсъ. Когда пріѣдешь къ большому дубу, увидишь на травѣ бѣднаго полумертваго паяца. Подними его осторожно, уложи

на подушки въ карету и привези сюда. Ты понялъ?

Пудель, вмѣсто отвѣта, махнулъ утвердительно три или четыре раза хвостовымъ чехломъ и понесся стрѣлой исполнять приказаніе своей госпожи.

Вскорѣ изъ конюшни выѣхала прекрасная карета, воздушнаго цвѣта, обитая внутри канареечными перьями. Въ карету были впряжены 100 паръ бѣлыхъ мышей, и пудель, хлопая бичомъ направо и налево, ловко правилъ ими, какъ настоящій кучеръ.

Не прошло и четверти часа, какъ карета вернулась. Фея, ожидавшая ее у дверей дома, взяла на руки бѣднаго паяца и снесла его въ комнату, стѣны которой были изъ перламутра. Она тотчасъ послала за лучшими въ окрестности докторами. И доктора пріѣхали тотчасъ же: явились воронъ, филинъ и сверчокъ-говорунъ.

— Я желала бы узнать, господа,—сказала фея, обращаясь къ тремъ докторамъ, стоявшимъ у постели Пиноккіо, — живъ-ли этотъ бѣдный паяцъ, или онъ умеръ?

Воронъ вышелъ впередъ, пощупалъ у

Пиноккіо пульсъ, потрогалъ его носъ и мизинецъ ноги и отвѣчалъ торжественно:

— По моему мнѣнію, этотъ паяцъ умеръ; но если-бы, къ несчастью, онъ не умеръ, то это было бы доказательствомъ того, что онъ все-таки живъ.

— А по-моему,—сказалъ филинъ,—этотъ паяцъ все-таки живъ; но если-бы, къ несчастью, онъ не былъ живъ, то это значило бы, что онъ дѣйствительно умеръ.

— А вы, докторъ, ничего не скажете?—обратилась фея къ сверчку-говоруноу.

— Я скажу, что этотъ паяцъ,—отвѣтилъ сверчокъ-говоруноу,—порядочный негодяй...

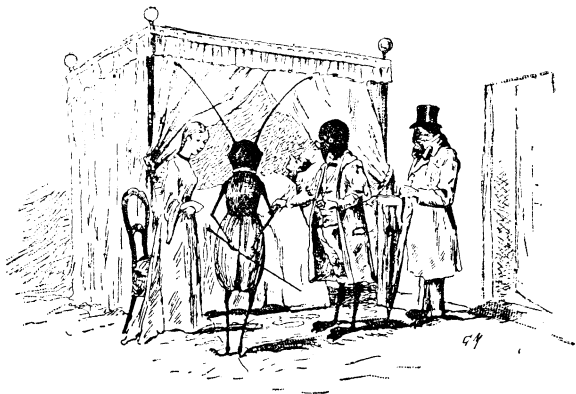
Пиноккіо, до этой поры лежавшій совершенно неподвижно, какъ кусокъ дерева, при этихъ словахъ сверчка-говоруна, слегка пошевелился въ кровати.

— Это своевольный мальчишка, бродяга... Такимъ поведеніемъ онъ сведетъ въ могилу своего бѣднаго отца.

При этихъ словахъ изъ-подъ простыни послышался плачъ. Представьте удивленіе всѣхъ, когда поднявъ простыню, они увидѣли, что это плакалъ Пиноккіо.

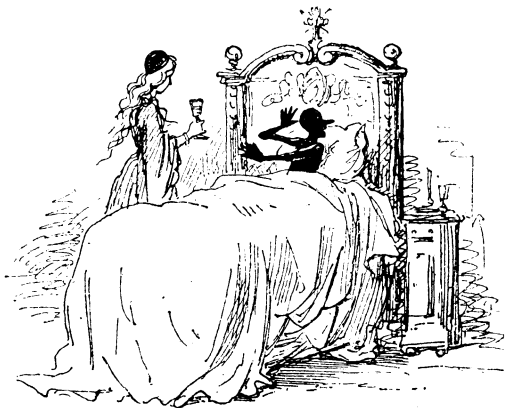
— Когда покойникъ плачетъ, это значитъ, что онъ начинаетъ выздоравливать,— сказали торжественно воронъ.

— Очень сожалѣю, что приходится про-

И доктора пріѣхали тотчасъ же: явились воронъ, филинъ и сверчокъ-говорунъ...

тиворѣчить моему другу,— замѣтилъ филинъ,—но, по моему мнѣнію, когда покойникъ плачетъ, это значитъ, что ему не особенно нравится умирать.

XVII.

Пиноккіо ѣстъ сахаръ, но не хочетъ принять лѣкарства; однако, когда приходятъ могильщики, чтобы унести его, онъ соглашается выпить лѣкарство. Потомъ Пиноккіо солгалъ; за это его носъ растетъ и доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ.

КАКЪ только доктора ушли, фея подошла къ Пиноккіо, дотронулась рукою до его лба и увидѣла, что у него сильнѣйшая лихорадка. Тогда она распустила въ водѣ бѣлый порошокъ и, поднося стаканъ съ лѣкарствомъ больному, сказала ему нѣжно:

— Выпей это лѣкарство, и черезъ нѣсколько дней ты будешь здоровъ.

Пиноккіо посмотрѣлъ на стаканъ, повернулся и спросилъ жалобнымъ голосомъ:

— А оно сладкое или горькое?

— Оно горькое, но за то принесетъ тебѣ пользу.

— Если оно горькое, я его не буду пить.

— Послушайся меня, выпей.

— Нѣтъ, горькаго не буду...

— Выпей: когда выпьешь, я тебѣ дамъ заѣсть кусочекъ сахару.

— А гдѣ онъ?

— Вотъ онъ,—сказала фея, вынувъ изъ золотой сахарницы кусочекъ сахару.

— Дай мнѣ сначала сахаръ, а потомъ я выпью эту горькую гадость...

— Ты мнѣ это обѣщаешь?

— Да...

Фея дала ему сахаръ, и Пиноккіо, разжевавъ и моментально проглотивъ его, сказалъ, облизывая губы:

— Хорошо было бы, если-бы лѣкарство было такое же сладкое, какъ сахаръ!.. Я его принималъ бы каждый день.

— Теперь исполни свое обѣщаніе и прими это лѣкарство, чтобъ быть здоровымъ.

Пиноккіо нехотя взялъ стаканъ въ руки, сунулъ въ него кончикъ носа, потомъ поднесъ стаканъ ко рту, потомъ опять сунулъ въ стаканъ кончикъ носа и наконецъ сказалъ:

— Нѣтъ, оно слишкомъ горькое! Я не могу его пить.

— Какъ же ты это говоришь, если еще не попробовалъ лѣкарства?

— Да ужъ воображаю, какое оно горькое! Я это слышу и по запаху. Дайте мнѣ еще кусочекъ сахару... Тогда ужъ выпью!

Фея терпѣливо, какъ добрая мать, положила ему въ ротъ еще кусочекъ сахару, а затѣмъ опять подала стаканъ.

— Такъ я не могу его выпить!—захныкалъ паяцъ съ ужасными гримасами.

— Почему же?

— Да эта подушка въ ногахъ мѣшаетъ мнѣ.

Фея убрала подушку съ его ногъ.

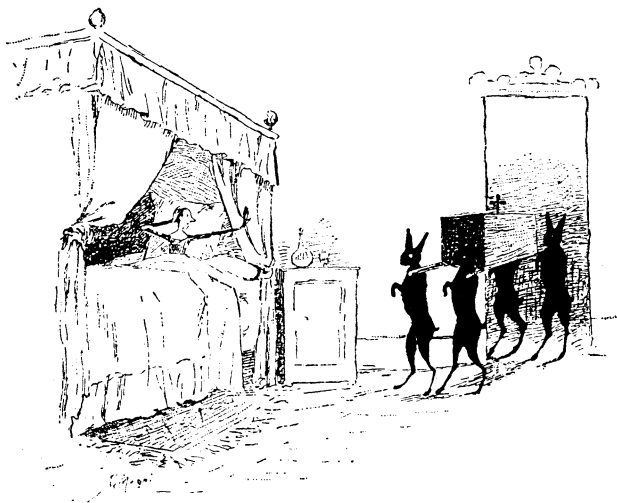
— Нѣтъ! Я и такъ не могу пить.

— Что же тебя еще беспокоитъ?

— Закройте хорошенько дверь.

Фея пошла и закрыла дверь.

— Да, наконецъ, — закричалъ Пиноккіо, заливаясь слезами, — я не хочу пить эту

Четыре кролика несли на плечахъ гробикъ...

горькую воду, не хочу, не хочу, нѣтъ, нѣтъ!..

— Дитя мое, тебѣ же будетъ хуже...

— Мнѣ все равно...

— Лихорадка въ нѣсколько часовъ унесетъ тебя на тотъ свѣтъ...

— Мнѣ все равно...

— Такъ ты не боишься смерти?

— Нисколько не боюсь! Лучше умереть, чѣмъ пить противное лѣкарство.

Тутъ дверь въ комнату открылась, и въ нее вошли четыре кролика, черныхъ, какъ чернила; они несли на плечахъ гробикъ.

— Чего вамъ нужно отъ меня?—закричалъ Пиноккіо, садясь въ испугѣ на кровать.

— Мы пришли за тобой,—отвѣтилъ старшій изъ кроликовъ.

— За мной? Но вѣдь я еще не умеръ!..

— Пока еще нѣтъ, но черезъ нѣсколько минутъ ты долженъ умереть, такъ какъ отказываешься принять лѣкарство отъ лихорадки!

— О, фея, милая фея!—закричалъ паяцъ,—дайте мнѣ скорѣе этотъ стаканъ... Только скорѣе, ради Бога: я не хочу умирать, нѣтъ... я не хочу умирать.

Онъ схватилъ стаканъ обѣими руками и сразу выпилъ все лѣкарство.

— Нечего дѣлать!—сказали кролики,—на этотъ разъ мы напрасно приходили.

И, взявъ опять на плечи гробикъ, они

вышли изъ комнаты, бормоча что-то сквозь зубы.

Черезъ нѣсколько минутъ Пиноккіо вскочилъ съ постели совершенно здоровымъ. Деревянные паяцы рѣдко заболѣваютъ, а если это случается, то они быстро выздоравливаютъ.

Фея, видя, какъ онъ бѣгаетъ и прыгаетъ по комнатѣ, живой и веселый, какъ пѣтушокъ послѣ перваго кукуреку, сказала ему:

— Значить, мое лѣкарство помогло тебѣ, не правда-ли?

— Еще-бы! оно меня возвратило къ жизни!

— Такъ почему-же ты такъ долго не хотѣлъ его пить?

— Потому что мы, дѣти, всѣ таковы! Мы больше боимся лѣкарствъ, чѣмъ болѣзни.

— Стыдно! дѣти должны-бы знать, что хорошее лѣкарство, принятое во-время, можетъ ихъ спасти отъ тяжелой болѣзни и даже отъ смерти...

— О, въ другой разъ я не заставляю долго себя просить. Я буду помнить черныхъ кроликовъ съ гробикомъ на плечахъ... тогда я

сразу возьму стаканъ и... бухъ — проглочу лѣкарство.

— Теперь подойди ко мнѣ и Расскажи-ка, какъ это ты попалъ въ руки разбойниковъ.

— А вотъ какъ: хозяинъ паяцовъ, Манджіафоко, далъ мнѣ 5 золотыхъ монетъ и сказалъ: „Отдай ихъ твоему отцу!“—Я пошелъ домой и встрѣтилъ на дорогѣ лисицу и кошку, — двухъ очень порядочныхъ особъ, которыя сказали мнѣ: „Хочешь, чтобы эти монеты превратились въ 1,000 и даже въ 2,000 монетъ? Иди съ нами, и мы поведемъ тебя на поле чудесъ“.—Я согласился, и мы пошли. А потомъ онѣ мнѣ сказали: „Остановимся въ гостиницѣ „Краснаго рака“, а въ полночь пойдемъ дальше“. Когда я проснулся, ихъ ужъ не было, онѣ ушли. Тогда я отправился одинъ ночью, въ страшную темноту, и встрѣтилъ по дорогѣ двухъ разбойниковъ, одѣтыхъ въ мѣшки изъ-подъ угля. Разбойники сказали мнѣ: „Давай деньги“,—а я спряталъ деньги въ ротъ и говорю имъ: „У меня ихъ нѣтъ“.—Тогда одинъ разбойникъ попробовалъ всунуть мнѣ свою руку въ ротъ, но я перекусилъ его руку,

т.-е. не руку, а кошачью лапу. Тогда разбойники побѣжали за мною, а я—давай Богъ ноги, но они меня догнали, повѣсили за горло на дерево и сказали: „Завтра мы вернемся, когда ты будешь мертвъ и откроешь ротъ, а мы возьмемъ твои деньги, которыя ты спряталъ себѣ подъ языкъ“.

— А теперь гдѣ у тебя эти монеты?—спросила его фея.

— Я ихъ потерялъ,—отвѣтилъ Пиноккіо.

Но онъ солгалъ: онъ спряталъ деньги въ карманъ.

Какъ только онъ это проговорилъ, его носъ, и безъ того длинный, сразу выросъ пальца на два.

— Гдѣ же ты ихъ потерялъ?

— Тутъ, въ лѣсу.

Послѣ этой второй лжи носъ его еще выросъ.

— Если ты ихъ потерялъ въ лѣсу,—сказала фея,—то мы ихъ поищемъ и найдемъ, потому что въ этомъ лѣсу ничего нельзя потерять.

— Ахъ, нѣтъ, теперь я вспомнилъ,—отвѣтилъ паяцъ, запутываясь,—я не терялъ

монетъ, а случайно проглотилъ ихъ, когда принималъ ваше лѣкарство.

Едва онъ выговорилъ эту третью ложь, какъ носъ его сталъ сразу невѣроятно длиннымъ, и бѣдный Пиноккіо не могъ повернуться ни въ какую сторону: повернется на-

Носъ его выросъ настолько, что не проходилъ въ дверь...

право — носъ его зацѣпится за кровать или за раму окна; повернется налѣво—ударится самъ объ дверь или объ стѣну; пробовалъ онъ под-

нять голову, и чуть не попалъ носомъ прямо въ глазъ феѣ.

А фея смотрѣла на него и смѣялась.

— Чего вы смѣетесь?—смущенно спросилъ ее паяцъ, озабоченный своимъ носомъ, который все продолжалъ расти.

— Смѣюсь надъ тѣмъ, какой ты лгунъ.

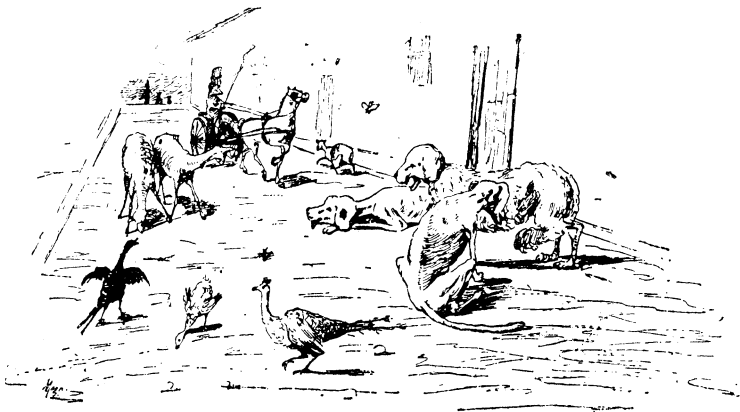
— А откуда вы знаете, что я солгалъ?

— Ложь, дитя мое, никакъ не скроешь. Существуютъ два рода лжи: одна ложь имѣ-

етъ короткія ноги, другая длинный носъ: твоя ложь—последняго рода.

Не зная, куда ему спрятаться отъ стыда, Пинноккіо попробовалъ убѣжать изъ комнаты, но это ему не удалось. Носъ его сталъ такимъ длиннымъ, что не проходилъ въ дверь.

XVIII.

Пиноккіо встрѣчаетъ лисицу и кошку и отправляется съ ними на поле чудесъ, чтобы посадить свои четыре монеты.

ЦѢЛЫХЪ полчаса фея не обращала вниманія на крики и плачъ Пиноккіо, который никакъ не могъ протолкнуть свой носъ въ дверь. Она сдѣлала это, чтобы наказать его за ложь, такъ какъ ложь—самый плохой порокъ. Но когда фея увидѣла, какъ Пиноккіо измѣнился, какъ глаза его, отъ страха и отчаянія, чуть не выскочили на лобъ, она сжалилась надъ нимъ, хлоп-

пула въ ладоши — и по этому знаку въ комнату влетѣла черезъ окно цѣлая стая птицъ,

Птицы усѣлись на носу паяца...

называемыхъ дятлами. Птицы усѣлись на носу паяца и стали такъ усердно долбить этотъ ужасный по размѣрамъ носъ, что въ

короткое время онъ получилъ свой прежній видъ.

— Какъ вы добры, милая фея,—сказалъ паяцъ, утирая слезы,—какъ я вамъ благодаренъ и какъ я васъ люблю!

— И я тебя люблю,—отвѣтила фея,—и если ты хочешь остаться со мною, то будешь моимъ братикомъ, а я буду твоею доброю сестрицею...

— Я охотно остался-бы у васъ, но мой бѣдный папаша?

— Я подумала обо всемъ. Твой отецъ уже все знаетъ, и еще сегодня онъ будетъ здѣсь.

— Правда?—вскрикнулъ Пиноккіо, прыгая отъ радости.—Въ такомъ случаѣ, милая моя фея, позвольте мнѣ пойти къ нему навстрѣчу. Я хочу поскорѣе обнять этого бѣднаго старика, который столько выстрадалъ изъ-за меня!

— Ступай, только, смотри, не заблудись. Иди все по дорогѣ, по лѣсу, и ты его навѣрное встрѣтишь.

Пиноккіо ушелъ.

Войдя въ лѣсъ, онъ пустился бѣжать,

припрыгивая, какъ коза. Вотъ и большой дубъ, на которомъ онъ висѣлъ. Вдругъ онъ остановился, услышавъ какой-то шорохъ въ сосѣднихъ кустахъ. Черезъ минуту на дорогѣ показались... угадайте, кто?.. Лисица и кошка, тѣ самыя, съ которыми онъ ужиналъ въ гостиницѣ.

— А, вотъ и нашъ дорогой Пиноккіо!— воскликнула лисица, обнимая и цѣлуя его.— Какъ это ты попалъ сюда?

— Какъ это ты попалъ сюда?—повторила кошка.

— Этого сразу не расскажешь,—отвѣтилъ паяцъ,—когда-нибудь въ свободное время я вамъ все расскажу. А теперь скажу только, что въ ту ночь, когда вы меня оставили одного въ гостиницѣ, я встрѣтилъ на дорогѣ разбойниковъ...

— Разбойниковъ?.. О, бѣдный другъ мой! Чего же они хотѣли отъ тебя?

— Они хотѣли украсть у меня монеты!

— Негодяи!..—сказала лисица.

— Негодяи!..—повторила кошка.

— Но я убѣждалъ,—продолжалъ паяцъ —

а они пустились за мною, догнали меня и повѣсили на вѣткѣ вотъ этого дуба...

— Ахъ, какой ужасъ!—сказала лисица.— Что за народъ кругомъ. Для насъ, честныхъ созданий, скоро не будетъ мѣста на землѣ.

Во время этого разговора Пиноккіо замѣтилъ, что кошка хромала на правую переднюю лапу, на которой не хватало пальцевъ и когтей. Пиноккіо спросилъ у нея:

— Что случилось съ твоей лапою?

Кошка хотѣла что-то отвѣтить, но запуталась. За нее отвѣтила лисица:

— Мой пріятель по скромности не хочетъ самъ рассказывать о себѣ. Часъ тому назадъ мы встрѣтили на дорогѣ стараго волка, который умиралъ съ голода и просилъ милостыню. Не имѣя съ собою ничего, даже рыбьяго хрящика, мой пріятель, у котораго просто золотое сердце, отгрызъ себѣ переднюю лапу и бросилъ ее бѣдному животному, чтобы оно хоть немножко утолило свой голодъ.

Покончивъ это трогательное объясненіе, лисица даже утерла скатившуюся у нея изъ глаза слезу.

Пиноккио, тронутый этимъ разсказомъ, подошелъ къ кошкѣ и сказалъ ей на ухо:

— Если-бы всѣ кошки были таковы, какъ были-бы счастливы мыши!

— А что ты теперь тутъ дѣлаешь?—спросила лисица паяца.

— Жду папашу, который долженъ прибыть сюда съ минуты на минуту.

— А твои золотыя монеты цѣлы?

— Все попрежнему лежатъ въ карманѣ, кромѣ той, которую я изстратилъ въ гостиницѣ „Краснаго рака“.

— Подумай только, что вмѣсто четырехъ монетъ завтра у тебя можетъ быть 1,000 и даже 2,000 монетъ! Почему ты не слушаешь моего совѣта и не посѣешь ихъ на полѣ чудесъ?

— Сегодня невозможно: я пойду туда въ другой разъ.

— Въ другой разъ будетъ поздно!

— Почему?

— Потому что это поле куплено однимъ богачомъ и съ завтрашняго дня будетъ запрещено постороннимъ сѣять на немъ деньги.

— А какъ далеко отсюда поле чудесъ?

— Не больше двухъ верстъ. Хочешь идти съ нами? Черезъ полчаса ты будешь уже тамъ: посѣй свои четыре монеты, и черезъ нѣсколько минутъ ты соберешь ихъ 2,000. Вечеромъ вернешься домой съ набитыми карманами. Хочешь идти съ нами? Пойдемъ.

Пиноккіо затруднялся отвѣтомъ. Онъ вспомнилъ добрую фею, старика Джепетто и совѣтъ сверчка-говоруна. Но въ концѣ концовъ онъ поступилъ такъ, какъ поступаютъ всѣ дѣти, у которыхъ нѣтъ ни сердца, ни разсудка. Онъ кивнулъ головою и сказалъ лисицѣ и кошкѣ:

— Пойдемъ, я иду съ вами.

И они отправились втроемъ.

Пройдя половину дня, они достигли города „Ловидураковъ“. Улицы этого города были переполнены голодными облѣзлыми собаками, выстриженными овцами, дрожавшими отъ холода; куры, ощипанныя, и безъ гребешковъ, просили милостыню въ видѣ маисоваго зерна; большія бабочки не могли летать, потому что онѣ продали свои раскрашенные крылья; павлины безъ хвостовъ, и фазаны, у которыхъ были выщипаны ихъ

красивыя золотыя перья, прятались по угламъ, стыдясь своего безобразія.

Посреди этой толпы нищихъ и стыдливыхъ тварей проѣзжали отъ времени до времени экипажи съ сидящими въ нихъ лисицами или сороками, или какою-нибудь хищною птицею.

— А гдѣ же поле чудесъ?—спросилъ Пиноккіо.

— Въ двухъ шагахъ отсюда,—былъ отвѣтъ.

Пройдя городъ и выйдя за околицу, они остановились на полѣ, которое ничѣмъ не отличалось отъ обыкновенныхъ полей.

— Вотъ мы и пришли, — сказала лисица.—Теперь нагнись, вырой руками ямку и положи въ нее твои монеты.

Пиноккіо сдѣлалъ все, что ему сказали: онъ вырылъ ямку, положилъ туда свои монеты и прикрылъ ямку землею.

— Теперь,—сказала лисица, — пойди къ канавѣ, тутъ поблизости, почерпни ведро воды и полей хорошенько засѣянное мѣсто.

Пиноккіо и это сдѣлалъ: онъ отправился къ канавѣ, но, не имѣя ведра, зачерпнулъ

воду своимъ деревяннымъ башмакомъ, полилъ засыпанную ямку и спросилъ:

— А теперь что нужно сдѣлать?

— Больше ничего,—отвѣтила лисица.— Теперь мы можемъ уйти. А ты вернись минутъ черезъ двадцать, и увидишь деревцо, вѣтки котораго будутъ покрыты золотыми монетами.

Бѣдный паяцъ, внѣ себя отъ радости, тысячу разъ благодарилъ лисицу и кошку и пообѣщалъ имъ прекрасный подарокъ.

— Намъ не нужны твои подарки,—отвѣтили негодяи.— Намъ достаточно того, что мы научили тебя, какъ можно разбогатѣть безъ труда. Больше намъ ничего не нужно.

Сказавъ это, они поклонились Пиноккіо и, пожелавъ ему счастливаго урожая, ушли по своимъ дѣламъ.

XIX.

У Пиноккіо крадутъ четыре золотыя монеты, а въ наказаніе онъ еще просиживаетъ четыре мѣсяца въ тюрьмѣ.

ПАЯЦЪ вернулся въ городъ и началъ считать минуты одну за другой; когда ему показалось, что уже пора идти за монетами, онъ отправился на поле чудесъ.

Идя быстрымъ шагомъ, онъ чувствовалъ, какъ сердце его билось: „тикъ-такъ, тикъ-такъ“, какъ часы, когда они идутъ. Онъ говорилъ самъ съ собою:

— Что, если и въ самомъ дѣлѣ я найду

не тысячу, а двѣ тысячи монетъ?... А если вмѣсто 2000, да найду 5000?.. А если вмѣсто 5000 найду 100.000? Какимъ я стану бариномъ!.. Хотѣлось бы мнѣ имѣть прекрасный дворецъ, 1000 деревянныхъ лошадей, 1000 конюшенъ, цѣлый погребъ напитковъ и ликеровъ, и шкафы съ пирожными, конфетами, тортами, сдобными хлѣбами, марципаномъ и бисквитами со сливками.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ дошелъ до поля и остановился, чтобы посмотрѣть, не увидить ли гдѣ дерево съ растущими на немъ монетами; но онъ ничего не увидѣлъ. Онъ прошелъ еще шаговъ сто, и ничего; подошелъ къ тому самому мѣсту, гдѣ онъ закопалъ свои деньги, и ничего не нашелъ. Тогда онъ призадумался и, забывъ всѣ правила приличія, вынулъ руку изъ кармана и принялся чесать себѣ затылокъ. Вдругъ онъ услыхалъ смѣхъ и, поднявъ голову кверху, увидѣлъ на деревѣ большого попугая, который чистилъ лапкой нѣсколько оставшихся у него перьевъ.

— Чего ты смѣешься?—спросилъ Пинокио у попугая.

— Смѣюсь, потому что мнѣ смѣшно глядѣть на тебя...

Паяцъ ничего не сказалъ. Онъ пошелъ снова къ канавѣ за водой и вновь полилъ землю, гдѣ были зарыты его монеты. Какъ вдругъ новый смѣхъ, болѣе рѣзкій, послышался среди окружающей тишины.

— Послушай, наконецъ, невоспитанный попугай, — закричалъ, сердясь, Пиноккіо, — съ чего и надѣ кѣмъ ты смѣешься?

— Я смѣюсь надъ тѣми глупцами, которые вѣрятъ всякимъ небылицамъ и позволяютъ себя дурачить.

— Ты, можетъ быть, говоришь обо мнѣ?

— Да, я говорю о тебѣ, бѣдный Пиноккіо, — о тебѣ: ты такъ простъ и повѣрилъ

Поднявъ голову кверху, Пиноккіо увидѣлъ на деревѣ большого попугая...

баснѣ, что деньги можно сѣять и собирать въ полѣ, какъ сѣютъ и собираютъ бобы или тыквы. И я когда-то повѣрилъ этому, а теперь переношу послѣдствія моей глупости. Сегодня только (но слишкомъ поздно) я убѣдился, что для того, чтобы честно нажить хоть немного денегъ, нужно умѣть ихъ заработать или руками или головой.

— Я тебя не понимаю. — сказалъ паяцъ, начиная дрожать отъ страха.

— Сейчасъ я объясню тебѣ получше, — возразилъ попугай. — Знай же, что пока ты былъ въ городѣ, лисица и кошка вернулись сюда, взяли закопанныя тобою монеты и убѣжали со всѣхъ ногъ. А теперь молодецъ будетъ тотъ, кто ихъ догонитъ!

Пиноккіо разинулъ ротъ, но все-таки, не желая вѣрить словамъ попугая, сталъ рыть землю руками. Онъ рылъ, рылъ и рылъ, пока не вырылъ такую яму, въ которую могъ помѣститься стогъ соломы, но монетъ все-таки не нашелъ.

Тогда, въ полномъ отчаяніи, онъ побѣжалъ обратно въ городъ и отправился прямо

къ судьѣ, чтобы подать жалобу на двухъ мошенниковъ, которые обокрали его.

Судьею была обезьяна изъ породы гориллъ: старая, почтенная обезьяна, съ большою сѣдою бородою, въ золотыхъ очкахъ безъ стеколъ, которыя она носила постоянно вслѣдствіе воспаленія глазъ, длившагося уже нѣсколько лѣтъ.

Пиноккіо разсказалъ судьѣ все по порядку, какъ его обманули и обокрали; онъ сказалъ имя, фамилію и примѣты воровъ и просилъ наказать виновныхъ.

Судья выслушалъ его очень благосклонно, принялъ живѣйшее участіе во всемъ, что ему разсказалъ Пиноккіо, даже казался расстроганнымъ. Когда паяцъ кончилъ свой разсказъ, судья протянулъ руку и, взявъ колокольчикъ, позвонилъ.

На этотъ зовъ тотчасъ явились двѣ собаки-овчарки, одѣтыя въ форму полицейскихъ.

Судья, указывая на Пиноккіо, сказалъ имъ:

— Этотъ бѣдняга былъ обокраденъ: у него взяли четыре золотыя монеты; арестуйте его и отведите въ тюрьму.

Нашъ паяцъ, услыхавъ такое рѣшеніе судьи, не могъ придти въ себя отъ удивленія и хотѣлъ было возражать, но полицейскіе, не желая терять время, заткнули ему ротъ и увели въ темницу.

Въ этой тюрьмѣ онъ просидѣлъ четыре мѣсяца, которые показались ему безконечными; онъ остался бы тамъ и дольше, еслибы не случилось одного событія, принесшаго ему пользу. Дѣло въ томъ, что молодой король, царствовавшій въ городѣ „Ловидураковъ“, одержавъ побѣду надъ непріателемъ, приказалъ устроить празднество—иллюминацію, фейерверки, скачки на лошадяхъ и гонки на велосипедахъ; кромѣ того, для большаго торжества, онъ приказалъ открыть всѣ тюрьмы и выпустить на волю всѣхъ преступниковъ.

Въ числѣ другихъ былъ выпущенъ и Пиноккіо.

Въ одно прекрасное утро дверь маленькой тюремной камеры, въ которой сидѣлъ Пиноккіо, открылась и показался тюремщикъ.

— Господинъ Пиноккіо,—сказалъ онъ,—

ВЫ СВОБОДНЫ, можете уходить куда хотите...

Сказавъ это, тюремщикъ почтительно снялъ шапку, открылъ ему дверь, поклонился и выпустилъ его на свободу.

Пиноккіо съ важнымъ видомъ, но скорымъ шагомъ вышелъ изъ тюрьмы.

XX.

Выйдя изъ тюрьмы, Пиноккіо хочетъ вернуться въ домъ феи, но по дорогѣ встрѣчаетъ страшную змѣю, а затѣмъ попадаетъ въ капканъ.

ПРЕДСТАВЬТЕ себѣ радость Пиноккіо, когда онъ очутился на свободѣ! Онъ вышелъ изъ города и безъ всякихъ колебаній направился по дорогѣ къ дому феи.

Послѣдніе дни шли сильные дожди и дорога представляла собою сплошное болото, такъ что пришлось идти по колѣно въ грязи. Но нашъ паяцъ не обращалъ на это внима-

нія. Горя однимъ желаніемъ увидѣть своего отца и сестрицу съ синними волосами, онъ бѣжалъ скачками, какъ легавая собака, при чемъ брызги грязи долетали до шляпы. Онъ шелъ впередъ и говорилъ самъ съ собой:

— Сколько несчастій случилось со мною! И я заслужилъ все это своимъ упрямствомъ... я все хочу дѣлать по-своему, не слушая тѣхъ, которые мнѣ желаютъ добра и которые гораздо умнѣе меня!.. Но съ этихъ поръ я рѣшилъ измѣниться и сдѣлаться мальчикомъ послушнымъ и разсудительнымъ! Я вѣдь испыталъ и убѣдился, что непослушныя дѣти всегда попадаютъ, и имъ никогда ничего даромъ не проходитъ. А папаша меня сколько времени ждалъ! Найду ли я его въ домѣ феи? Давно я не видѣлъ этого бѣднаго человѣка! Мнѣ такъ хочется приласкать его и обнять! Проститъ ли еще меня фея за то, что я такъ поступилъ съ нею? Подумать, сколько благодарній я получилъ отъ нея... подумать только, что если я теперь живъ, то это благодаря только ей! Есть ли на свѣтѣ болѣе неблагодарный и безсердечный мальчикъ?..

Разсуждая такимъ образомъ, онъ вдругъ остановился въ испугѣ и отскочилъ на нѣсколько шаговъ.

Что же его испугало? Онъ увидѣлъ большую змѣю, растянувшуюся посреди дороги; кожа ея была зеленая, а заостренный хвостъ ея дымился, какъ печная труба.

Трудно представить себѣ испугъ нашего паяца; онъ отбѣжалъ отъ змѣи на полверсты, сѣлъ на кучу камней и сталъ ждать, пока змѣя уползетъ и освободить ему путь.

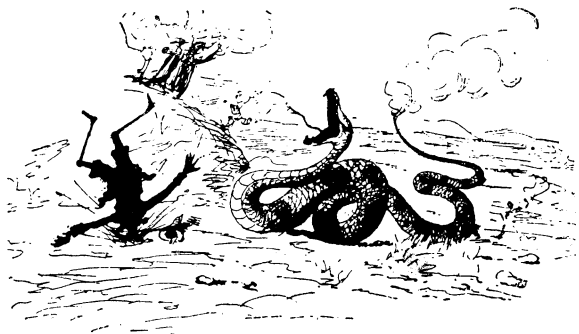
Онъ ждалъ часъ, два часа, три часа, а змѣя лежала все на томъ же мѣстѣ; издали видны были ея красные, какъ огонь, глаза и дымившійся хвостъ. Наконецъ Пиноккіо набрался храбрости, подошелъ на нѣсколько шаговъ къ змѣѣ и нѣжнымъ, заискивающимъ голосомъ сказалъ ей:

— Извините, госпожа змѣя, но я попросилъ бы васъ отодвинуться немного въ сторону, такъ, чтобы я могъ пройти.

Это было то же, что говорить со стѣною: змѣя и не думала двигаться.

Пиноккіо опять началъ тѣмъ же мягкимъ голосомъ:

— Видите ли, госпожа змѣя, я иду домой, тамъ меня ждетъ мой папаша, котораго я давно уже не видѣлъ!.. Разрѣшите же мнѣ продолжать свой путь!

Голова его угодила въ грязь, а ноги запрыгали въ воздухѣ...

Онъ подождалъ отвѣта, но отвѣта не было; напротивъ, змѣя, казавшаяся до этого живой, сдѣлалась неподвижною, точно околѣнѣла. Глаза ея закрылись, и хвостъ пересталъ дымить.

— Ужъ не издохла ли она?.. — сказалъ Пиноккіо, потирая себѣ руки отъ радости.

И, не теряя времени, онъ приготовился перескочить черезъ нее, чтобы перейти на другую сторону дороги. Но не успѣлъ онъ

поднять ногу, какъ змѣя вдругъ вскочила, какъ отпущенная пружина, а нашъ паяцъ, бросившись со страха въ сторону, споткнулся и полетѣлъ на землю. Да еще упалъ

такъ неудачно, что голова его угодила прямо въ грязь, а ноги запрыгали въ воздухъ.

При видѣ паяца, дрыгающаго ногами съ неимо-
вѣрной быстротой, головою внизъ, змѣя покати-
лась со смѣху, и такъ смѣялась, что отъ
усилій у нея лоп-
нула жила, и она

Онъ прыгнулъ въ виноградникъ
съ намѣреніемъ подкрѣпиться...

тутъ же издохла.

Довольный такимъ исходомъ, Пиноккіо
опять пустился бѣжать, чтобы дойти до
дома феи засвѣтло. Но по дорогѣ ему
страшно захотѣлось ѣсть, и онъ прыгнулъ
въ первый попавшійся виноградникъ съ на-

мѣреніемъ подкрѣпиться хотя кисточкою винограда.

Ахъ, лучше бы онъ этого не дѣлалъ!

Едва онъ добрался до винограда, какъ вдругъ,—кракъ... и ноги его оказались сжатыми острыми желѣзными обручами, такъ что искры посыпались у него изъ глазъ. Бѣдный паяцъ попался въ капканъ, поставленный крестьянами для куницъ, уничтожавшихъ въ деревнѣ куръ.

XXI.

Пиноккіо пойманъ крестьяниномъ, который заставляетъ его сторожить, вмѣсто собаки, курятникъ.

ПИНОККІО, какъ вы это легко можете вообразить себѣ, сталъ плакать, кричать, звать на помощь, но все было напрасно: вокругъ не было ни одного дома, а по дорогѣ не проходило ни одного живого существа.

Между тѣмъ наступила ночь. Отчасти

отъ боли, причиняемой ему капканомъ, отчасти отъ страха одиночества въ темнотѣ среди поля, паяцъ совершенно изнемогалъ и едва уже не упалъ въ обморокъ, какъ вдругъ замѣтилъ проползавшаго надъ его головой свѣтящагося червячка. Онъ позвалъ его и сказалъ:

— Милый червячокъ, сдѣлай милость, избавь меня отъ этого мученія.

— Бѣдное дитя!—отвѣтилъ свѣтлячокъ остановившись и съ участіемъ смотря на него.—И какъ это ты попалъ въ капканъ?

— Я вошелъ въ виноградникъ, чтобы сорвать кисточку винограда, и...

— А виноградъ-то развѣ твой?

— Нѣтъ...

— Такъ кто же тебя научилъ воровать чужое добро?

— Я былъ голоденъ...

— Голодъ, дитя мое, не можетъ служить отговоркою для присваивающихъ себѣ чужое...

— Правда, правда! — закричалъ Пиноккіо въ слезахъ, — въ другой разъ я этого не сдѣлаю.

Тутъ разговоръ прервался, такъ какъ послышались чьи-то приближающіеся шаги. Это былъ хозяинъ виноградника, который тихонько пробирался, чтобы посмотрѣть, не попалась ли въ капканъ куница, поѣдавшая его куръ.

И велико же было его удивленіе, когда, выставивъ изъ-подъ плаща фонарь, онъ увидѣлъ, что вмѣсто куницы въ капканъ попался мальчуганъ.

— А, воришка!—гнѣвно крикнулъ крестьянинъ, — такъ это ты таскаешь моихъ куръ?

— Нѣтъ, не я, не я!—вскричалъ Пиноккіо, заливаясь слезами.—Я зашелъ въ виноградникъ только для того, чтобы взять кисточку винограда!

— Кто крадетъ виноградъ, можетъ красть и куръ. Постой, постой, я тебя такъ проучу, что долго будешь помнить.

И, открывъ капканъ, крестьянинъ схватилъ паяца за шиворотъ и понесъ его къ себѣ домой, какъ носятъ маленькихъ ягнятъ. Дойдя до дому, онъ бросилъ его на землю и сказалъ:

— Теперь ужь поздно, я хочу спать. Завтра мы съ тобою сочтемся. А пока, такъ какъ сегодня подохла моя сторожевая собака, ты займешь ея мѣсто. Ты будешь моей цѣпной собакой.

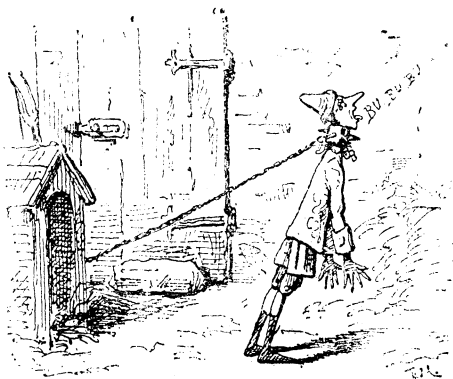
И съ этими словами крестьянинъ надѣлъ на шею Пиноккіо большой ошейникъ, покрытый желѣзными шипами, стянулъ его, чтобы нельзя было снять его черезъ голову, и прицѣпилъ къ нему желѣзную цѣпь, прикованную къ стѣнѣ.

— Если ночью,—сказалъ крестьянинъ,—пойдетъ дождь, ты можешь лечь въ этотъ деревянный домикъ. Тамъ есть солома, служившая постелью моей бѣдной собакѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ. А если на несчастье придутъ воры, то помни, что нужно громко лаять.

Послѣ этого крестьянинъ вошелъ въ свой домъ и заперъ дверь толстымъ засовомъ, а бѣдный Пиноккіо остался у сарая прикованнымъ, полумертвымъ отъ холода, страха и голода. Отъ-времени-до-времени онъ просовывалъ руки въ ошейникъ, стягивавшій ему горло, и говорилъ съ горькими слезами:

— Такъ мнѣ и надо!.. Да, къ несчастью, я заслуживаю этого! Я захотѣлъ быть свободнымъ, бродяжничать... я слушалъ плохихъ товарищей, за то меня и преслѣдуетъ несчастье. Еслибы я былъ хорошимъ мальчикомъ, какихъ много, еслибы я хотѣлъ учиться и работать, еслибы я остался дома съ папашею, то я бы не былъ теперь здѣсь, въ этой деревнѣ, и не исполнялъ бы обязанности сторожевой собаки въ домѣ крестьянина. О, еслибы я могъ начать свою жизнь снова. Но теперь уже поздно, надо терпѣть...

Облегчивъ свою душу этимъ чистосердечнымъ раскаяніемъ, онъ влѣзъ въ собачью будку и заснулъ.

XXII.

Пиноккіо выдаетъ воровъ и въ награду за это получаетъ свободу.

БОЛЬШЕ двухъ часовъ Пиноккіо спалъ сладкимъ сномъ; вдругъ около полуночи онъ услыхалъ какіе-то странные голоса въ сараѣ. Высунувъ кончикъ носа изъ своей конуры, онъ увидѣлъ четырехъ черныхъ животныхъ, похожихъ на кошекъ. Но это не были кошки, это были куніцы, хищные звѣрьки, жадные до яицъ и цыплятъ. Одна изъ этихъ куніцъ, отдѣлившись отъ товарищей, подошла къ отверстию будки и сказала вполголоса:

— Добрый вечеръ, Мелампо.

— Меня зовутъ не Мелампо, — отвѣчалъ паяцъ.

— Кто же ты такой?

— Я Пиноккіо.

— А что ты тутъ дѣлаешь?

— Я служу вмѣсто сторожевой собаки.

— Гдѣ же Мелампо? Гдѣ старая собака, которая была въ этой будкѣ?

— Она издохла сегодня утромъ.

— Издохла? Бѣдное животное!.. Но, судя по внѣшнему виду, и ты долженъ быть любезной собакой.

— Извините, я не собака.

— Такъ кто же ты?

— Я паяцъ.

— И ты служишь вмѣсто собаки?

— Къ несчастью, въ наказаніе.

— Что же, я могу тебѣ предложить тѣ же условія, какія у насъ были съ Мелампо; ты останешься доволенъ.

— А что это за условія?

— Мы будемъ приходить одинъ разъ въ недѣлю, какъ и прежде, посѣщать ночью курятникъ и уносить каждый разъ в семь

куриць. Изъ этихъ 8 куриць 7 мы сами съѣдимъ, а восьмую отдадимъ тебѣ, съ условіемъ, конечно, чтобы ты притворялся спящимъ и не вздумалъ лаять и будить хозяина дома.

— А Мелампо такъ и дѣлалъ?—спросилъ Пиноккіо.

— Да, онъ такъ и дѣлалъ, и мы всегда были съ нимъ въ дружбѣ. Спи же себѣ спокойно и будь увѣренъ, что, уходя, мы тебѣ оставимъ курицу къ завтраку. Такъ ты понялъ? Согласенъ?

— Слишкомъ хорошо понялъ!—отвѣтилъ Пиноккіо, и такъ внушительно покачалъ головою, какъ будто хотѣлъ сказать: „Скоро мы увидимся, будешь ты меня знать!“

Когда куницы успокоились относительно новаго сторожа, онѣ отправились въ курятникъ, находившійся недалеко отъ собачьей будки. Открывъ зубами и когтями дверцу курятника, онѣ влѣзли туда одна за другой. Но едва онѣ вошли туда, какъ дверка съ шумомъ заперлась за ними. Ее захлопнулъ Пиноккіо, который не удовольствовался этимъ и прислонилъ къ дверкѣ еще

большой камень, чтобы куницы не могли выйти.

Послѣ этого онъ сталъ лаять совсѣмъ какъ сторожевая собака: гау, гау, гау!

Услыхавъ лай, крестьянинъ вскочилъ съ постели, схватилъ ружье и, высунувшись въ окошко, спросилъ:

— Что тамъ такое?

— Воры пойманы!—отвѣтилъ Пиноккіо.

— А гдѣ они?

— Въ курятникѣ.

— Сейчасъ я выйду.

Крестьянинъ тотчасъ же выбѣжалъ во дворъ, влетѣлъ въ курятникъ и, поймавъ тамъ всѣхъ четырехъ куницъ, положилъ ихъ въ мѣшокъ.

— Наконецъ-то вы попались въ мои руки,—сказалъ онъ имъ радостно.—Я могъ бы васъ самъ наказать, но я не такъ жестокъ! Я удовольствуюсь тѣмъ, что снесу васъ завтра хозяину гостиницы въ сосѣднюю деревню; онъ обдеретъ васъ и приготовитъ какъ зайцевъ. Вы не заслуживаете такой чести, но такіе добрые люди, какъ я, не обращаютъ вниманія на эти мелочи!..

Затѣмъ, подойдя къ Пиноккіо, онъ осыпалъ его ласками и между прочимъ спросилъ его:

— Какъ это ты сумѣлъ открыть этихъ четырехъ ворюшекъ? А между тѣмъ мой вѣрный Мелампо никогда ничего не замѣчалъ!...

Тутъ паяцъ хотѣлъ было рассказать о томъ условіи, какое было заключено между собакою и кунницами, но, вспомнивъ, что собака издохла, подумалъ: „Къ чему обвинять издохшее животное? Мертвые—мертвы, лучше оставить ихъ въ покоѣ!...“

— Когда кунницы пришли, ты спалъ или нѣтъ?—продолжалъ разспросы крестьянинъ.

— Я спалъ, — отвѣтилъ Пиноккіо, — но кунницы меня разбудили своею болтовнею; а одна изъ нихъ подошла ко мнѣ и сказала: „Если ты обѣщаешь не лаять и не будить хозяина, то мы подаримъ тебѣ жирную курицу!“ Понимаете? Какая дерзость дѣлать мнѣ такое предложеніе! Хотя я, паяцъ, могу имѣть и много недостатковъ, но помогать ворамъ я не въ состояніи!

— Молодецъ!—сказалъ крестьянинъ, по-

трепавъ его по плечу.—Эти убѣжденія дѣлають тебѣ честь, и чтобы доказать, какъ я тобою доволенъ, я дарую тебѣ свободу; можешь идти себѣ домой.

И крестьянинъ, снявъ съ Пиноккіо цѣпь и ошейникъ, отпустилъ его на волю.

XXIII.

Пиноккіо оплакиваетъ смерть дѣвушки съ синими волосами, потомъ встрѣчаетъ голубя, который переноситъ его на берегъ моря, гдѣ онъ бросается въ воду, чтобы помочъ своему отцу Джепетто.

ЕДВА Пиноккіо почувствовалъ, что уни- зительный ошейникъ снятъ съ него, онъ пустился бѣжать, что есть мочи, по полю и остановился только тогда, когда выбѣжалъ на прямую дорогу, ведущую къ домику феи.

Здѣсь онъ обернулся и увидѣлъ тотъ злосчастный лѣсъ, въ которомъ онъ встрѣ- тился съ лисицею и кошкою; среди другихъ деревьевъ онъ примѣтилъ и большой дубъ, на которомъ онъ былъ повѣшенъ; но какъ

онъ ни старался увидѣть домикъ феи, ему это не удалось: домика не было. Тогда у него явилось грустное предчувствіе, и онъ побѣждалъ, что есть духу, къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ находиться домикъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился на знакомой ему полянкѣ, но домика тамъ не было. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде домъ, лежала мраморная плита, а на ней была вырѣзана грустная надпись: *„Здѣсь покоится дѣвушка съ синими волосами, умершая съ горя, потому что она была покинута своимъ братцемъ Пиноккіо“*.

Что почувствовалъ Пиноккіо, прочтя кое-какъ эту надпись, предоставляю судить вамъ. Онъ упалъ лицомъ на землю и, покрывая поцѣлуями мраморную доску, залился горькими слезами. Плакалъ онъ всю ночь и все слѣдующее утро, хотя слезъ у него уже не было; его крики и жалобы были такъ сильны, что эхо повторяло ихъ по всѣмъ окрестнымъ холмамъ.

— О, фея, моя фея,—говорилъ онъ, рыдая,—зачѣмъ ты умерла?.. Почему я не умеръ вмѣсто тебя; вѣдь ты такъ добра, а я такой

гадкій? А гдѣ же мой папаша? О, фея моя, скажи, гдѣ я могу его найти, чтобы всегда быть съ нимъ и не покидать его никогда! Если ты меня любишь, если ты въ самомъ дѣлѣ любишь своего братца, то встань, скажи, что ты не умерла! Развѣ тебѣ не жалко оставлять меня одинокимъ, всѣми покинутымъ? Если придутъ разбойники, то они снова меня повѣсятъ... и тогда я умру навсегда. Что я могу подѣлать, одинъ-одинешенекъ на свѣтѣ? Теперь, когда я потерялъ тебя и папашу, кто будетъ меня кормить? Гдѣ я буду спать ночью? Кто мнѣ сдѣлаетъ новую куртку? Охъ, лучше бы было и мнѣ умереть! Да, я хочу умереть!

Причитая такимъ образомъ, онъ съ отчаянія хотѣлъ рвать на себѣ волосы; но волосы его были деревянные, поэтому онъ не могъ вцѣпиться въ нихъ руками.

Тѣмъ временемъ прилетѣлъ большой голубь, остановился съ распростертыми крыльями и закричалъ съ высоты:

— Дитя мое, что ты тутъ дѣлаешь?

— Развѣ не видишь? Плачу!—отвѣтилъ

Пиноккіо, поднявъ голову и утирая слезы рукавомъ.

— Скажи,—продолжалъ голубь,—не знаешь ли ты между своими товарищами паяца по имени Пиноккіо?

— Пиноккіо?.. Ты говоришь Пиноккіо?—повторилъ паяць, вскакивая на ноги.—Пиноккіо—это я!..

Въ отвѣтъ на это голубь быстро опустился и сѣлъ на землю. Онъ былъ больше индѣйскаго пѣтуха.

— Такъ ты знаешь и Джепетто?—спросилъ голубь.

— Еще бы мнѣ его не знать! Вѣдь это мой отецъ! Не говорилъ ли онъ тебѣ что-нибудь про меня? Ты вѣдь меня поведешь къ нему? Живъ ли онъ? Отвѣчай мнѣ, умоляю тебя!

— Три дня тому назадъ я его видѣлъ на берегу моря.

— Что онъ тамъ дѣлалъ?

— Онъ строилъ себѣ самъ лодочку, чтобъ переплыть океанъ. Больше четырехъ мѣсяцевъ этотъ бѣдный человѣкъ странствуетъ, отыскивая тебя. Нигдѣ не найдя тебя, онъ

задумалъ поискать еще въ дальнихъ странахъ Новаго Свѣта.

— А какъ далеко отсюда до берега мо-

Не говоря больше ни слова, Пиноккіо
вскочилъ на спину голубя...

ря?—спросилъ Пиноккіо съ особымъ интересомъ.

— Болѣе тысячи верстъ.

— Тысяча верстъ? О, голубокъ, дорогой, если бы я имѣлъ твои крылья!

— Если хочешь, я тебя перенесу туда.

— Какъ?

— Ты сядешь верхомъ мнѣ на спину. Ты не очень тяжелъ?

— Я-то? Я легокъ, какъ перышко.

И, не говоря больше ни слова, Пиноккіо вскочилъ на спину голубя, обхватилъ ногами его туловище и весело крикнулъ:

— Но, но, лошадка, поѣзжай поскорѣе, мнѣ надо торопиться!..

Голубь взлетѣлъ на воздухъ и въ нѣсколько минутъ поднялся такъ высоко, что почти касался облаковъ. Достигнувъ такой невѣроятной высоты, нашъ паяцъ захотѣлъ изъ любопытства посмотреть внизъ; но у него сейчасъ же закружилась голова, и онъ въ страхъ ухватился обѣими руками за шею своей крылатой лошади.

Такъ они летѣли цѣлый день. Къ вечеру голубь сказалъ:

— Мнѣ очень хочется пить!

— А я до смерти хочу ѣсть!—прибавилъ Пиноккіо.

— Остановимся у этой голубятни на нѣ-
сколько минутъ, а затѣмъ опять полетимъ,

На берегу толпилось много народа, который кричалъ и раз-
махивалъ руками...

чтобъ завтра чуть свѣтъ быть на берегу
моря.

Вошли они въ голубятню, въ которой ни-
кого и ничего не было, кромѣ котелка съ
водою, да корзины съ горохомъ.

Паяцъ терпѣть не могъ гороха, но въ этотъ вечеръ онъ прямо объѣлся имъ, и окончивъ ѣду, сказалъ даже голубю:

— Никогда бы не повѣрилъ, что горохъ такъ вкусенъ!

— Вотъ видишь, дитя мое, — замѣтилъ голубь, — когда голодъ мучаетъ насъ и нечѣмъ его утолить, то и горохъ становится превкуснымъ! Голодъ не прихотливъ и не жаденъ!

Послѣ короткаго отдыха они пустились опять въ дорогу и на слѣдующее утро прилетѣли на берегъ моря.

Голубь спустилъ Пиноккіо на землю и, не желая слышать никакой благодарности за доброе дѣло, тотчасъ поднялся на воздухъ и исчезъ.

На берегу толпилось много народа, который кричалъ и размахивалъ руками, глядя на море.

— Что тамъ случилось? — спросилъ Пиноккіо у какой-то старушки.

— Да то и случилось, что одинъ бѣдный отецъ, потерявъ сына, пустился за море на лодочкѣ, чтобъ искать его, а море-то сегодня

очень бурное, и лодочка легко может потонуть...

— А гдѣ же эта лодочка?

— Вотъ тамъ,—объяснила старушка, указывая пальцемъ на лодочку, которая казалась не больше орѣховой скорлупы.

Въ лодочкѣ сидѣлъ маленькій - премаленькій человѣкъ. Пиноккіо напрягъ зрѣніе и, разсмотрѣвъ внимательно человѣка въ лодкѣ, вдругъ неистово закричалъ:

— Это мой папаша! Это мой папаша!

Между тѣмъ лодочка, подбрасываемая громадными волнами, то скрывалась въ водѣ, то вновь появлялась на поверхности, а Пиноккіо, стоя на высокой скалѣ, все кричалъ и звалъ отца по имени, дѣлая ему знаки руками, носовымъ платкомъ и шляпою.

Казалось, что Джепетто, несмотря на дальность разстоянія, все-таки узналъ сына: онъ снялъ шляпу и поклонился, а потомъ сталъ дѣлать знаки, что охотно вернулся бы, но не можетъ грести изъ-за сильной бури.

Вдругъ набѣжала страшная волна, и лодка исчезла. Всѣ ждали съ трепетомъ, что лодка снова покажется на поверхности

воды, но лодка не показывалась, она погибла.

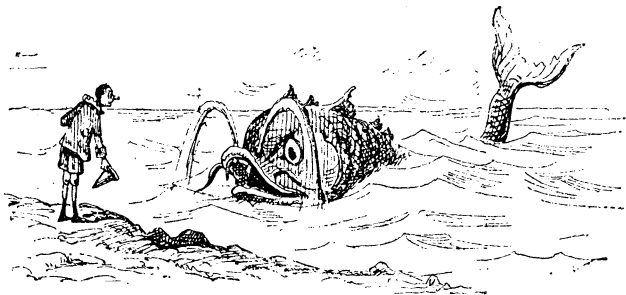
— Бѣдняга,—сказали рыбаки и, пробормотавъ молитву, отправились по домамъ.

Вдругъ они услышали отчаянный крикъ и, обернувшись, увидѣли мальчика, который крикнулъ „Хочу спасти моего отца!“—и бросился съ вершины скалы въ море.

Такъ какъ Пиноккіо былъ весь изъ дерева, то онъ легко держался на водѣ и плавалъ, какъ рыба. Онъ то исчезалъ подъ водою, то показывался опять, все дальше и дальше отъ берега. Наконецъ онъ скрылся съ глазъ.

— Бѣдный мальчикъ,—сказали рыбаки, собравшіеся на берегу, и, нашептывая вполголоса молитву, всѣ вернулись по своимъ домамъ.

XXIV.

Пиноккіо пристаєтъ къ острову «Трудолубивыхъ пчелъ» и находитъ тамъ фею.

НАДѢЯСЬ поспѣть во-время на помощь своему отцу, Пиноккіо плылъ цѣлую ночь безъ устали.

А что это была за ночь! ливень, градъ, громъ; молніи сверкали непрерывно!

Къ разсвѣту онъ замѣтилъ длинную полосу земли. Это былъ островъ среди моря. Пиноккіо всячески старался добраться до берега, но все было напрасно. Волны, сталкиваясь и покрывая одна другую, подбрасывали его и кружили, какъ соломинку.

Наконецъ, на его счастье, одна волна, особенно большая, выбросила его на берегъ

острова. При этомъ Пиноккіо такъ сильно ударился, что всѣ ребра его хрустнули; однако, онъ не упалъ духомъ и проговорилъ:

— И на этотъ разъ мнѣ повезло!

Погода между тѣмъ прояснилась; солнце показалось при всемъ своемъ блескѣ, и море, успокоившись, стало гладко, какъ зеркало. Тогда нашъ паяцъ разложилъ свое платье просушиться на солнцѣ и сталъ смотрѣть, не видно ли на огромномъ водномъ пространствѣ маленькой лодочки съ человѣчкомъ. Но какъ внимательно онъ ни смотрѣлъ кругомъ, нигдѣ ничего не могъ увидѣть, кромѣ неба, моря и нѣсколькихъ кораблей, плывшихъ такъ далеко, что они казались мухами.

— Хоть бы узнать, какъ называется этотъ островъ!—говорилъ Пиноккіо.—Хоть бы убѣдиться, что онъ населенъ людьми порядочными, то-есть такими, которые не имѣютъ скверной привычки вѣшать дѣтей на вѣтки деревьевъ! Но у кого мнѣ это спросить? Здѣсь никого не видно.

Мысль, что онъ совершенно одинъ на пустынномъ островѣ, привела его въ такое уныніе, что онъ чуть не заплакалъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ недалеко отъ берега большую рыбу, которая плыла спокойно, высунувъ всю голову изъ воды.

Не зная, какъ зовутъ эту рыбу, паяцъ закричалъ ей что есть мочи, чтобы она его услышала:

— Эй, госпожа рыба, позвольте сказать вамъ одно слово!

— Пожалуйста, я всегда къ вашимъ услугамъ!—отвѣтила рыба.

Это былъ дельфинъ, такой любезный, какого едва ли еще можно встрѣтить во всѣхъ моряхъ міра.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, нѣтъ ли на этомъ островѣ такого мѣста, гдѣ можно поѣсть, не опасаясь самому быть съѣденнымъ?

— Конечно есть!—отвѣтилъ дельфинъ,— и совсѣмъ недалеко отсюда.

— А какъ мнѣ туда попасть?

— Вы должны взять дорожку влѣво и идти все прямо и прямо. Заблудить я тутъ вы не можете.

— Скажите еще одну вещь. Вамъ вѣдь приходится плавать днемъ и ночью по морю,—

не встрѣчали ли вы случайно маленькой лодочки съ моимъ папашею?

— А кто твой папаша?

— Это самый добрый человекъ въ мірѣ, такъ же какъ я самый гадкій сынъ.

— Въ такую бурю, какая была въ эту ночь, лодочка, конечно, пошла ко дну.

— А папаша, мой папаша?

— Вѣроятно, его проглотила акула, ужасная акула, которая приплыла въ наши воды нѣсколько дней тому назадъ; она всѣхъ глотаетъ на своемъ пути.

— Развѣ эта акула такъ велика?—спросилъ Пиноккіо, начиная уже дрожать отъ страха.

— Велика ли она!.. — отвѣтилъ дельфинъ.—Для того, чтобы ты могъ судить объ ея величинѣ, я тебѣ скажу, что она больше пятиэтажнаго дома, а пасть ея такъ обширна и глубока, что желѣзнодорожный поѣздъ могъ бы свободно въ нее войти.

— Боже праведный!—воскликнулъ испуганный паяцъ.

Быстро одѣвшись, Пиноккіо опять обратился къ дельфину:

— До свиданія, госпожа рыба, извините за беспокойство и примите мою благодарность за вашу любезность.

Сказавъ это, нашъ паяцъ повернулся къ тропинкѣ и зашагалъ быстрымъ, почти бѣглымъ шагомъ. При малѣйшемъ шумѣ онъ оборачивался назадъ, боясь, какъ бы его не настигнула ужасная акула.

Черезъ полчаса Пиноккіо дошелъ до маленькаго мѣстечка, называвшагося „селеніемъ трудолюбивыхъ пчелъ“. Улицы этого мѣстечка кишѣли народомъ, бѣгавшимъ по разнымъ направленіямъ по дѣламъ. Всѣ тутъ работали, всѣ были чѣмъ-нибудь заняты. Здѣсь нельзя было встрѣтить ни одного бездѣльника, еслибы даже начать искать его съ фонаремъ.

— Понимаю,—сказалъ тотчасъ нашъ бездѣльникъ Пиноккіо,—эта страна создана не для меня! Я не рожденъ для работы!

Между тѣмъ голодъ ужъ мучилъ его, такъ какъ прошло 24 часа съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ ѣлъ.

Что дѣлать?

Оставалось два исхода, чтобы утолить

голодъ: или просить работы, или просить милостыню — деньгами или хлѣбомъ. Онъ стыдился просить милостыню: отецъ всегда говорилъ ему, что только старые и больные могутъ просить подаваніе. На бѣломъ свѣтѣ заслуживаютъ сожалѣнія и помощи только тѣ, которые вслѣдствіе старости или болѣзней лишены возможности зарабатывать хлѣбъ своимъ трудомъ. Всѣ остальные люди обязаны работать.

Въ это время по дорогѣ какой-то человекъ, уставшій, весь въ поту, тащилъ съ большимъ трудомъ двѣ телѣжки, наполненные углемъ.

Пиноккіо, полагая по наружному виду, что этотъ человекъ долженъ быть добрымъ, подошелъ къ нему и, опустивъ глаза отъ стыда, сказалъ вполголоса:

— Не будете ли вы добры дать мнѣ копеечку на хлѣбъ. Я умираю съ голода!

— Я дамъ тебѣ цѣлыхъ четыре копейки,—отвѣтилъ угольщикъ,—если ты поможешь мнѣ довести до дому эти телѣжки съ угольями.

— Удивляюсь вамъ! — отвѣтилъ паяцъ,

обиженный такимъ предложеніемъ.—Я вѣдь не осель, чтобы возить на себѣ телѣжки!

— Тѣмъ лучше для тебя! — отвѣтилъ угольщикъ.— Въ такомъ случаѣ, любезный, если ты умираешь съ голода, то скушай два кусочка твоей гордости, но, смотри, не подавись!

Послѣ того, черезъ нѣсколько минутъ, по той же дорогѣ проходилъ каменщикъ, который несъ на плечахъ корзину съ известью.

— Добрый человѣкъ, не дадите ли изъ милости копеечку бѣдному мальчику, умирающему отъ голода?

— Охотно, иди ко мнѣ носить известь,— отвѣтилъ каменщикъ,— и я тебѣ дамъ не одну копейку, а цѣлыхъ пять.

— Но известь тяжела,—возразилъ Пиноккіо,—а я не хочу слишкомъ трудиться.

— Если ты не хочешь потрудиться, дитя мое, то развлекайся голодомъ; будь здоровъ!

Въ теченіе получаса по дорогѣ прошло человѣкъ двадцать, и у всѣхъ Пиноккіо просить милостыни, но всѣ ему отвѣчали:

— Не стыдно ли тебѣ? вмѣсто того, что-

бы лодырничать на дорогѣ, ступай лучше, поищи себѣ работы и поучись зарабатывать хлѣбъ!

Наконецъ Пиноккіо встрѣтилась молодая женщина, которая несла два кувшина съводою.

— Позвольте, добрая женщина, выпить глоточекъ воды изъ вашего кувшина,—попросилъ Пиноккіо, томимый жаждою.

— Пей, пей, дитя мое! — отвѣчала ему женщина.

Кувшины были очень тяжелы, и вашъ паяцъ рѣшился понести его на головѣ.

Когда Пиноккіо напился, онъ пробормоталъ вполголоса:

— Жажду-то я утолилъ! хорошо бы утолить и голодъ.

Добрая женщина, услыхавъ эти слова, тотчасъ же сказала:

— Если ты мнѣ поможешь снести домой одинъ изъ этихъ кувшиновъ, то я дамъ тебѣ большой кусокъ хлѣба. А къ хлѣбу я прибавлю еще хорошую порцію цвѣтной капусты, приправленной масломъ и уксусомъ.

Пиноккіо посмотрѣлъ на кувшинъ, но не отвѣтилъ ни да, ни нѣтъ.

— А послѣ капусты ты получишь еще вкусную конфету.

Такому соблазну Пиноккіо не могъ противиться и, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— Нечего дѣлать! Давайте, снесу вашъ кувшинъ съ водою!

Кувшинъ былъ очень тяжелъ, и нашъ паяцъ, не имѣя силъ нести его въ рукахъ, рѣшился понести его на головѣ.

Когда они пришли домой, добрая женщина усадила Пиноккіо за столъ и подала ему хлѣбъ, цвѣтную капусту и конфету. Пиноккіо не ѣлъ, а пожиралъ. Желудокъ его былъ подобенъ квартирѣ, покинутой и необитаемой въ теченіе пяти мѣсяцевъ. Мало-по-малу успокоивъ страданія голода, онъ поднималъ голову, чтобы отблагодарить благодѣтельницу, но не успѣлъ онъ ее разсмотрѣть какъ слѣдуетъ, какъ сейчасъ же вскрикнулъ отъ удивленія: „Ахъ“! да такъ и замеръ съ выпученными глазами, съ вилкою въ рукѣ и съ наполненнымъ ѣдоу ртомъ.

— Чему ты такъ удивился? — спросила, смѣясь, добрая женщина.

— Да это...—отвѣтилъ прерывисто Пиноккіо,—то, что... вы походите... вы мнѣ напоминаете—да, да... тотъ же голосъ... тѣ же глаза... тѣ же волосы... да... у васъ тоже синіе волосы... какъ у нея! О, фея, моя фея!.. Скажите, что это вы!.. Не заставляйте меня плакать! Если-бы вы знали! Я такъ много плакалъ, я столько выстрадалъ!..

И, говоря такимъ образомъ, Пиноккіо плакалъ навзрыдъ. Онъ бросился на колѣни передъ доброю женщиной и цѣловалъ ея колѣни.

XXV.

Пиноккіо обѣщаетъ феѣ быть хорошимъ и учиться, потому что ему надоѣло быть паяцомъ и хочется сдѣлаться хорошимъ мальчикомъ.

Сначала добрая женщина говорила, что она вовсе не фея съ синими волосами, но затѣмъ, видя, что скрываться ужь нечего, признала себя феею и сказала:

— Ахъ, ты, плутишка! Какъ же это ты узналъ меня?

— О, я вѣдь васъ хорошо помню и никогда не забуду!

— Помнишь, ты оставилъ меня почти дѣвочкою, а теперь видишь женщиной, которая годится тебѣ уже не въ сестры, а въ матери.

— Для меня это еще лучше: вмѣсто того, чтобы называть васъ сестрицею, я буду звать васъ мамою. Я такъ давно мечталъ имѣть маму, какую имѣютъ всѣ другія дѣти!.. Но какъ это вы такъ скоро выросли?

— Это секретъ.

— Научите и меня: я хотѣлъ бы тоже вырасти. Вы видите, я остался такимъ-же, какимъ и былъ.

— Да, ты не можешь расти, — возразила фея.

— Почему?

— Потому, что паяцы не растутъ. Они рождаются паяцами, живутъ паяцами и умираютъ паяцами.

— Охъ, мнѣ ужъ надоѣло быть паяцомъ! — закричалъ Пиноккіо, ударивъ себя

по головѣ. — Пора бы и мнѣ сдѣлаться человекомъ...

— Ты станешь человекомъ, когда заслужишь этого...

— Въ самомъ дѣлѣ? А что я долженъ сдѣлать для этого?

— Самые пустяки: тебѣ надо привыкнуть быть хорошимъ мальчикомъ.

— Да развѣ я не хорошій мальчикъ?

— Совсѣмъ наоборотъ! Хорошія дѣти послушны, а ты нѣтъ...

— А я никогда не слушаюсь.

— Хорошія дѣти любятъ учиться, а ты...

— А я лодырничаю круглый годъ.

— Хорошія дѣти всегда говорятъ правду...

— А я всегда лгу.

— Хорошія дѣти охотно ходятъ въ школу...

— А у меня отъ школы голова болитъ.

Но съ сегодняшняго дня я хочу исправиться.

— Ты мнѣ это обещаешь?

— Обѣщаю. Я хочу сдѣлаться хорошимъ мальчикомъ, чтобы быть утѣшеніемъ папашы... А гдѣ мой бѣдный папаша?

— Я не знаю.

— Дождусь-ли я счастья увидѣть и обнять его?

— Я думаю, что да, я даже увѣрена въ этомъ.

Этотъ отвѣтъ такъ обрадовалъ Пиноккіо, что онъ схватилъ руки феи и сталъ цѣловать ихъ съ жаромъ, точно въ изступленіи. Потомъ, поднявъ голову и смотря съ горячей любовью на фею, онъ спросилъ ее:

— Скажи, мама, это не правда, что ты умерла?

— Кажется, нѣтъ, — отвѣтила, улыбаясь, фея.

— Еслибъ ты знала, какое горе я испыталъ на твоей могилѣ...

— Знаю, знаю, поэтому я и простила тебя. Искренность твоей печали показала мнѣ, что у тебя доброе сердце; отъ дѣтей съ добрымъ сердцемъ, если они даже шаловливы и съ дурными наклонностями, всегда можно ожидать переменъ къ лучшему, т.-е. можно надѣяться, что они пойдутъ по правильному пути. Вотъ почему я и пришла сюда за тобою. Я теперь буду твоею мамою...

— Ахъ, какъ это хорошо!—воскликнулъ Пиноккіо, подпрыгивая отъ радости.

— Ты будешь меня слушаться, будешь дѣлать всегда то, что я тебѣ буду говорить?

— Охотно, всегда!

Съ завтрашняго дня,—продолжала фея,—ты начнешь ходить въ школу.

При этихъ словахъ Пиноккіо сразу потерялъ часть своей веселости.

— Потомъ ты выберешь себѣ, по собственному желанію, какое-нибудь ремесло.

Пиноккіо сдѣлался совсѣмъ серьезнымъ.

— Что ты бормочешь себѣ подъ-носъ?—спросила фея.

— Я думалъ...—проговорилъ сквозь зубы паяцъ,—что мнѣ теперь ужъ поздновато ходить въ школу...

— Нѣтъ. Помни, что никогда не поздно учиться, пріобрѣтать познанія.

— Но я не хочу изучать никакого ремесла...

— Почему это?

— Потому что работа меня всегда утомляетъ.

— Дитя мое,—сказала фея,—тѣ, которые говорятъ по-твоему, кончаютъ тѣмъ, что попадаютъ или въ тюрьму или въ больницу. Знай, что всякій человѣкъ, богатъ ли онъ, или бѣденъ, обязанъ заняться дѣломъ, обязанъ работать. Избави Богъ привыкнуть бездѣльничать! Бездѣліе — ужасная болѣзнь, и надо ее лѣчить съ дѣтства, — иначе, когда станешь большимъ, эту болѣзнь уже не излѣчить.

Слова феи тронули и вразумили Пиноккіо. Онъ быстро поднялъ голову и сказалъ ей:

— Я буду учиться, буду работать, буду дѣлать все, что ты мнѣ скажешь, потому что, въ концѣ-концовъ, жизнь паяца надоѣла мнѣ, и я хочу во что бы то ни стало сдѣлаться настоящимъ мальчикомъ. Вѣдь ты мнѣ это обѣщала, не правда ли?

— Да, я тебѣ это обѣщала, и теперь все зависитъ отъ тебя самого.

XXVI.

Пиноккіо отправляется со своими товарищами на берегъ моря, чтобы посмотрѣть ужасную акулу.

НА другой день Пиноккіо отправился въ мѣстную школу.

Представьте себѣ удивленіе школьниковъ, когда они увидѣли въ классѣ паяца, какимъ звонкимъ хохотомъ они встрѣтили его появленіе! Школьники тотчасъ принялись за Пиноккіо: кто тянулъ его шляпу, кто держалъ его за куртку, кто пробовалъ намазать ему чернилами усы, а кто намѣревался привязать къ его ногамъ веревочки, чтобы заставить его плясать.

Нѣкоторое время Пиноккіо велъ себя сдержанно, но наконецъ не вытерпѣлъ и, обратившись къ маленькимъ насмѣшникамъ, сказалъ строго и внушительно:

— Берегитесь, ребята: я пришелъ сюда вовсе не для того, чтобы смѣшить васъ; я уважаю другихъ и требую, чтобы и меня уважали.

— Bravo, bravo! Ты заговорилъ совсѣмъ какъ печатная книга!—закричали мальчики, разбѣгаясь со смѣхомъ; при этомъ одинъ изъ нихъ, болѣе дерзкій, протянулъ руку, чтобы схватить паяца за носъ. Но онъ не успѣлъ сдѣлать этого, потому что Пиноккіо вытянулъ ногу подъ столомъ и ударилъ ею по ногамъ смѣльчака.

— Ой, ой, какія твердыя у него ноги!—закричалъ пострадавшій, растирая ушибленную ногу.

— А что за локти!.. Еще тверже ногъ!..—закричалъ другой, получившій за дерзкую шалость ударъ локтемъ въ грудь.

Въ результатѣ, послѣ ударовъ ногою и локтемъ, Пиноккіо пріобрѣлъ уваженіе и расположеніе всѣхъ школьныхъ товарищей.

Всѣ стали его ласкать и завели съ нимъ большую дружбу.

Да и учитель сталъ его хвалить, видя его вниманіе, прилежаніе, и замѣтивъ, что онъ всегда первымъ входилъ въ классъ и послѣднимъ вставалъ съ мѣста, когда уроки оканчивались.

Единственный его недостатокъ состоялъ въ томъ, что онъ слишкомъ дружилъ съ товарищами, а между ними было много лѣнтяевъ.

Учитель ежедневно напоминалъ ему, да и фея повторяла постоянно:

— Берегись, Пиноккіо! Эти товарищи рано или поздно отобьютъ у тебя охоту учиться, а, можетъ быть, и вовлекутъ тебя въ какую-нибудь бѣду.

— О, этому не бывать!—отвѣчалъ Пиноккіо, пожимая плечами и дотрогиваясь пальцемъ до своего деревяннаго лба, какъ-бы желая этимъ сказать: „Тутъ достаточно разсудка, чтобы не допустить ничего подобнаго!“

Въ одинъ прекрасный день нѣсколько товарищей встрѣтили Пиноккіо, когда онъ шелъ въ школу, и сказали ему:

— Знаешь интересную новость?

— Какую?

— Тутъ поблизости, на морѣ, появилась акула величиною съ гору.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Ужъ не та ли это акула, которая проглотила моего папашу?

— Мы сейчасъ идемъ на берегъ моря, чтобъ посмотрѣть на нее. Хочешь идти съ нами?

— Нѣтъ, я лучше пойду въ школу.

— Что тебѣ далась школа? Въ школу можно пойти и завтра. Однимъ урокомъ больше или меньше—все равно останемся тѣми же ослами.

— А что скажетъ учитель?

— Пусть себѣ ворчитъ. За то ему и платятъ, чтобъ онъ ворчалъ каждый день.

— А моя мамаша?

— Мамаши ничего не знаютъ.—отвѣтили эти бездѣльники.

— Знаете, что я сдѣлаю?—сказать Пиннокіо.—Мнѣ хочется увидѣть акулу по нѣкоторымъ моимъ соображеніямъ... но я пойду посмотрѣть на нее послѣ школы.

— Эхъ ты, дуракъ!—воскликнулъ одинъ

изъ школьниковъ. — Ты думаешь что такая большая рыба будетъ ждать, пока ты пожелаешь ее увидѣть? Какъ только ей надоѣстъ быть на одномъ мѣстѣ, она уплыветъ на другое, и тогда, кто не успѣлъ ее посмотреть, останется съ носомъ.

Вся ватага мальчугановъ бросилась бѣжать...

— А сколько времени нужно, чтобы добѣжать до берега моря?—спросилъ паяцъ.

— Мы успѣемъ вернуться черезъ часъ.

— Если такъ, то маршъ! кто скорѣе добѣжитъ, тотъ молодецъ! — закричалъ Пиноккіо.

По этому знаку вся ватага мальчугановъ бросилась бѣжать, съ книгами и тетрадами подмышкою. Пиноккіо былъ впереди всѣхъ; казалось, къ его ногамъ были прикрѣплены крылья, такъ быстро онъ бѣжалъ.

Отъ времени до времени онъ оборачивался назадъ и насмѣхался надъ тѣми, которые отставали, запылились, пыхтѣли и торопились, высунувъ языки. Несчастный не зналъ, какія ужасныя испытанія ожидаютъ его впереди.

XXVII.

Большая драка между Пиноккіо и его товарищами; одинъ изъ нихъ раненъ, и Пиноккіо арестованъ полиціею.

КОГДА Пиноккіо добѣжалъ до берега, онъ взглянулъ на море но акулы нигдѣ не было. Море было совершенно пустынно, гладко и спокойно.

— А гдѣ же акула? — спросилъ Пиноккіо у доставшихъ его товарищей.

— Она, вѣроятно, отправилась позавтракать, — отвѣтилъ со смѣхомъ одинъ изъ нихъ.

— А можетъ быть, она легла на по-

стель, чтобы вздремнуть, — прибавилъ другой, смѣясь еще больше.

По этимъ отвѣтамъ и смѣху Пиноккіо понялъ, что товарищи подшутили надъ нимъ, попросту — обманули его; Пиноккіо началъ сердиться и сказалъ рѣзко:

— Зачѣмъ вы выдумали эту исторію объ акулѣ?

— Такъ нужно было!—отвѣтила вся компанія въ одинъ голосъ.

— Да говорите же, къ чему эти глупыя шутки?

— А для того, чтобы ты не пошелъ въ школу, а отправился съ нами. Какъ тебѣ не стыдно быть такимъ аккуратнымъ на урокахъ и такимъ прилежнымъ? Какъ тебѣ не стыдно столько учиться?

— Что вамъ за дѣло, если я хочу учиться?

— То, что по твоей милости мы на школьномъ счету у учителя...

— Это почему?

— Потому, что кто хорошо учится, того ставятъ въ примѣръ другимъ, которыхъ считаютъ лѣнтяями. А мы не хотимъ, что-

бы насъ считали за плохихъ учениковъ! У насъ тоже есть самолюбіе!

— Что же я долженъ сдѣлать, чтобы васъ удовлетворить?

— Ты долженъ, какъ и мы, не любить ни школы, ни уроковъ, ни учителя — это наши три врага.

— А еслибы я все-таки пожелалъ учиться?

— Тогда мы тебѣ не товарищи, и при первомъ случаѣ ты поплатишься!

— Смѣшно мнѣ надъ вами, и больше ничего,—сказалъ Пиноккіо, пожимая плечами.

— Эй, Пиноккіо!—закричалъ тогда самый старшій изъ компаніи, грозно подходя къ Пиноккіо. — Ты тутъ не очень-то командуй, не пѣтушись! Если ты насъ не боишься, то и мы тебя не боимся! Помни, что ты одинъ, а насъ здѣсь семеро!

— Какъ семь смертныхъ грѣховъ,—сказалъ Пиноккіо, расхохотавшись.

— Слышите? Онъ насъ всѣхъ оскорбилъ! Онъ назвалъ насъ смертными грѣхами!

— Пиноккіо! Проси у насъ извиненія за обиду... не то берегись!..

— Куку! — сказалъ паяцъ и показалъ носъ.

— Пиноккіо! Тебѣ плохо будетъ!

— Куку! — повторилъ Пиноккіо.

— Мы тебя изобъемъ, какъ упрямаго осла.

— Куку!

— Придешь домой съ разбитымъ носомъ!..

— Куку!

— Я тебѣ задамъ куку! — закричалъ самый смѣлый изъ мальчугановъ. — Получи пока вотъ это... и побереги себѣ на ужинъ!

Съ этими словами онъ ударилъ его кулакомъ по головѣ.

Но это даромъ не прошло: паяцъ, какъ и можно было ожидать, отвѣтилъ такимъ же ударомъ, а послѣ этого завязалась общая драка.

Пиноккіо, хотя и былъ одинъ, защищался геройски. Онъ такъ хорошо работалъ своими твердыми деревянными ногами, что держалъ своихъ противниковъ на почтительномъ разстояніи. Если кто получалъ ударъ его ноги, у того надолго оставался большой синякъ.

Тогда мальчуганы, отчаявшись справиться съ паяцемъ кулаками, вздумали бить его издалека: книги и тетради моментально были развязаны, и въ паяца полетѣли, какъ бомбы, азбуки, грамматики, ариѳметики, книги для чтенія. Но паяцъ былъ ловокъ, умѣлъ увертываться отъ удара, такъ что книги пролетали надъ его головою и падали прямо въ море.

Рыбы, принимая эти книги за съѣдобныя вещи, бросались на нихъ; но, попробовавъ какую-нибудь страницу, онѣ выплевывали откушенное назадъ, дѣлая гримасу, какъ-бы желая этимъ сказать: „не для насъ писано, мы привыкли къ болѣе тонкой пищѣ!“

Между тѣмъ сраженіе дѣлалось все болѣе жестокимъ. Вдругъ изъ воды выползъ большой ракъ, и, вскарабкавшись на берегъ, закричалъ хриплымъ голосомъ:

— Перестаньте, негодные мальчишки! Эти драки рѣдко оканчиваются благополучно. Всегда случается какое-нибудь несчастье!..

Бѣдный ракъ! Его слова были брошены на вѣтеръ. А пострѣлъ Пиноккіо, обернувшись въ его сторону и посмотрѣвъ на него злобно, грубо крикнулъ ему:

— Замолчи, противное животное! Лучше бы ты полѣчилъ свое горло, чтобы не хрипѣть. Ступай въ кровать и постарайся вскопѣть!..

Между тѣмъ мальчики, разбросавъ собственные школьныя книги, замѣтили пачку книгъ самого паяца и принялись за нее. Въ пачкѣ была книга въ толстомъ картонномъ переплетѣ, съ корешкомъ и углами изъ толстой кожи. Это была ариѳметика. Можете судить, насколько она тяжела! Одинъ изъ мальчиковъ схватилъ эту книгу, прицѣлился въ голову Пиноккіо и что есть силы бросилъ ее; но вмѣсто паяца, книга попала въ голову одного изъ мальчиковъ; тотъ поблѣднѣлъ и упалъ безъ чувствъ, успѣвъ только проговорить:

— Мама, мама, помоги мнѣ... я умираю!

При видѣ такого несчастья перепуганные мальчуганы моментально разбѣжались.

На берегу остался одинъ Пиноккіо. Хотя онъ отъ испуга и былъ самъ едва живъ, но все-таки побѣжалъ къ морю, обмокнулъ платокъ въ воду и сталъ прикладывать его къ виску своего бѣднаго товарища. Онъ

плакалъ надъ нимъ, звалъ его по имени и говорилъ:

— Евгеній!.. бѣдный мой Евгеній!.. открой глаза, посмотри на меня!.. Отчего ты мнѣ не отвѣчаешь? Вѣдь не я тебя такъ ушибъ! Повѣрь мнѣ, это не я! Открой глаза, Евгеній! Если ты не откроешь глаза, то лучше умереть и мнѣ... Ахъ, Боже мой! Какъ я теперь вернусь домой? Какъ я покажусь на глаза моей доброй мамѣ? Что со мною будетъ? Куда я убѣгу? Куда я спрячусь?.. И зачѣмъ я послушался товарищей? Учитель говорилъ мнѣ: „веди себя хорошо“, мама повторяла мнѣ: „Берегись плохихъ товарищей!“ Но я упрямъ... я глупъ... я слушаю, что говорятъ, а дѣлаю по своему! А потомъ приходится раскаиваться! Вотъ такъ, съ тѣхъ поръ, какъ я появился на свѣтъ, я не видѣлъ счастья и четверти часа! Что же мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

Пинноккіо продолжалъ плакать и жаловаться, бить себя по головѣ и звать по имени бѣднаго Евгенія.

Вдругъ онъ услыхалъ звукъ приближающихся шаговъ.

Онъ обернулся: передъ нимъ стояли два полицейскихъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросили они Пиноккіо.

— Ухаживаю за моимъ школьнымъ товарищемъ.

— Что съ нимъ? Ему нехорошо?

— Кажется!...

— Еще бы!—сказалъ одинъ изъ полицейскихъ, наклоняясь и осматривая Евгенія. — Этотъ мальчикъ раненъ въ високъ; кто его ранилъ?

— Не я! — пробормоталъ паяцъ, дрожа отъ страха.

— Если не ты, то кто же?

— Не я!—повторилъ Пиноккіо.

— А чѣмъ его ранили?

— Этой книгою,—тутъ Пиноккіо поднялъ ариѳметику и показалъ ее полицейскимъ.

— Чья эта книга?

— Моя.

— Этого довольно: больше ничего не нужно. Вставай и иди за нами.

— Но я...

— Маршъ за нами!

— Но я невиненъ...

— Идемъ, за нами!

Передъ уходомъ полицейскіе позвали рыбаковъ, которые въ это время подплыли къ берегу на лодкахъ, и сказали имъ:

Два полицейскихъ офицера стояли передъ нимъ...

— Возьмите этого мальчика, раненаго въ голову, снесите его къ себѣ домой и помогите ему. Завтра мы придемъ навѣстить его.

Затѣмъ они поставили Пиноккіо межъ собою и приказали ему строго:

— Впередъ! Не сопротивляйся, а то тебѣ же будетъ хуже.

Паяцъ непрекословно пошелъ съ ними по дорогѣ, ведущей въ мѣстечко. Бѣдняга такъ былъ испуганъ, что ничего не понималъ. Ему казалось, что это сонъ, и какой скверный сонъ! Въ глазахъ у него двоилось, ноги дрожали, языкъ какъ-то прилипъ къ небу, и онъ не могъ выговорить ни слова. Больше всего его огорчала мысль о томъ, что онъ долженъ пройти мимо дома доброй феи, подъ надзоромъ полиціи, какъ преступникъ. Онъ предпочелъ бы лучше умереть.

Они ужъ подходили къ мѣстечку, когда сильный порывъ вѣтра сорвалъ шляпу съ головы Пиноккіо и отбросилъ ее шаговъ на десять въ сторону.

— Позвольте мнѣ поднять мою шляпу,— сказалъ паяцъ полицейскимъ.

— Пожалуй, но только поживѣе.

Паяцъ пошелъ, поднялъ шляпу... но вмѣсто того, чтобы надѣть ее на голову, онъ взялъ ее въ зубы и... пустился бѣжать что есть духу къ берегу моря. Онъ летѣлъ какъ пуля. Полагая, что имъ его не догнать, полицейскіе спустили на него большую собаку, получившую первую премію на всѣхъ

собачьихъ бѣгахъ. Пиноккіо бѣжалъ быстро, а собака еще быстрѣе. Народъ собирался на улицѣ и смотрѣлъ изъ оконъ, интересуясь,

Полицейскіе спустили на него большую собаку...

кто обгонить. Но разсмотрѣть что-нибудь было совершенно невозможно, потому что Пиноккіо и собака подняли сильную пыль которая почти совершенно скрывала ихъ.

XXVIII.

**Пиноккіо находится въ опасности быть из-
жареннымъ на сковородѣ, какъ рыба.**

В О время этой гонки насталь моментъ, когда Пиноккіо считаль себя погибшимъ, такъ какъ Алидоръ,—такъ называли собаку, — почти что догналь его. Нашъ паяцъ слышаль всего на разстояніи

одного шага учащенное дыханіе животнаго и чувствовалъ даже паръ отъ этого дыханія. Къ счастью, берегъ моря былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ. Какъ только Пиноккіо добѣжалъ до него, онъ сдѣлалъ огромный скачокъ, какой не сдѣлала бы и лягушка, и попалъ въ воду. Алидоръ хотѣлъ остановиться, но съ разбѣгу не удержался и тоже попалъ въ воду. Несчастная собака не умѣла плавать: она стала хлюпать лапами, чтобы удержаться на водѣ, но чѣмъ больше она хлюпала, тѣмъ больше погружалась въ воду. Она съ трудомъ высывала голову изъ воды, таращила глаза, залитые водой, и въ страхѣ кричала:

— Тону, тону!

— И тони!—отвѣчалъ ей издали Пиноккіо, чувствовавшій себя теперь въ безопасности.

— Помоги мнѣ, Пиноккіо!.. спаси меня отъ смерти!

Пиноккіо не былъ злымъ. Отчаянные крики собаки пробудили въ немъ жалость, и онъ обратился къ животному со словами:

— Если я помогу тебѣ спастись, обѣ-

щаешь ли ты оставить меня въ покоѣ, не гнаться за мною?

— Обѣщаю, обѣщаю! Только будь милостивъ, а то я совсѣмъ утону.

Пиноккіо все еще колебался, но потомъ вспомнилъ, какъ отецъ говорилъ ему много разъ, что доброе дѣло всегда приноситъ пользу, подплылъ къ собакѣ и, взявъ ее обѣими руками за хвостъ, вытащилъ на берегъ. Бѣдная собака не могла стоять на ногахъ: она проглотила столько соленой воды, что раздулась, какъ шаръ. Однако нашъ пацъ боялся довѣриться обѣщаніямъ Алидора и счелъ болѣе благоразумнымъ броситься опять въ море. Отплывъ отъ берега, онъ закричалъ спасенной собакѣ:

— Прощай, Алидоръ, добраго пути, кланяйся полицейскимъ.

— Прощай, Пиноккіо, — отвѣтилъ Алидоръ, — тысячу разъ спасибо тебѣ за то, что ты меня спасъ отъ смерти. Ты оказалъ мнѣ большую услугу; я никогда не забуду ее и постараюсь не остаться въ долгу...

Пиноккіо продолжалъ плыть, держась ближе къ берегу. Наконецъ, ему показалось,

что онъ достигъ безопаснаго мѣста: онъ осмотрѣлъ берегъ и увидѣлъ между скалами что-то въ родѣ пещеры, изъ которой выходилъ дымъ.

— Въ этой пещерѣ,—сказалъ онъ про себя,—повидимому горитъ огонь. Тѣмъ лучше! Пойду обсохнуть и согрѣться, а потомъ?... а тамъ что будетъ, то будетъ.

Принявъ такое рѣшеніе, онъ подплылъ къ скалѣ, но лишь только началъ взбираться на нее, какъ почувствовалъ, что скала подымается и поднимаетъ его на воздухъ. Онъ попытался убѣжать, но было поздно: къ его величайшему удивленію, онъ былъ пойманъ въ огромную сѣть, въ которой копошилось большое количество рыбъ разной формы и величины, трепетавшихъ и рвавшихся изъ невода.

И въ то же время онъ увидѣлъ выходящаго изъ пещеры рыбака, такого безобразнаго, что казалось, будто это не человекъ, а морское чудовище. Вмѣсто волосъ на головѣ его торчала зеленая трава; кожа его тѣла была тоже зеленого цвѣта, зеленые были у него глаза, зеленая борода, длин-

ная-предлинная. Онъ казался огромной ящерицей, стоящей на заднихъ лапахъ.

Когда рыбакъ вытащилъ свою сѣть, то радостно воскликнулъ:

— Боже милостивый! Сегодня я опять могу обожраться рыбою!

„Хорошо, что я не рыба!“ — подумалъ Пиноккіо, переставая трусить.

Сѣть, со всей рыбою, была внесена въ пещеру. Пещера была мрачна и наполнена дымомъ; по срединѣ ея стояла большая сковорода съ масломъ, которое издавало удушливый запахъ гари.

— Теперь посмотримъ, какая рыба мнѣ попалась! — сказалъ зеленый рыбакъ.

Засунувъ въ сѣть огромную лапу, онъ вытащилъ изъ нея горсть барбуновъ.

— Славные барбуны! — прибавилъ онъ, осматривая и обнюхивая рыбу.

Бросивъ рыбу въ пустую лохань, онъ сдѣлалъ то же и съ другими рыбами, по мѣрѣ того какъ вытаскивалъ ихъ изъ сѣти. Отъ удовольствія у него текли слюнки, и онъ приговаривалъ:

— Вкусныя эти мерлушки!.. А какія

славныя эти камбалы!.. Милашки эти анчоусы!..

Всѣ эти рыбы попали туда же въ лохань, за компанію съ барбунами. Послѣднимъ въ сѣти остался Пиноккіо.

Когда рыбакъ вынулъ его, то широко раскрылъ отъ удивленія свои зеленые глаза и, точно испугавшись, воскликнулъ:

— Это что за рыба? Не помню, чтобы мнѣ приходилось когда-нибудь ѣсть подобную рыбу.

Тутъ онъ сталъ внимательно разсматривать паяца и, повертѣвъ его во всѣ стороны, пришелъ къ слѣдующему заключенію:

— Понимаю: это, должно-быть, морской ракъ.

Но Пиноккіо обидѣлся, услыхавъ, что его принимаютъ за рака, и сказалъ внушительно:

— Какой тамъ ракъ? Еще бы что выдумали! Знайте, что я паяць.

— Паяць?—спросилъ рыбакъ. — Правду сказать, рыба паяць для меня новинка! Тѣмъ лучше, я тебя еще охотнѣе съѣмъ.

— Съѣдите? Да поймите же, что я не

рыба! Развѣ вы не видите, что я могу говорить и думать, какъ и вы?

— Это правда, — замѣтилъ рыбакъ, — и такъ какъ я вижу, что ты особенная рыба, имѣющая счастье говорить и думать, какъ я, то я хочу отличить тебя отъ другихъ и поступить съ тобою деликатно.

— Въ чемъ же будетъ состоять ваша деликатность?

— Въ знакъ дружбы и особаго къ тебѣ уваженія я предоставлю тебѣ выборъ: какъ ты желаешь быть изготовленнымъ? Желаешь ли ты быть сжареннымъ на сковородѣ, или быть свареннымъ въ котелкѣ, подъ соусомъ изъ красныхъ баклажанъ?

— Сказать правду, я бы предпочелъ получить свободу, чтобы вернуться домой.

— Ты шутишь! Ты думаешь, что я могу упустить случай испробовать такую рѣдкую рыбу, какъ ты? Не всякій день попадается въ сѣть паяцъ-рыба. Положись лучше на меня: я тебя изжарю на сковородѣ вмѣстѣ съ другими рыбами, и ты останешься доволенъ. Притомъ жариться въ компаніи веселѣе.

Несчастный Пиноккіо, послѣ такихъ успокоительныхъ словъ, началъ плакать, кричать, просить, и при этомъ думалъ:

„Какъ было бы хорошо, еслибы я пошелъ въ школу! Я послушался дурныхъ товарищей и теперь за это жестоко наказанъ!“

А такъ какъ онъ изгибался, какъ вьюнъ, и дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобъ вырваться изъ лапъ зеленого рыбака, то этотъ схватилъ пучокъ лозняка и, связавъ паяца по рукамъ и по ногамъ, кинулъ его въ лохань съ другими рыбами.

Когда рыбакъ вынулъ его, то выпучилъ отъ удивленія свои зеленые глаза...

Затѣмъ, вытащивъ кадку съ мукою, рыбакъ началъ обкатывать въ мукѣ всѣхъ этихъ рыбъ и, когда онѣ покрывались мукой, бросалъ ихъ на горячую сковороду.

Первыми попали въ кипящее масло бар-

буны, за ними стали плясать мерлушки, потомъ камбалы и анчоусы; наконецъ, пришла очередь и Пиноккіо. Чувствуя близость смерти (и какой ужасной смерти!), Пиноккіо со страху потерялъ голосъ и всякую способность говорить и просить.

Бѣдный паяцъ только смотрѣлъ жалобно, умоляюще. Но зеленый рыбакъ, не обращая на него никакого вниманія, обвалялъ его пять или шесть разъ въ мукъ, съ головы до ногъ, такъ что онъ казался сдѣланнымъ изъ алебастра. Затѣмъ, онъ взялъ его за голову и...

XXIX.

Пиноккіо возвращается домой къ феѣ, которая обѣщаетъ на слѣдующій день превратить его уже въ настоящаго мальчика. Завтракъ въ видѣ кофе съ молокомъ, чтобъ отпраздновать это великое событіе.

НЕ УСПѢЛЪ рыбакъ бросить Пиноккіо на сковороду, какъ вдругъ въ пещерѣ показалась большая собака, привлеченная соблазнительнымъ запахомъ жареной рыбы.

— Пошла прочь!—закричалъ на нее рыбакъ, замахиваясь одной рукой и не выпуская изъ другой паяца.

Но бѣдная собака была голодна за четверыхъ; она визжала, махала хвостомъ и, казалось, хотѣла сказать: „Дай мнѣ кусочекъ жаренаго—и я тебя оставлю въ покоѣ“.

— Пошла прочь, говорю тебѣ!—повторилъ рыбакъ и вытянулъ ногу, чтобы ударить собаку.

Тогда собака, не привыкшая къ такому обращенію, въ особенности когда она голодна, злобно зарычала и показала рыбаку свои ужасные зубы.

Въ то же время въ пещерѣ слышался еле внятный голосокъ, проговорившій:

— Спаси меня, Алидоръ! Если ты меня не спасешь, я буду изжаренъ!..

Собака тотчасъ узнала голосъ Пиноккіо и догадалась, что этотъ голосъ выходитъ изъ предмета, обкатаннаго въ муку и находящагося въ рукахъ рыбака.

Что же предприняла собака? Она высоко подпрыгнула, схватила зубами это мучное тѣло и, держа его нѣжно въ зубахъ,

выбѣжала съ быстротою молніи изъ пещеры!

Внѣ себя отъ ярости, что у него вырвали изъ рукъ рыбу, которую онъ хотѣлъ посмаковать, рыбакъ попробовалъ догнать собаку, но послѣ нѣсколькихъ шаговъ его сталъ душить кашель, и онъ долженъ былъ вернуться къ себѣ.

Между тѣмъ Алидоръ, найдя дорогу, которая вела въ мѣстечко, остановился и бережно положилъ Пиноккіо на землю.

— Какъ мнѣ тебя благодарить — сказалъ Пиноккіо.

— Не за что, -- возразила собака, -- ты меня тоже спасъ -- долгъ платежомъ красенъ. Въ жизни нужно всегда помогать другъ другу.

-- Да какъ ты попалъ въ пещеру?

— Я лежалъ на берегу моря, еле живой, послѣ того какъ ты меня спасъ; вдругъ я почувствовалъ запахъ жаренаго; этотъ запахъ раздражилъ мой аппетитъ, и я отправился туда, откуда несся запахъ. Еслибы я прибѣжалъ на минутку позже...

-- И не говори! -- воскликнулъ Пиноккіо, все еще дрожа отъ страха. -- Не говори! Если-

бы ты на минуту опоздалъ, теперь я ужъ былъ бы изжаренъ, съѣденъ и переваренъ! Брр! Морозъ по кожѣ пробѣгаетъ при одной мысли объ этомъ!..

Алидоръ засмѣялся и протянулъ свою правую лапу паяцу, который крѣпко ее пожалъ въ знакъ дружбы. Послѣ этого оба пріятеля разстались.

Собака направилась къ себѣ домой, а Пиноккіо, оставшись одинъ, подошелъ къ домику, который находился неподалеку, и спросилъ у старичка, грѣвшагося около дома на солнцѣ:

— Скажите, добрый человѣкъ, не знаете ли вы чего-нибудь о бѣдномъ мальчикѣ, по имени Евгеній, который былъ раненъ въ голову?

— Этотъ мальчикъ былъ перенесенъ рыбаками сюда и теперь...

— Ужъ не умеръ ли?.. — перебилъ его съ нетерпѣніемъ Пиноккіо.

— Нѣтъ, онъ живъ и вернулся къ себѣ домой.

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнулъ паяцъ,

прыгая отъ радости. — Стало быть, рана не была опасна?..

— Нѣтъ, но она могла быть опасна и даже смертельна, — отвѣтилъ старичокъ, — потому что ему бросили въ голову толстую книгу, переплетенную въ картонъ.

— А кто же ее бросилъ?

— Товарищъ его по школѣ, нѣкій Пиноккіо.

— Кто такой этотъ Пиноккіо? — спросилъ паяцъ, притворяясь ничего не знающимъ.

— Говорятъ, что это негодный мальчишка, сорви-голова, бродяга.

— Клевета, одна клевета!

— Ты развѣ знаешь этого Пиноккіо?

— Такъ, немного! — отвѣтилъ паяцъ.

— Каковъ же онъ по твоему? — спросилъ старичокъ.

— По моему, онъ доброе дитя, послушное, любящее отца и семейство, притомъ прилежное въ ученіи...

Разсказывая всѣ эти небылицы, Пиноккіо тронулъ себя за носъ и тутъ замѣтилъ, что его носъ сталъ длиннѣе на цѣлый футъ. Испугавшись, онъ поспѣшилъ поправиться:

Не вѣрьте всему тому, что я вамъ ска- залъ; я прекрасно знаю Пиноккіо и могу увѣ- рить, что онъ дѣйствительно непослушный, своевольный мальчишка и вмѣсто того, чтобы идти въ школу, онъ гуляетъ съ товарищами, бездѣльничаетъ и куролесить!

Какъ только онъ закончилъ говорить, носъ его укоротился и принялъ естествен- ную величину.

— А отчего ты весь вымазанъ бѣлымъ?— спросилъ его вдругъ старичокъ.

— Я вамъ скажу... я нечаянно обтерся о стѣну, недавно выкрашенную, — отвѣтилъ паяцъ, стыдясь рассказать, какъ его обжа- тали въ мукѣ, какъ рыбу, чтобы изжарить на сковородѣ.

— А куда ты дѣвалъ свою куртку, штаны и шляпу?

— Меня раздѣли воры. Скажите, добрый старичокъ, не можете ли вы дать мнѣ ка- кое-нибудь платье, чтобы только вернуться домой?

— Дитя мое, что касается одежды, то у меня есть только небольшой мѣшокъ. Если хочешь, возьми его, вотъ онъ.

Пиноккіо не заставилъ просить себя: онъ взялъ сейчасъ же мѣшокъ, вырѣзалъ ножницами дыру въ днѣ его для головы, двѣ дыры по бокамъ—для рукъ и надѣлъ его,

Пиноккіо спросилъ старичка...

какъ рубашку. Одѣтый такимъ образомъ, онъ направился къ жилищу феи.

Но по дорогѣ его мучили разные сомнѣнія, и онъ шелъ какъ бы нехотя, то идя впередъ, то поворачиваясь назадъ; онъ разсуждалъ:

— Какъ я покажусь теперь доброй феѣ?

Что она скажетъ, когда увидить меня?... Захочетъ ли она простить мнѣ эту новую выходку?... Бьюсь объ закладъ, что она не проститъ мнѣ!.. Навѣрно, не проститъ!.. Такъ мнѣ и надо: я изъ тѣхъ мальчиковъ, которые все обѣщаютъ исправиться и не исполняютъ своего обѣщанія!

Онъ пришелъ въ мѣстечко уже ночью, а такъ какъ погода была ужасная, дождь лилъ, какъ изъ ведра, то онъ направился прямо къ дому феи, съ намѣреніемъ постучаться и войти въ домъ.

Но когда онъ подошелъ къ самому дому, храбрость его исчезла, и вмѣсто того, чтобы постучаться, онъ отошелъ шаговъ на двадцать отъ дома. Затѣмъ онъ опять подошелъ къ дверямъ и все-таки не рѣшился постучать; потомъ—въ третій разъ и все также не могъ набраться смѣлости. Наконецъ, въ четвертый разъ,—онъ ухватился, дрожа, за ручку двери и тихо постучалъ.

Ждалъ онъ, ждалъ; наконецъ черезъ полчаса открылось окно въ самомъ верхнемъ этажѣ (домъ былъ четырехъэтажный), и Пиноккіо увидѣлъ въ окнѣ большую улитку,

на головѣ которой стояла свѣча. Улитка спросила:

— Кто это стучится въ такую пору?

— Дома фея? — спросилъ паяцъ.

— Фея спитъ и не велѣла ее будить. А ты кто такой?

— Это я!

— Кто ты?

— Пиноккіо.

— Кто такой Пиноккіо?

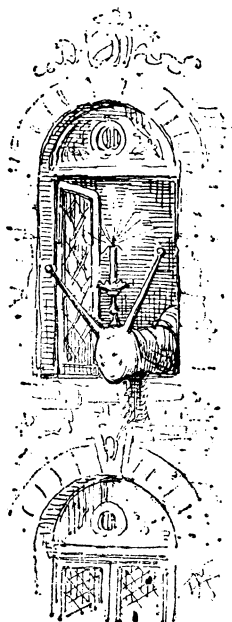
— Паяцъ, который живетъ у феи.

— А, знаю! — сказала улитка, — подожди меня, я спущусь и отопру тебѣ.

— Поторопитесь, пожалуйста, я страшно прозябъ.

— Дитя мое, я улитка, а улитки никогда не торопятся.

Прошелъ часъ, прошло и два, а дверь не отворялась, и Пиноккіо, дрожавшій отъ

Пиноккіо увидѣлъ въ окнѣ большую улитку, на головѣ которой стояла свѣча...

холода и отъ страха, рѣшился постучаться второй разъ, теперь уже громче.

На этотъ второй стукъ открылось нижнее окно, и въ немъ показалась та же улитка.

— Улиточка, милая,—закричалъ Пиноккіо съ улицы,—ужь два часа какъ я жду! Два часа въ такую погоду кажутся двумя годами. Поторопитесь, умоляю васъ.

— Дитя мое,—отвѣтила медлительная и невозмутимая улитка,—я улитка, а улитки никогда не торопятся.

И окно затворилось.

Вскорѣ пробило полночь, затѣмъ—часъ, наконецъ пробило два часа ночи, а дверь все не отворялась.

Тутъ Пиноккіо потерялъ терпѣніе: онъ съ яростью ухватился за ручку дверей, чтобы сильными ударами потрясти весь домъ; но желѣзная ручка вдругъ превратилась въ угря, который, выскользнувъ изъ рукъ Пиноккіо, исчезъ въ ручейкѣ, образовавшемся на улицѣ послѣ обильнаго дождя.

— А, такъ вотъ какъ!—закричалъ Пиноккіо, взбѣшенный неудачей.—Если нѣтъ ручки, такъ я буду стучать ногами!

И, отойдя на нѣсколько шаговъ, онъ бросился на дверь и изо всей силы ударилъ въ нее ногой. Ударъ былъ такъ силенъ, что нога его вошла въ дерево, и онъ никакъ не могъ высвободить ее: она застряла въ дверяхъ, какъ гвоздь.

Представьте себѣ положеніе нашего бѣднаго паяца! Онъ долженъ былъ провести остальную часть ночи, стоя только на одной ногѣ.

Поутру, на разсвѣтѣ, дверь наконецъ была отворена. Эта милая улитка употребила ни больше, ни меньше, какъ девять часовъ, чтобы спуститься съ верхняго этажа на улицу. Надо сознаться, что она сильно вспотѣла отъ такой долгой ходьбы.

— Что это вы сдѣлали со своею ногою? Зачѣмъ вы вбили ее въ дверь?—спросила улитка, смѣясь.

— Случилось несчастье. Взгляните, милая улиточка, не можете ли освободить меня отъ этой муки?

— Дитя мое, тутъ нуженъ плотникъ, а я никогда не занималась плотничествомъ.

— Попросите фею отъ моего имени!..

— Фея еще спать и запретила себя будить.

— Неужели же я буду цѣлый день пригвожденъ къ этой двери?

— Если тебѣ скучно, то посчитай муравьевъ, которые проходятъ по дорогѣ.

— Пришлите мнѣ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь поѣсть, вѣдь я страшно голоденъ.

— Сейчасъ,—сказала улитка.

— Дѣйствительно, черезъ три съ половиною часа, Пиноккіо увидѣлъ ее съ серебряною мискою на головѣ. Въ мискѣ былъ хлѣбъ, жареная курица и четыре спѣлыхъ абрикоса.

— Вотъ завтракъ, который вамъ посылаетъ фея,—сказала улитка.

При видѣ этихъ кушаній паяцъ совершенно успокоился. Но каково было его разочарованіе, когда, принявшись за ѣду, онъ увидѣлъ, что хлѣбъ былъ сдѣланъ изъ гипса, курица—изъ картона, а четыре абрикоса—изъ алебаstra, выкрашеннаго такъ искусно, что они казались настоящими. Онъ хотѣлъ плакать, кричать, хотѣлъ бросить все это вонъ; но вмѣсто того, по причинѣ ли горя или

отъ сильнаго голода, онъ упалъ въ обморокъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, то замѣтилъ, что лежитъ на диванѣ и что фея находится возлѣ него.

— И на этотъ разъ я тебя прощаю,— сказала ему фея,—но берегись, лучше не повторяй своихъ проказъ!..

Пиноккіо обѣщалъ учиться и вести себя какъ нельзя лучше.

И онъ сдержалъ свое слово до конца года.

На весеннихъ экзаменахъ онъ былъ признанъ первымъ въ школѣ, и вообще его поведеніе было настолько удовлетворительно, что фея, довольная имъ, сказала ему:

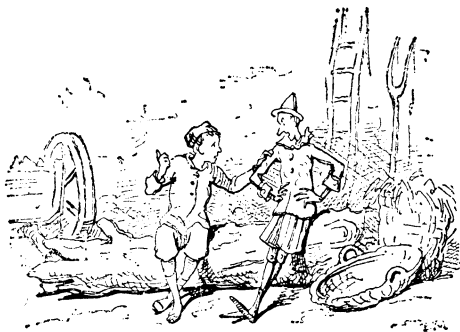
— Завтра, наконецъ, твое желаніе будетъ исполнено!

— То-есть?

— Завтра ты перестанешь быть деревяннымъ паяцомъ и сдѣлаешься настоящимъ мальчикомъ.

Тотъ, кто не видѣлъ радости Пиноккіо при этомъ извѣстіи, не можетъ себѣ ее представить. Всѣ его друзья и товарищи по

школѣ были приглашены на слѣдующій день къ завтраку въ домъ феи, чтобы отпраздновать веселое событіе. Фея приготовила двѣсти чашекъ кофе съ молокомъ и четыреста булочекъ, намазанныхъ масломъ внутри и снаружи. Этотъ день обѣщалъ быть очень веселымъ и торжественнымъ, но... къ несчастью, въ жизни паяцовъ всегда случается что нибудь непредвидѣнное.

XXX.

Пиноккіо, вмѣсто того чтобы сдѣлаться настоящимъ мальчикомъ, украдкою отправляется со своимъ другомъ Фитилемъ въ страну игръ.

ВЕСЬМА естественно, что Пиноккіо попросилъ фею отпустить его въ городъ, чтобы пригласить гостей.

— Иди, приглашай товарищей, — согласилась фея, — но помни, что надо вернуться домой до сумерекъ. Понимаешь?

— Я вернусь черезъ часъ, обѣщаю тебѣ это.

— Смотри, Пиноккіо! дѣти легко обѣ-

щаютъ, но, въ большинствѣ случаевъ, не исполняютъ своихъ обѣщаній.

— Но я не такой, какъ другіе: разъ я что скажу, то ужъ исполню.

— Увидимъ. Если ты не сдержишь своего слова, тѣмъ хуже для тебя.

— Отчего?

— Потому что дѣти, не слушающія совѣтовъ старшихъ, непременно попадаютъ въ бѣду.

— О, я это испыталъ!—сказалъ Пиноккіо,—но теперь ужъ больше не попадусь!

— Посмотримъ, правду ли ты говоришь.

Не сказавъ на это ни слова, паяцъ поклонился доброй феѣ, замѣнившей ему мать, и, припрыгивая и напѣвая, ушелъ изъ дому.

Черезъ какой-нибудь часъ съ лишнимъ всѣ его друзья были приглашены. Нѣкоторые приняли приглашеніе тотчасъ и отъ души, другіе сначала заставили себя просить, но когда они узнали, что булочки къ кофе будутъ вымазаны масломъ и снаружи, то не преминули сказать:

— Мы придемъ, чтобы доставить тебѣ удовольствіе.

Но нужно знать, что среди друзей и товарищей по школѣ Пиноккіо имѣлъ одного, котораго особенно любилъ; его звали Ромео, но прозвали Фитиль, потому что онъ былъ худенькій, худой, совершенно какъ фитиль почника.

Фитиль былъ самымъ своенравнымъ и шаловливымъ мальчикомъ въ школѣ, а Пиноккіо очень и очень его любилъ. Конечно, Пиноккіо зашелъ и къ Фитилю, чтобы пригласить и его къ завтраку, но не засталъ его. Онъ вернулся второй разъ къ нему и опять не засталъ. Наконецъ, пошелъ въ третій разъ и опять напрасно. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ въ разныхъ мѣстахъ, Пиноккіо увидѣлъ его подъ навѣсомъ крестьянскаго дома.

— Что ты тутъ дѣлаешь? — спросилъ, подходя къ нему, Пиноккіо.

— Жду, полночи, чтобы уѣхать...

— Куда?

— Далеко, далеко!

— А я заходилъ къ тебѣ въ домъ три раза.

— Что тебѣ отъ меня надо?

— Ты не знаешь радостной новости? Не знаешь, какое счастье выпало на мою долю?

— Какое?

— Завтра я перестаю быть паяцомъ и буду такимъ, какъ ты, какъ всѣ.

— Въ добрый часъ.

— Такъ я жду тебя завтра къ завтраку.

— Да вѣдь я говорю тебѣ, что я уѣзжаю сегодня ночью.

— Въ которомъ часу?

— Да скоро.

— Куда же ты ѣдешь?

— Переѣзжаю на житье въ страну... въ самую лучшую страну міра, гдѣ всего-всего въ изобиліи.

— А какъ называется эта страна?

— Она называется „страной игръ“. Почему бы и тебѣ не поѣхать туда?

— Мнѣ? О, нѣтъ!

— Повѣрь мнѣ, Пиноккіо!—сказалъ Фитиль,—если ты не поѣдешь, то будешь потомъ жалѣть. Гдѣ ты найдешь страну болѣе пріятную для насъ, дѣтей? Тамъ нѣтъ школъ, нѣтъ учителей, нѣтъ книгъ. Въ этой благоденственной странѣ никогда не учатся. По

четвергамъ школа закрыта, и всякая недѣля состоитъ тамъ изъ шести четверговъ и одного воскресенья. Подумай только, что осеннія каникулы начинаются съ перваго января и оканчивается въ декабрѣ. Такая страна совсѣмъ въ моемъ вкусѣ! Вотъ какими должны быть всѣ цивилизованныя страны!..

— А какъ проводятъ дни въ этой странѣ?

— Съ утра до вечера играютъ и развлекаются. Вечеромъ ложатся спать, а на слѣдующій день начинаютъ сызнава. Какъ тебѣ это нравится?

— Гм!..—произнесъ Пиноккіо и при этомъ покачалъ легонько головою, какъ бы желая скачать: „тамъ-то и я охотно пожилъ бы“,

— Ну, что же, хочешь ѣхать со мною? Да, или нѣтъ? Рѣшайся!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и еще разъ нѣтъ. Я обѣщалъ моей доброй феѣ сдѣлаться хорошимъ мальчикомъ и хочу сдержать свое слово. Солнце ужъ заходитъ; я оставлю тебя и побѣгу домой. Значитъ прощай, счастливой дороги.

— Куда же ты такъ торопишься?

— Домой. Моя добрая фея желаетъ, чтобы я вернулся до сумерекъ.

— Подожди еще двѣ минутки.

— Опоздаю.

— Да только двѣ минуты.

— А если фея за это разсердится на меня?

— Пусть себѣ сердится. Покричитъ и успокоится,—сказаль бездѣльникъ Фитиль.

— А ты одинъ ѣдешь или въ компаніи?

— Одинъ? Да насъ болѣе ста мальчиковъ.

— А какъ вы, пѣшкомъ?

— Скоро проѣдетъ экипажъ, который захватитъ меня и довезетъ до границы этой счастливой страны.

— Чего бы я не далъ, чтобы экипажъ сейчасъ подѣхалъ!..

— Зачѣмъ тебѣ это?

— Чтобы увидѣть, какъ вы всѣ поѣдете.

— Подожди здѣсь немного—и ты это увидишь.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ надо возвращаться домой.

— Да подожди же еще двѣ минуты.

— Я и такъ поздалъ. Фея будетъ безпокоиться за меня.

— Бѣдная фея! Ужъ не боится ли она, что тебя съѣдятъ летучія мыши?

— А ты, дѣйствительно, увѣренъ, что въ этой твоей странѣ совсѣмъ нѣтъ школъ?

— Даже и слова такого—„школа“—нѣтъ.

— И учителей нѣтъ?

— Ни одного.

— И никто не заставляетъ учиться?

— Никогда!

— Славная страна!—сказалъ Пиноккіо, чувствуя, какъ у него выступаютъ слюнки на губахъ.—Славная страна! Я никогда тамъ не былъ, но могу себѣ вообразить, что это такое!..

— Почему бы и тебѣ туда не поѣхать?

— Напрасно ты меня соблазняешь! Говорю тебѣ, что я обѣщаль моей доброй феѣ быть благоразумнымъ, и не хочу измѣнять своему слову.

— Ну, такъ прощай и поклонись отъ меня всѣмъ школамъ и даже гимназіямъ, если встрѣтишь ихъ на дорогѣ.

— Прощай, Фитиль, счастливаго тебѣ пути; развлекайся и вспоминай своихъ друзей.—Сказавъ это, паяцъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ съ намѣреніемъ уйти, но потомъ остановился и, обращаясь къ своему другу, спросилъ его:

— Да ты въ самомъ дѣлѣ увѣренъ, что въ той странѣ всѣ недѣли состоятъ изъ шести четверговъ и одного воскресенья?

— Вполнѣ увѣренъ.

— И ты знаешь навѣрно, что каникулы продолжаются съ января по декабрь, т.-е. круглый годъ?

— Конечно, знаю.

— Славная страна! — повторилъ Пиноккіо. Затѣмъ онъ вдругъ рѣшительно повернулся и быстро сказалъ, — такъ прощай же, счастливой дороги!

— Прощай.

— Скоро ли вы поѣдете?

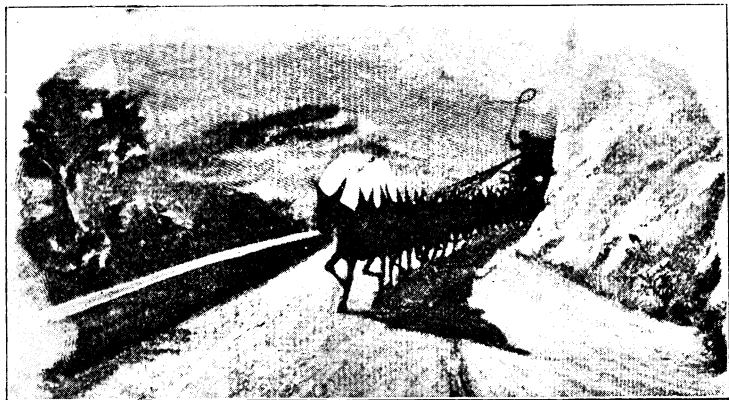
— Скоро.

— Жаль! Если бы оставалось не больше часа до вашего отъѣзда, то я, пожалуй, подождать бы.

— А твоя фея?

— Да теперь я ужь опоздалъ!.. Теперь ужь часомъ раньше или позже—все равно.

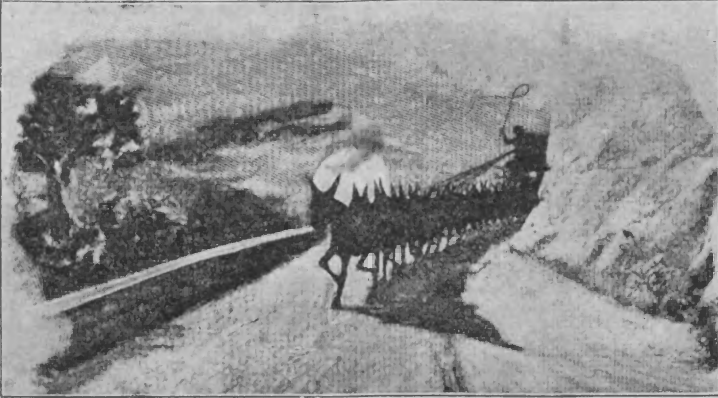
— Бѣдныи Пиноккіо! А если фея разсердится?

Въ экипажъ были впряжены ослята...

— Что же дѣлать, пусть себѣ сердится! Покричитъ и успокоится.

Между тѣмъ настала ночь, темная ночь. Вдругъ они замѣтили вдали огонекъ и услышали звукъ бубенчиковъ и рожка, но такой тихій, нѣжный звукъ, что, казалось, это пѣснь комара.

— Вотъ онъ!—воскликнулъ Фитиль, вскакивая съ мѣста.

— Кто такой?—спросилъ Пиноккіо.

— Экипажъ, который ѣдетъ за мною. Такъ хочешь ѣхать съ нами? Да, или нѣтъ?

— Да вѣрно ли, что въ той странѣ мальчишки не обязаны учиться?—спросилъ папцъ.

— Никогда, никогда, никогда!

— Славная страна!.. Славная страна!..
Дѣйствительно, славная страна!..

Наконецъ экипажъ пріѣхалъ, и пріѣхалъ онъ безъ малѣйшаго шума, потому что колеса его были обернуты паклею и тряпками.

Въ экипажъ были впряжены ослы — двѣнадцать паръ ослей одной величины, но разной масти. Одни изъ нихъ были сѣрые, другіе бѣлые, бѣлые съ чернымъ крапомъ и, наконецъ, пѣгіе, съ полосами желтыми и синими. Но страннѣе всего было то, что всѣ эти 24 осленка не были подкованы, какъ вообще вьючныя животныя, а ноги ихъ были обуты въ сапоги изъ бѣлой кожи.

А кучеръ-то?

Представьте себѣ человѣчка, который въ ширину больше, чѣмъ въ вышину, мягкаго и жирнаго, какъ шарикъ изъ коровьяго масла, съ личикомъ, какъ красное яблочко, съ ротикомъ вѣчно смѣющимся, съ голоскомъ тоненькимъ и ласковымъ, какъ голосъ кошки, которая ластится къ хозяйкѣ.

XXXI.

Послѣ пяти мѣсяцевъ забавъ и бездѣлія Циноккіо, къ великому удивленію, чувствуетъ, какъ у него вырастаютъ ослиныя уши, а затѣмъ онъ обращается въ осленка съ ушами и хвостомъ.

ВСѢ дѣти приходили въ восторгъ при взглядѣ на этого кучера, и бросались съ бою занимать мѣста въ его экипажѣ, чтобы ѣхать въ чудесную страну, извѣстную на географической картѣ подъ названіемъ „Страна игръ“.

Дѣйствительно, экипажъ былъ весь переполненъ мальчиками отъ 8 до 12 лѣтъ,

которые сидѣли въ немъ одинъ на другомъ, какъ сельди въ бочкѣ. Имъ было неудобно, тѣсно, нельзя было даже свободно дышать, но никто изъ нихъ не жаловался. Мысль о томъ, что черезъ нѣсколько часовъ они придутъ въ страну, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни школъ, ни учителей, придавала имъ столько радости и терпѣнія, что они не чувствовали ни неудовольствія, ни утомленія, ни голода, ни жажды, ни желанія заснуть.

Когда карета остановилась, человѣкъ, сидѣвшій на козлахъ, обратился къ Фитилю, и сопровождая свою рѣчь разными ужимками и гримасами, спросилъ его съ улыбкою:

— Скажи, милый мальчикъ, и ты хочешь поѣхать въ счастливую страну?

— Конечно, хочу.

— Но предупреждаю тебя, милашка, что въ моемъ экипажѣ нѣтъ больше мѣста. Какъ видишь: онъ уже переполненъ!

— Что дѣлать,—возразилъ фитиль,—если нѣтъ мѣста внутри экипажа, то я ухитрюсь посидѣть на дышлѣ.—И, прыгнувъ, онъ сѣлъ верхомъ на дышло.

— А ты, голубчикъ, — сказалъ человѣкъ,

чекъ, обращаясь любезно къ Пиноккіо, — что думаешь дѣлать? Ты останешься, или желаешь ѣхать съ нами?

— Я остаюсь, — отвѣтилъ Пиноккіо. — Я хочу вернуться домой, хочу учиться и заслужить похвалу въ школѣ, какъ это дѣлають хорошіе мальчики.

— Въ добрый часъ!

— Пиноккіо! — сказалъ Фитиль, — послушай меня: поѣдемъ съ нами, намъ будетъ весело.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Поѣдемъ съ нами, повеселимся! — закричало ему нѣсколько голосовъ.

— Поѣзжай съ нами, намъ будетъ весело! — закричали всѣ 100 мальчиковъ.

— А если я поѣду, съ вами, что скажетъ моя добрая фея? — сказалъ пацъ, начинавшій уже склоняться къ поѣздкѣ.

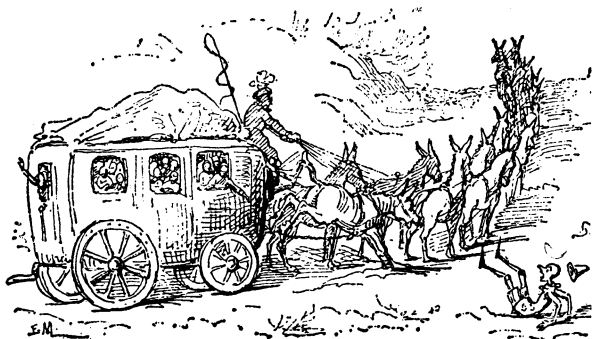
— Брось ты, пожалуйста, свои грустные мысли! Подумай только, мы ѣдемъ въ страну, гдѣ намъ можно будетъ безнаказанно шумѣть съ утра до вечера!

Пиноккіо не отвѣтилъ, но вздохнулъ; по-

томъ онъ опять вздохнулъ, затѣмъ еще и, наконецъ, сказалъ:

— Дайте мнѣ мѣсто, поѣду и я!..

— Мѣста-то всѣ заняты,—возразилъ человѣчекъ,—но чтобы угодить тебѣ, я могу пустить тебя на козлы.

Паяц полетѣлъ на землю, вверхъ тормашками...

— А вы сами какъ же?

— Я могу идти пѣшкомъ.

— Нѣтъ, я этого не допущу. Я лучше согласенъ сѣсть верхомъ на одного изъ этихъ осленковъ!—воскликнулъ Пиноккіо.

Сказано—сдѣлано. Пиноккіо подошелъ къ ослу съ правой стороны въ первой парѣ, съ намѣреніемъ вскочить ему на спину, но

оселъ толкнулъ его мордой въ грудь, и паяцъ полетѣлъ на землю вверхъ тормашками.

Вообразите, какимъ смѣхомъ разразилась вся компанія мальчугановъ. Но кучеръ не смѣялся. Онъ подошелъ въ свою очередь къ сердитому ослу и откусилъ ему половину праваго уха.

Въ то же время Пиноккіо, съ бѣшенствомъ вскочивъ на ноги, прыгнулъ сразу на спину бѣднаго животнаго. Скачокъ этотъ былъ такъ удаченъ, что мальчуганы, переставъ смѣяться, заорали въ одинъ голосъ: „Браво, Пиноккіо“, и принялись усиленно хлопать въ ладоши.

Но ослу не понравилось такое торжество Пиноккіо; онъ брыкнулъ, и нашъ паяцъ покати́лся на середину дороги, прямо на кучу щебня.

Мальчики снова захохотали, а кучеръ опять остался серьезнымъ. Онъ вторично подошелъ къ беспокойному ослу и откусилъ у него половину лѣваго уха. Затѣмъ онъ сказалъ паяцу;

— Теперь можешь сѣсть верхомъ. Не

бойся, этотъ осель капризничалъ, но я ему сказалъ два слова на ухо, и надѣюсь теперь, что онъ будетъ благоразуменъ.

Пиноккио сѣлъ верхомъ на осла, и экипажъ тронулся. Во время дороги, когда экипажъ катился по главной дорогѣ, нашему паяцу показалось, что чей-то сдержанный и едва понятный голосъ говорилъ ему:

— Бѣдный дурачокъ! Ты опять захотѣлъ сдѣлать по-своему, но ты будешь раскаиваться!

Испуганный Пиноккио посмотрѣлъ во всѣ стороны, чтобы узнать, откуда могли выходить эти слова, но ничего и никого не увидѣлъ; ослы бѣжали, экипажъ катился по камнямъ, мальчики внутри экипажа спали, а Фитиль храпѣлъ, какъ сонливая бѣлка; человѣчекъ, сидя на козлахъ, напѣвалъ;

«Всѣ люди спятъ спокойно по ночамъ,
Моишь лишь никогда нѣтъ сна очамъ»...

Проѣхавъ еще съ полверсты, Пиноккио опять услышалъ тотъ же голосъ, говорившій:

— Помни! Дѣти, бросающія ученіе и отказывающіяся отъ школъ, учителей и книгъ,

чтобы предаться развлеченіямъ, кончаютъ очень плохо! Я это знаю по опыту! Настанетъ день, когда ты будешь плакать, какъ я теперь плачу... но будетъ поздно!..

Услыхавъ это, Пиноккіо, испуганный донельзя, соскочилъ съ осла и, подойдя къ нему, взялъ его за мордочку. Каково же было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ, что оселъ плакалъ... и плакалъ, какъ мальчикъ!

— Эй, господинъ человѣчекъ,—закричалъ Пиноккіо хозяину экипажа,—знаете, какая новость? Этотъ осленокъ плачетъ!

— Пусть себѣ плачетъ,—посмѣется потомъ!

— Развѣ вы его научили говорить?

— Нѣтъ, онъ самъ выучился бормотать нѣсколько словъ, когда онъ бродилъ въ теченіе трехъ лѣтъ съ дрессированными собаками.

— Бѣдное животное!..

— Ну же, не будемъ терять времени изъ-за слезъ осла. Садись-ка на него верхомъ—и поѣдемъ дальше. Ночь холодная, а путь не короткій.

Пиноккіо не возражалъ. Экипажъ опять покатился, и на разсвѣтѣ путешественники благополучно пріѣхали въ „Страну игръ“.

Эта страна не походила ни на какую

Всюду компаніи мальчугановъ...

другую на свѣтѣ. Населеніе ея состояло только изъ мальчиковъ. Старшимъ было 14 лѣтъ, а младшимъ не болѣе 8 лѣтъ.

На улицахъ и площадяхъ въ Странѣ игръ царствовало веселье: шумъ, крикъ,

гамъ невообразимый! Всюду компаніи мальчугановъ. Кто игралъ въ орѣшки, кто въ метаніе кружковъ, кто въ мячъ, кто ѣздилъ на велосипедѣ, кто на деревянной лошаdkѣ; одни играли въ жмурки, другіе ловили другъ друга; нѣкоторые изъ нихъ были одѣты паяцами и ѣли горящую паклю; кто пѣлъ, кто говорилъ стихи наизусть, кто кувыркался, кто ходилъ на рукахъ, поднимая ноги кверху; кто игралъ въ серсо, кто прогуливался въ генеральской одеждѣ, съ бумажной каской и деревянной шпагой; кто смѣялся, кто кричалъ, кто хлопалъ руками, кто свистѣлъ, кто подражалъ пѣтуху или курицѣ; однимъ словомъ—стоялъ такой сумбуръ, такой гамъ и безпорядокъ, что хотъ затыкай уши и бѣги вонъ. На всѣхъ площадяхъ видны были балаганы, наполненные мальчиками съ утра до вечера, а на всѣхъ стѣнахъ читались надписи, — прекрасныя надписи, писанныя углемъ, какъ, на примѣръ: „Да здрасуютъ икры!“ (вмѣсто: да здравствуютъ игры) или: „Не ходимъ болше штоль!“ (вмѣсто: не хстимъ болше школь) или: „Далой Арихъ Медику!“ (вмѣсто:

долой ариѣметику) и другія чудныя произведенія грамотности.

Пиноккіо, Фитиль и всѣ остальные мальчуганы, совершившіе путешествіе съ чело-вѣчкомъ, едва вѣхали въ городъ, и тотчасъ же вмѣшались въ эту безпокойную толпу; какъ легко это себѣ представить, въ самое короткое время они подружились со всѣми жителями этого города. И кто могъ быть счастливѣе ихъ всѣхъ?

Среди постоянныхъ прогулокъ, всевозможныхъ развлеченій и бездѣльничанья, часы, дни, недѣли проходили съ быстротою молніи.

— Что за счастье! — говорилъ Пиноккіо всякій разъ, когда встрѣчался съ Фитилемъ.

— Теперь ты вѣришь, что я былъ правъ? — возражалъ Фитиль. — А ты не хотѣлъ ѣхать съ нами! Подумать только, что ты вбилъ было себѣ въ голову вернуться домой къ своей феѣ, чтобы тратить время на ученіе! Если ты освободился отъ скучныхъ книгъ и школы, то этимъ ты обязанъ только мнѣ, моимъ совѣтамъ, моимъ стараніямъ, — признаешь ты это? Только вѣрные друзья могутъ оказывать такія услуги.

— Это правда, Фитиль! Только благодаря тебѣ я такъ доволенъ теперь. А знаешь, что мнѣ постоянно говорилъ нашъ учитель о тебѣ? Онъ говорилъ: „Не дружись съ Фитилемъ; Фитиль плохой товарищъ, онъ научить тебя только дурному!..“

— Бѣдный учитель!—возразилъ Фитиль, покачивая головой.—Я знаю, что онъ меня не любилъ и всегда клеветалъ на меня; но я добръ и прощаю ему эту вину!

— Какая у тебя благородная душа!—сказавъ Пиноккіо, обнимая своего друга и цѣлуя его въ переносицу.

Между тѣмъ прошло уже пять мѣсяцевъ, какъ наши сорванцы бездѣльничали, проводя цѣлые дни въ играхъ и развлеченіяхъ и не видя ни школы, ни книги. Какъ-то утромъ, проснувшись, Пиноккіо былъ весьма непріятно пораженъ случившимся съ нимъ, и это заставило его потерять веселое расположеніе духа.

XXXII.

У Пиноккіо вырастають ослиныя уши, а потомъ онъ превращается въ настоящаго осла и кричитъ по-ослиному.

ЧТО же съ нимъ случилось? Я вамъ это скажу, мои милые маленькіе читатели: случилось съ нимъ вотъ что. Когда Пиноккіо проснулся, то прежде всего почесалъ голову, и тутъ-то замѣтилъ... Отгадайте-ка, что такое онъ замѣтилъ? Онъ замѣтилъ, къ величайшему удивленію, что уши у него выросли на цѣлую четверть аршина.

Вы знаете, что у паяца отъ рожденія уши были маленькія-маленькія, такія маленькія, что простымъ глазомъ еле можно было замѣтить ихъ. Представьте себѣ его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что въ одну ночь уши его стали длинными, какъ двѣ щетки. Онъ тотчасъ сталъ искать зеркало, но, не находя его, налилъ въ умывальный тазикъ воды и, посмотрѣвъ въ нее, увидѣлъ то, чего никогда не желалъ бы видѣть: увидѣлъ на своей головѣ новое украшеніе—прекестную пару ослиныхъ ушей.

Предоставляю вамъ судить объ огорченіи, о стыдѣ и отчаяніи бѣднаго Пиноккіо.

Онъ сталъ плакать, кричать, биться головою объ стѣну, но чѣмъ больше онъ выходилъ изъ себя, тѣмъ больше росли его уши: они росли, росли и покрывались шерстью по краямъ.

На его крикъ и стоны явился хорошенькій сурокъ, жившій въ верхнемъ этажѣ. Видя отчаяніе паяца, онъ съ участіемъ спросилъ его:

— Что съ тобою, милый жилецъ?

— Я боленъ, я очень боленъ, милый

сурокъ мой... Я боленъ болѣзнью, которая меня очень пугаетъ. Ты понимаешь толкъ въ медицинѣ, можешь пощупать мой пульсъ?

— Немного смыслю.

— Такъ посмотри, нѣтъ ли у меня лихорадки?

Сурокъ поднялъ переднюю лапку и, взявъ Пиноккіо за пульсъ, сказалъ, вздыхая:

— Другъ мой, мнѣ очень жаль сообщить тебѣ худую новость...

— А что такое?

— У тебя скверная лихорадка!

— Какая же?

— Ослиная.

— Я не понимаю, что это за лихорадка, — возразилъ Пиноккіо, въ сущности прекрасно понимавшій, въ чемъ дѣло.

— Такъ я тебѣ это объясню, — отвѣтилъ сурокъ. — Знай же, что черезъ два или три часа ты не будешь ни паяцомъ, ни мальчикомъ...

— Кѣмъ же я буду?

— Ты будешь осликомъ, настоящимъ осликомъ, — однимъ изъ тѣхъ, которые возятъ телѣжки съ капустою и салатомъ на рынокъ.

— Ахъ, я несчастный! Горе мнѣ, горе!— закричалъ Пиноккіо, хватаясь за уши и неистово дергая ихъ, какъ будто это были не его уши, а чужія.

— Милый другъ,—сказалъ сурокъ, чтобы его успокоить, —ничего не подѣлаешь, это твоя судьба, всѣ своевольныя дѣти, которыми надоѣли книги, школы и учителя и которыя проводятъ дни въ забавахъ и бездѣльѣ, должны рано или поздно превратиться въ ословъ.

— Неужели это правда?—спросилъ паяцъ, рыдая.

— Къ несчастью, да. Теперь твои слезы ничему не помогутъ; надо было раньше объ этомъ подумать.

— Я не виноватъ, повѣрь мнѣ, сурочекъ,—лепеталъ Пиноккіо,—во всемъ виноватъ Фитиль.

— А кто такой этотъ Фитиль?

— Это мой товарищъ по школѣ. Я хотѣлъ вернуться домой, хотѣлъ быть послушнымъ, хотѣлъ учиться и заслужить похвалу... а Фитиль сказалъ мнѣ: „Къ чему тебѣ ходить въ школу? Что за охота тебѣ учиться?..

Поѣдемъ лучше со мною въ Страну игръ: тамъ насъ никто не заставитъ учиться, тамъ мы будемъ играть съ утра до вечера и намъ будетъ очень весело“.

— Почему же ты послушался совѣта лживаго друга, плохого товарища?

— Почему?.. Да потому, сурочекъ, что я паяцъ неблагоразумный... и безсердечный. Охъ, еслибы у меня былъ хотя бы кусочекъ сердца, я бы никогда не покинулъ доброй моей феи, которая любила меня, какъ мать, и столько для меня сдѣлала. И въ настоящее время я ужъ не былъ бы паяцомъ, а былъ бы настоящимъ мальчикомъ, какихъ вездѣ много. Но если я теперь встрѣчу Фитиля, то пусть не взыщетъ: не поздоровится ему отъ меня!

Тутъ Пиноккіо хотѣлъ уйти. Но не дошелъ еще до дверей, какъ вспомнилъ объ ослиныхъ ушахъ. Что же онъ придумалъ? Стыдясь показаться съ такимъ украшеніемъ въ люди, онъ взялъ большой бумажный колпакъ и, надвинувъ его на голову, спряталъ уши и лицо до кончика носа. Затѣмъ онъ вышелъ и сталъ всюду искать Фитиля. Онъ

его искалъ по улицамъ, на площадяхъ, въ театрахъ, во всѣхъ мѣстахъ, но нигдѣ его не было. Онъ спрашивалъ у всѣхъ, встрѣчавшихся ему по дорогѣ, но никто его не видѣлъ и ничего о немъ сказать не могъ. Тогда Пиноккіо отправился еще поискать его дома. Подойдя къ двери, онъ постучался.

— Кто тамъ? — спросилъ изнутри Фитиль.

— Это я, — отвѣтилъ паяцъ.

— Подожди чуточку, я тебѣ отопру.

Черезъ полчаса дверь отворилась, но какво же было удивленіе Пиноккіо, когда онъ, войдя въ комнату, увидѣлъ, что и Фитиль былъ въ большомъ бумажномъ колпакѣ, доходившемъ ему до носа.

При видѣ этого колпака Пиноккіо почувствовалъ, что у него какъ-то легче стало на душѣ, и тотчасъ же подумалъ:

„Ужъ не та же ли у пріятеля болѣзнь, что и у меня? Не боленъ ли онъ ослиной лихорадкой?“

Дѣлая видъ, что онъ ничего не замѣтилъ, онъ спросилъ, улыбаясь:

— Какъ поживаешь, дорогой мой Фитиль?

— Прекрасно, — какъ мышь среди сыра.

— Ты это серьезно говоришь?

— Къ чему мнѣ лгать или шутить?

— Извини, пожалуйста; въ такомъ случаѣ скажи мнѣ, къ чему ты надѣлъ колпакъ и прячешь въ немъ свою голову и лицо?

Пиноккіо, войдя въ комнату, увидѣлъ Фитилия въ большомъ бумажномъ колпакѣ...

— Докторъ прописалъ мнѣ это, потому что я ушибъ колѣно. А ты, милый Пиноккіо, зачѣмъ ты надѣлъ колпакъ, который доходитъ тебѣ до кончика носа?

— Мнѣ тоже докторъ прописалъ, такъ какъ я ободралъ себѣ ногу.

— Бѣдный Пиноккіо!..

— Бѣдный Фитиль!..

Послѣ этихъ соболѣзнованій наступило продолжительное молчаніе, въ теченіе котораго пріятели язвительно поглядывали другъ на друга.

Наконецъ паяцъ тоненькимъ и вкрадчивымъ голосомъ сказалъ товарищу:

— Прости мое любопытство, дорогой Фитиль, и скажи, не страдалъ ли ты когда-нибудь ушною болѣзнью?

— Никогда!.. А ты?

— Тоже никогда! Однако, сегодня съ утра у меня что-то стало побаливать одно ухо.

— Представь, и у меня тоже.

— И у тебя?.. А какое ухо болитъ у тебя?

— Оба. А у тебя?

— Тоже оба. Ужъ не одна ли и та же болѣзнь у насъ?

— Боюсь, что болѣзнь у насъ одинаковая.

— Хочешь доставить мнѣ удовольствіе?

— Охотно, отъ души!

— Покажи мнѣ свои уши.

— Почему же нѣтъ? Но я прежде желалъ бы посмотрѣть на твои, милый Пиноккіо.

— Нѣтъ, прежде ты покажи мнѣ свои.

— Нѣтъ, дружокъ, прежде ты, потомъ я!

— Вотъ что,—сказаль паяцъ,—сдѣлаемъ по-пріятельски.

— Какъ же это сдѣлать по-пріятельски?

— Снимемъ наши колпаки оба одновременно. Согласенъ?

— Согласенъ.

— Такъ слушай команду! — и Пиноккіо громко сосчиталь:—Разъ! два! три!

Послѣ слова „три“ оба мальчугана сразу сняли свои колпаки и бросили ихъ. Тутъ-то произошла сцена, которая могла бы показаться невѣроятной, еслибы ея не было въ дѣйствительности. А случилось то, что Пиноккіо и Фитиль, увидѣвъ себя одинаково награжденными, вмѣсто того, чтобы печалиться и жаловаться, стали потѣшаться надъ необыкновенно выросшими ушами и разразились громкимъ смѣхомъ. Они до того смѣялись, что еле держались на ногахъ; но вдругъ Фитиль умолкъ, зашатался, измѣнился въ лицѣ и проговориль:

— Помоги, помоги мнѣ, Пиноккіо!

— Что съ тобою?

— Я не могу держаться на ногахъ.

— Да и я тоже едва держусь на своихъ!—воскликнулъ Пиноккіо, плача и шатаясь.

И въ то же время оба стали на-четвереньки и начали бѣгать по комнатѣ на ногахъ и на рукахъ. Во время этого бѣга ихъ руки превратились въ ноги, лица удлиннились и преобразились въ морды, а спины покрылись сѣрыми волосами съ черными полосами.

Но знаете, когда наступило самое тяжелое испытаніе для этихъ несчастныхъ? Самый тяжелый и самый унижительный для нихъ мигъ насталъ тогда, когда они почувствовали, какъ у нихъ вырастаетъ хвостъ. Тогда они попробовали плакать и жаловаться на судьбу, убитые горемъ и стыдомъ. Но лучше бы они ужъ и не пробовали жаловаться. Въмѣсто стоновъ и жалобъ они издавали ослиные крики; они выкрикивали только: „ію, ію, ію!“ Въ то же время слышался стукъ у дверей и чей-то голосъ говорилъ:

— Отворите! Я тотъ самый человѣчекъ, который везъ васъ въ эту страну. Отворите тотчасъ же, не то берегитесь!

XXXIII.

Пиноккіо, сдѣлавшись настоящимъ осломъ, уведенъ для продажи; его покупаетъ содержатель труппы паяцовъ и продаетъ другому хозяину, который хочетъ сдѣлать изъ его шкуры барабанъ.

ВИДЯ, что дверь не отпирается, человѣчекъ сильнымъ толчкомъ открылъ ее самъ и, войдя въ комнату, сказалъ своимъ тоненькимъ голоскомъ, посмѣиваясь:

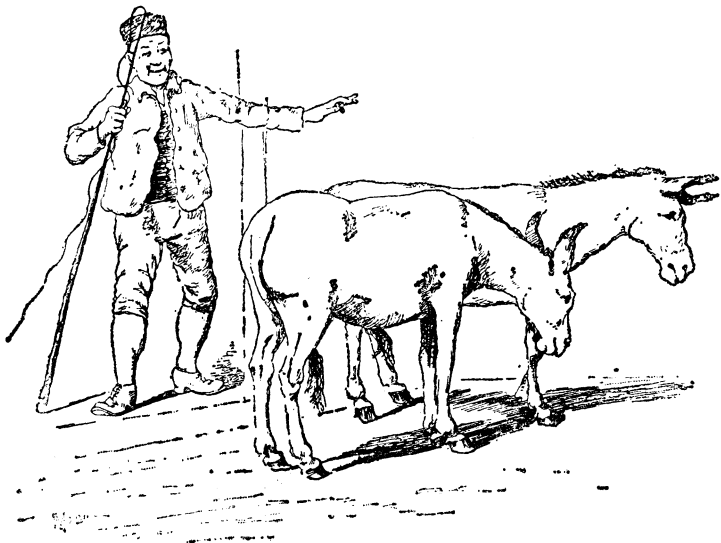
— Молодцы! Вы хорошо кричали по-ослинному; я васъ тотчасъ узналъ по голосу и рѣшилъ пожаловать къ вамъ.

Отъ этихъ словъ наши ослики очень опечалились, опустили головы и уши и поджали хвосты. Сначала человѣчекъ погладилъ ихъ, поласкалъ, похлопалъ по спинѣ, затѣмъ почистилъ ихъ скребницею. Вычистивъ ихъ такъ, что они заблестѣли, какъ зеркало, онъ надѣлъ на нихъ узды и повелъ на рынокъ для продажи, въ надеждѣ выручить за нихъ порядочную сумму денегъ.

За покупателями, дѣйствительно, дѣло не стало. Фитиль былъ купленъ крестьяниномъ, у котораго за день до этого издохъ оселъ, а Пиноккіо попалъ къ содержателю цирка для обученія прыжкамъ и танцамъ, совмѣстно съ другими животными труппы.

Теперь вы понимаете, мои маленькіе читатели, что за человѣкъ былъ кучеръ, возившій дѣтей въ „Страну игръ“? Этотъ уродецъ, казавшійся пріятнымъ, какъ молоко съ медомъ, отправлялся отъ-времени-до-времени со своимъ экипажемъ по бѣлу-свѣту; по дорогѣ онъ увлекалъ ласками и обѣщаніями всѣхъ праздныхъ мальчиковъ, не желавшихъ учиться; усадивъ въ свой экипажъ, онъ увозилъ ихъ въ „Страну игръ“ и,

когда эти мальчишки отъ бездѣлья и развлеченій становились ослами, продавалъ ихъ на рынкахъ и ярмаркахъ. Такимъ путемъ

Наши ослики стали, печально опустивъ головы и уши...

онъ сдѣлался въ нѣсколько лѣтъ миллионеромъ.

Что случилось съ Фитилемъ, я не знаю, знаю только то, что Пиноккіо съ первыхъ же дней пришлось очень тяжело.

Когда его водворили въ конюшнѣ, хо-

зяинъ цирка положилъ въ ясли солому; но Пиноккіо, попробовавъ ее, выплюнулъ. Тогда хозяинъ положилъ въ ясли сѣна, но и сѣно не понравилось новому ослу.

— А, тебѣ и сѣно не нравится!—закричалъ разсерженный хозяинъ.—Подожди, милый осликъ, если у тебя есть капризы, то я сумѣю съ ними справиться по своему!—И для науки онъ хлестнулъ Пиноккіо кнутомъ по ногамъ.

Пиноккіо отъ боли заплакалъ и кричалъ по-ослиному:

— Іо, іо, іо, я не могу ѣсть соломы, не перевариваю!

— Такъ ѣшь сѣно!—возразилъ хозяинъ, прекрасно понимавшій ослиный говоръ.

— Іо, іо, іо, отъ сѣна у меня все тѣло болить!

— Ужъ не хочешь ли, чтобы я такого осла, какъ ты, кормилъ курами и каплунами?—спросилъ хозяинъ и при этомъ опять ударилъ Пиноккіо кнутомъ по ногамъ.

Послѣ этой второй дрессировки Пиноккіо изъ осторожности замолкъ и больше ничего

не говорилъ. Между тѣмъ конюшню заперли, и Пиноккіо остался одинъ. Такъ какъ онъ давно уже ничего не ѣлъ, то его одолѣла зѣвота; онъ то и дѣло открывалъ ротъ шириною съ добрую печную дверку.

Но голодъ такъ мучилъ его, что, не находя ничего другого въ ясляхъ, онъ рѣшился пожевать сѣна; разжевавъ его какъ слѣдуетъ, онъ закрылъ глаза и проглотилъ его.

— Это сѣно еще ничего себѣ,—подумалъ Пиноккіо,—но какъ бы было хорошо, если бы я продолжалъ ученіе!.. Теперь вмѣсто сѣна я ѣлъ бы свѣжій хлѣбъ съ колбасою. Что дѣлать, надо терпѣть!..

На другой день, проснувшись, онъ сталъ вновь искать сѣна, но не нашелъ его: ночью онъ съѣлъ все. Тогда ему пришлось взяться и за солому, и, пока жевалъ ее, онъ убѣдился, что солома далеко не такъ вкусна, какъ вареный рисъ съ приправою или макароны съ масломъ.

— Что дѣлать, надо потерпѣть! — повторилъ Пиноккіо, продолжая жевать солому.— Пусть это мое несчастье послужить урокомъ для всѣхъ непослушныхъ дѣтей, не желающихъ учиться. Потерпимъ, потерпимъ!..

— Что тамъ терпѣть, какое тамъ терпѣніе!—закричалъ хозяинъ, входя въ это время въ конюшню.—Ты, можетъ быть, думаешь, что я тебя купилъ для того, чтобы кормить и поить тебя? Я тебя купилъ для того, чтобы ты работалъ, для того, чтобы ты мнѣ наработалъ побольше денегъ. Ну-ка, живо! Иди со мною въ циркъ, я научу тебя прыгать въ обручи, прорывать головою бумажные круги, танцевать вальсъ и польку, стоя на заднихъ ногахъ.

Бѣдный Пиноккіо волею-неволею долженъ былъ учиться этимъ прекраснымъ наукамъ, но для изученія всего этого потребовалось три мѣсяца времени и много ударовъ хлыстовъ, вырывавшихъ клочки шерсти.

Наконецъ, наступилъ день, когда хозяинъ могъ объявить о замѣчательномъ представленіи.

Въ этотъ вечеръ, за часъ до начала представленія, циркъ былъ переполненъ зрителями.

Нельзя было достать ни ложи, ни кресла, ни стула—хотя-бы на вѣсъ золота. Скамьи были переполнены дѣтьми, мальчиками и

дѣвочками всѣхъ возрастовъ, ожидавшими съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ появленія ослика Пиноккіо.

Объявленія на бумагѣ разныхъ цвѣтовъ, расклеенныя по угламъ улицъ, гласили:

**БОЛЬШОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ
СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМЪ.**

ОБЫЧНЫЕ ПРЫЖКИ И ПОРАЗИТЕЛЬНЫЯ
УПРАЖНЕНІЯ БУДУТЪ ИСПОЛНЕНЫ
ВСѢМИ АРТИСТАМИ И ЛОШАДЬМИ
НАШЕЙ ТРУПЫ

КРОМЪ ТОГО

**ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ПОЯВИТСЯ НА АРЕНѢ
ЗНАМЕНИТЫЙ ОСЕЛЪ**

П И Н О К К И О,
ПРОЗВАННЫЙ «ЗВѢЗДОЮ ТАНЦЕВЪ».

Циркъ будетъ блистательно ссвѣщенъ.

По окончаніи первой части представленія директоръ труппы, одѣтый въ черную куртку, бѣлыя брюки и сапоги выше колѣнъ, появился на аренѣ и, раскланявшись съ публикою, торжественно произнесъ слѣдующую не вполне грамотную рѣчь:

— Почтенная публика, кавалеры и дамы! Я, нижеподписавшійся, будучи проѣздомъ въ знаменитомъ вашемъ городѣ, пожелалъ пріобрѣсти честь и особое удовольствіе представить знатнымъ и интеллигентнымъ присутствующимъ знаменитаго осленка, который имѣлъ честь танцовать въ присутствіи императора всѣхъ главныхъ дворовъ Европы. И благодаря всѣхъ, помогите вашимъ просвѣщеннымъ присутствіемъ и будьте снисходительны!

Эта рѣчь была встрѣчена хохотомъ и аплодисментами. Но рукоплесканія удвоились и превратились въ ураганъ при появленіи на аренѣ самого осленка Пиноккіо. Онъ былъ украшенъ по-праздничному. На немъ была новая уздечка изъ лакированной кожи, съ пряжками и бляхами изъ латуни; два бѣлыхъ цвѣтка украшали его уши; грива была раздѣлена на множество косичекъ, перевязанныхъ шелковыми красными ленточками; большая золотая и серебряная полоса проходила вдоль его туловища, а въ хвостъ были вплетены бархатныя ленточки, красныя и голубыя. Однимъ словомъ, Пи-

ноккіо былъ такъ хорошъ, что можно было на него залюбоваться.

Представляя его публикѣ, директоръ прибавилъ еще нѣсколько словъ.

— Почтенные слушатели! Я не стану лгать относительно тѣхъ трудностей, какія мнѣ пришлось превзойти, чтобы понять и укротить это четвероногое животное въ то время, какъ оно свободно паслось на горахъ и долинахъ южнаго полушарія. Обратите вниманіе на дикость въ его глазахъ, почему, не находя средствъ пріучить его къ жизни благовоспитанныхъ четвероногихъ, мнѣ пришлось прибѣгнуть ко много говорящему кнуту. Но всѣ мои любезности, вмѣсто того, чтобы привязать его къ себѣ, были тщетны. Къ счастью, однако, я нашелъ въ его черепѣ костистое новообразование, которое академія ученыхъ признала за шишку, обновляющую волосы и выказывающую способность къ танцамъ. Вотъ почему я захотѣлъ обучить его танцамъ, прыжкамъ, скачкамъ въ обручи. Восхищайтесь имъ и судите о немъ! Но раньше, чѣмъ проститься съ вами, почтенная публика, позвольте васъ

еще пригласить и на завтрашній дневной спектакль; въ случаѣ дожда это представленіе вмѣсто завтра будетъ перенесено на послѣзавтра въ 11 часовъ утра.

Сказавъ это, директоръ еще разъ поклонился публикѣ, а затѣмъ, обращаясь къ Пиноккіо, сказалъ ему:

— Ну-ка, Пиноккіо! Прежде чѣмъ начать ваши представленія, поклонитесь этой почтенной публикѣ: кавалерамъ, дамамъ и дѣтямъ!

Пиноккіо тотчасъ согнулъ колѣни переднихъ ногъ и стоялъ такъ до тѣхъ поръ, пока директоръ, хлопая бичомъ, не сказалъ ему:

— Гопъ, шагомъ!

Тогда осленокъ вскочилъ на ноги и сталъ ходить вокругъ арены шагомъ.

Черезъ нѣкоторое время директоръ сказалъ:

— Рысью!

И Пиноккіо побѣжалъ рысью.

— Въ галопъ!

Пиноккіо съ рыси перешелъ на галопъ.

— Въ карьеръ!

Пиноккіо пустился въ карьеръ.

Въ то время какъ онъ летѣлъ, словно дикая лошадь, директоръ поднялъ руку и выстрѣлилъ изъ пистолета. Моментально осликъ, представившись раненымъ, повалился на-земь и лежалъ, какъ убитый. Затѣмъ онъ вскочилъ на ноги и былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій и криками, которые заставили его поднять голову. Онъ сталъ смотрѣть на публику и увидѣлъ прелестную даму въ ложѣ, у которой на шеѣ висѣла золотая цѣпь съ медальономъ, а въ медальонѣ былъ портретъ паяца.

— Это мой портретъ!.. Эта дама — моя фея!.. — сказалъ про себя осликъ, узнавъ фею.

И внѣ себя отъ радости, Пиноккіо воскликнулъ:

— О, моя фея! о, моя фея!..

Но вмѣсто этихъ словъ изъ его горла вырвалось такое ослиное ржаніе, что вся публика покатилаь со смѣху, въ особенности дѣти.

Директоръ труппы, находя неприличнымъ ослиный крикъ при публикѣ и желая

дать понять это ослу, ударилъ бѣднаго Пиноккіо ручкою кнута по носу. Бѣдняга высунулъ языкъ и сталъ облизывать имъ носъ, полагая, что отъ этого станетъ легче.

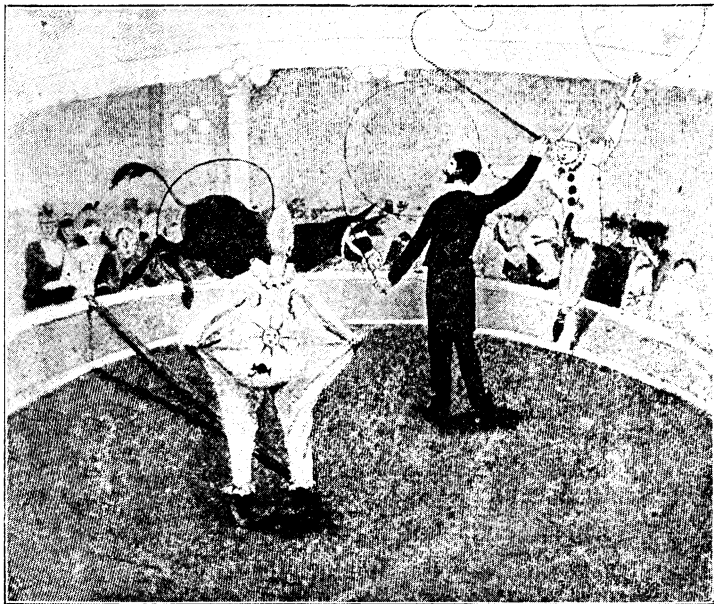
Но каково было его отчаяніе, когда онъ, поднявъ голову во второй разъ, замѣтилъ, что феи уже не было!.. Тогда онъ почувствовалъ такое одиночество, такое страданіе, что слезы хлынули у него изъ глазъ, и онъ горько заплакалъ. Никто, однако, этого не замѣтилъ, а менѣе всѣхъ директоръ, который, хлопнувъ кнутомъ, закричалъ:

— Ну-ка, Пиноккіо! Теперь покажи публикѣ, съ какою граціею ты умѣешь прыгать сквозь обручъ.

Пиноккіо попробовалъ два или три раза исполнить это упражненіе, но всякій разъ, добѣжавъ до обруча, пріостанавливался и пробѣгалъ подъ нимъ, считая это болѣе удобнымъ. Наконецъ, онъ рѣшился прыгнуть и въ обручъ: сдѣлавъ прыжокъ, онъ попалъ въ него, но заднія ноги, къ несчастью, зацѣпились за кругъ, и бѣдный Пиноккіо упалъ со всѣхъ ногъ на арену. Когда онъ

всталъ, то еле могъ держаться на ногахъ и, хромя, поплелся въ конюшню.

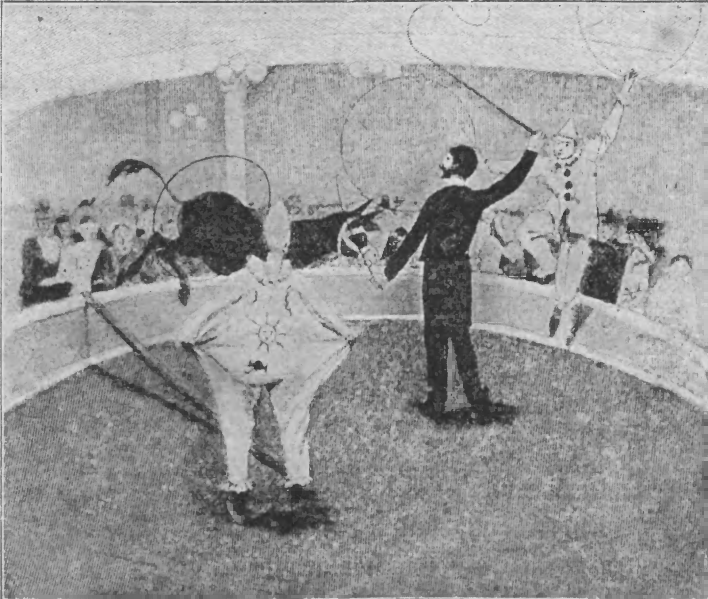
— Пиноккіо! Пусть выйдетъ Пиноккіо!

Сдѣлавъ прыжокъ, онъ попалъ въ обручъ.

Мы хотимъ видѣть Пиноккіо!—кричали всѣ дѣти, жалѣвшія несчастнаго ослика.

Но Пиноккіо уже не показывался болѣе за весь вечеръ.

На слѣдующее утро ветеринаръ, то-есть докторъ, лѣчащій животныхъ, осмотрѣвъ ноги Пиноккіо, сказалъ, что онъ останется хромымъ на всю жизнь.

Тогда директоръ труппы сказалъ конюху:

— Что мнѣ дѣлать съ хромымъ осломъ? Кормить дармоѣда я не намѣренъ. Сведи его на рынокъ и продай.

Пришли на рыночную площадь; покупатель тотчасъ нашелся и спросилъ конюха:

— А сколько ты хочешь за хромого ослика?

— Двадцать серебряныхъ монетъ.

— Я дамъ за него 20 мѣдныхъ грошей. Не думай, что я его покупаю для работы; только шкура его можетъ годиться. У него кожа твердая, изъ нея выйдетъ барабанъ для оркестра въ моемъ селѣ.

Можно себѣ представить, что испыталъ Пиноккіо, когда услыхалъ, что изъ него сдѣлаютъ барабанъ!

Кончилось однако тѣмъ, что Пиноккіо былъ проданъ, и новый хозяинъ повелъ его на берегъ моря. Тамъ хозяинъ привѣсилъ

ему на шею камень, привязалъ веревку къ ногѣ и толкнулъ его внезапно въ море. Пиноккіо пошелъ ко дну. А хозяинъ, держа веревку въ рукѣ, сѣлъ на скалу, выжидая смерти Пиноккіо, чтобы потомъ выпотрошить его и содрать кожу.

XXXIV.

Пиноккіо, брошенный въ море, съѣденъ рыбами и выплываетъ на поверхность воды тѣмъ же деревяннымъ паяцомъ; пока онъ плыветъ къ берегу, его проглатываетъ страшная акула.

Просидѣвъ минутъ пятьдесятъ на скалѣ, хозяинъ Пиноккіо сказалъ самъ себѣ:

— Теперь по всей вѣроятности мой бѣдный хромой осликъ уже издохъ. Надо его вытащить и сдѣлать изъ его кожи барабанъ.

И онъ сталъ тащить веревку, привязанную къ ногѣ Пиноккіо. Тащить, тянетъ и, наконецъ, видитъ на поверхности воды... Отгадайте, что? вмѣсто дохлаго осленка онъ увидѣлъ живого паяца, который извивался, какъ угорь.

Замѣтивъ деревяннаго паяца, бѣдный крестьянинъ подумалъ, что онъ это видитъ во снѣ; онъ просто остоленѣлъ, разинулъ ротъ и выпучилъ глаза. Оправившись отъ перваго изумленія, онъ со слезами проговорилъ:

— А гдѣ же осликъ, котораго я бросилъ въ море?

— Этотъ осликъ — я самый и есть! — отвѣтилъ Пиноккіо, смѣясь.

— Ты?

— Я.

— Ахъ, негодяй! Такъ ты еще насмѣхаешься надо мною?

— Насмѣхаться надъ вами? Совсѣмъ нѣтъ, милый мой хозяинъ, я говорю серьезно.

— Да вѣдь ты же недавно былъ осликомъ! Почему же теперь, вышедши изъ воды, ты сталъ деревяннымъ паяцомъ?..

— Вѣроятно, отъ дѣйствія морской воды. Море иногда такъ подшучиваетъ.

— Берегись, паяцъ, берегись!.. Не думай, что надуешь меня. Бѣда, если мое терпѣніе лопнетъ!

— Если такъ, то хотите знать всю прав-

ду? Отвяжите отъ ноги моей веревку, и я вамъ расскажу, что со мной случилось.

Добрый и довърчивый хозяинъ, побуждаемый любопытствомъ узнать истинную правду, тотчасъ же развязалъ веревку, привязанную къ ногѣ Пиноккіо. А Пиноккіо, почувствовавъ себя свободнымъ, какъ птичка въ воздухѣ, рассказалъ слѣдующее:

— Знайте же, что я раньше былъ деревяннымъ паяцомъ, какимъ вы меня видите теперь; я уже долженъ былъ сдѣлаться настоящимъ мальчикомъ, какихъ много, но, не имѣя охоты учиться и послушавъ совѣта плохихъ товарищей, я убѣжалъ изъ дому. И вотъ въ одинъ прекрасный день я проснулся осломъ, съ длинными ушами и изряднымъ хвостомъ! Какъ мнѣ было стыдно—и сказать не могу! Такъ стыдно, дорогой хозяинъ, что врагу даже не желаю испытать такого стыда! Потомъ меня повели на рынокъ для продажи, и я былъ купленъ содержателемъ цирка, который захотѣлъ обучить меня танцамъ и скакать въ обручъ. Но въ одинъ изъ вечеровъ, во время представленія, я упалъ, ушибъ ногу и остался

хромымъ. Тогда директоръ, не нуждаясь въ хромомъ ослѣ, послалъ меня на рынокъ, гдѣ вы меня и купили!..

— Къ несчастью! И я заплатилъ за тебя очень дорого. А теперь кто мнѣ отдастъ мои деньги?

— А зачѣмъ вы меня купили? Вы меня купили, чтобы сдѣлать изъ меня барабанъ!.. подумайте—барабанъ!..

— Къ сожалѣнію, да! Гдѣ же я теперь найду другую шкуру?

— Не отчаивайтесь, хозяинъ. Вѣдь ословъ такъ много на свѣтѣ!

— Скажи мнѣ, дерзкій мальчуганъ, это и вся твоя исторія?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ паяцъ, — остается еще досказать пару словъ, и тогда исторія моя будетъ окончена. Когда вы меня купили, то привели сюда, чтобы умертвить; но вамъ жаль было зарѣзать меня, и вы предпочли привязать мнѣ камень на шею и бросить меня въ море. Это чувство жалости дѣлаетъ вамъ честь, и я останусь вамъ вѣчно благодаренъ. Однако, дорогой хозяинъ, вы рассчитывали на меня помимо феи...

— А кто такая эта фея?

— Это моя мама, которая походить на всѣхъ добрыхъ маменекъ, желающихъ добра

Добрая фея послала множество
рыбъ...

своимъ дѣткамъ; онѣ не выпускаютъ ихъ изъ виду, пекутся о нихъ въ несчастяхъ, даже тогда, когда эти дѣти, вслѣдствіе шалостей и плохого поведенія, заслуживали бы того, чтобы ихъ покинули на произволъ судьбы. И вотъ эта добрая фея, видя меня въ опасности, послала множество рыбъ, которыя сочли меня за утонувшаго ослика и стали меня ѣсть! И какъ онѣ ѣли!

Я не зналъ, что рыбы болѣе жадны, чѣмъ

дѣти! Одна изъ нихъ съѣла мои уши, другая мордочку, третья шею и гриву, четвертая кожу и ноги... и между ними нашла маленькая красивая рыбка, которая съѣла и мой хвостъ.

— Съ этого дня, — произнесъ ужаснувшійся хозяинъ, — клянусь не пробовать рыбьяго мяса. Мало удовольствія разрѣзать свареную рыбу и найти въ ней ослиный хвостъ!

— Я думаю такъ же, какъ и вы, — отвѣтилъ со смѣхомъ паяцъ. Впрочемъ, вы должны знать, что когда рыбы наѣлись ослинаго мяса, покрывавшаго меня съ ногъ до головы, онѣ дошли до костей... или, лучше сказать, до дерева, потому что, какъ видите, я весь изъ крѣпкаго, твердаго дерева. Попробовавъ меня, рыбы почувствовали, что я не по ихъ зубамъ; поэтому онѣ не захотѣли доѣдать и уплыли въ разныя стороны, не сказавъ даже мнѣ спасибо за завтракъ. А послѣ этого вы потянули веревку и вытащили живого паяца, вмѣсто дохлаго ослика. Вотъ вамъ и вся моя исторія.

— Смѣюсь я надъ твоей исторіей! — за-

кричалъ разсерженный хозяинъ. — Я знаю, что истратилъ на тебя деньги и хочу получить ихъ обратно. Знаешь, что я сдѣлаю? Я опять поведу тебя на рынокъ и продамъ, какъ залежалое сухое дерево, для растопки камина.

— Что же, продавайте, я буду очень радъ, — сказалъ Пиноккіо.

Но, сказавъ это, онъ быстро прыгнулъ въ воду. Весело всплывъ и удаляясь отъ берега, онъ крикнулъ своему хозяину:

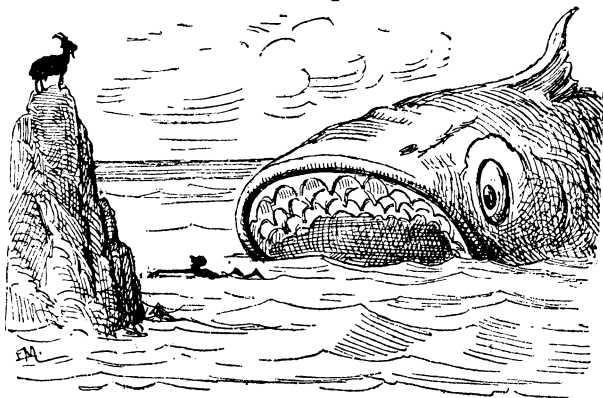
— Прощайте, хозяинъ! Если вамъ нужна будетъ кожа для барабана, то вспомните меня.

И онъ смѣялся и продолжалъ плыть; время отъ времени онъ оборачивался и еще громче кричалъ:

— Прощайте, хозяинъ! Если вамъ нужно будетъ старое сухое дерево, чтобы затопить каминъ, не забывайте меня.

Наконецъ онъ уплылъ такъ далеко, что почти скрылся изъ виду; вдали, на поверхности воды, виднѣлось только черное пятнышко, которое по временамъ подымало ноги на воздухъ и дѣлало уморительные прыжки и скачки.

нуло бы куриное яйцо, и проглотило съ такою силой и съ такою жадностью, что Пиноккіо, падая во внутренности акулы, шлепнулся со всѣхъ силъ и остался лежать безъ сознанія цѣлыхъ четверть часа.

Изъ-подъ воды показалась голова ужаснаго морского чудовища съ открытою пастью...

Когда Пиноккіо пришелъ въ себя, то долго не могъ сообразить, гдѣ онъ находится. Кругомъ царила полная темнота, такая черная, глубокая темнота, что, казалось, онъ попалъ въ чернильницу, наполненную чернилами. Пиноккіо сталъ прислушиваться и не услышалъ ни малѣйшаго звука. Только

отъ времени до времени онъ чувствовалъ порывы вѣтра прямо ему въ лицо.

Сначала онъ не могъ понять, откуда дулъ этотъ вѣтеръ, но потомъ понялъ, что вѣтеръ выходилъ изъ груди чудовища. Акула страдала одышкой; поэтому, когда она дышала, казалось, что дуетъ сильный вѣтеръ.

Пиноккіо на первыхъ порахъ храбрился, но когда онъ убѣдился, что находится во внутренностяхъ морского чудовища, на него напалъ страхъ; онъ началъ плакать и кричать:

-- Помогите, помогите! Ахъ, я несчастный! Никого нѣтъ, кто бы мнѣ помогъ!

— Кто же тебя спасетъ, несчастный? — заговорилъ въ этой темнотѣ какой-то голосъ, походившій на звукъ разстроенной гитары.

— Кто это говоритъ? — спросилъ Пиноккіо, холодѣя отъ страха.

— Это я! я, бѣдный тунецъ *), проглоченный акулою вмѣстѣ съ тобою. А ты какой породы рыба?

*) Порода рыбъ.

— Я вовсе не рыба, я паяцъ.

— Почему же ты далъ себя проглотить чудовищу, если ты не рыба?

— Конечно, я не самъ полѣзъ ей въ пасть: она меня проглотила! Однако, что же намъ теперь дѣлать здѣсь во мракѣ?

— Покориться судьбѣ и ждать, чтобы акула насъ обоихъ переварила!..

— Да я не хочу быть перевареннымъ! — завопилъ Пиноккіо, начиная снова плакать.

— Я также не желаю этого, — прибавилъ тунецъ, — но я утѣшаюсь тѣмъ, что для рыбы все-таки почетнѣе умереть подъ водою, чѣмъ подъ масломъ!

— Все это глупости! — возразилъ Пиноккіо.

— Это мое мнѣніе, — прибавилъ тунецъ, — а всякое мнѣніе, какъ говорятъ, должно быть уважаемо!

— Пусть будетъ такъ, но я хочу выйти отсюда... хочу бѣжать...

— Что же, бѣги, если тебѣ удастся!..

— А что, очень велика акула, которая насъ проглотила? — спросилъ Пиноккіо.

— Представь себѣ, что ея туловище длиннѣе версты, не считая хвоста.

Во время этого разговора впотьмахъ, Пиннокіо показалось, что онъ видитъ далеко-далеко какой-то свѣтъ.

— Что бы это могло быть? Видишь этотъ странный свѣтъ, тамъ вдали?

— Вѣроятно, какой-нибудь несчастный, который, какъ и мы съ тобою, ожидаетъ, когда чудовище его переварить въ своемъ желудкѣ.

— Я хочу пойти туда. Можетъ быть, это какая-нибудь старая рыба, которая сумѣетъ показать мнѣ выходъ отсюда?

— Отъ души желаю тебѣ успѣха, милый мой паяцъ!

— Прощай, тунецъ!

— Прощай, паяцъ, будь счастливъ!

— А гдѣ мы увидимся?

— Кто знаетъ? Лучше не думать объ этомъ.

XXXV.

Пиноккіо находитъ во внутренностяхъ акулы... Кого же онъ находитъ? Прочитайте эту главу, и вы узнаете все.

КАКЪ только Пиноккіо простился со своимъ пріателемъ-тунцомъ, онъ тронулся, шатаясь, впотьмахъ и пошелъ ощупью по внутренностямъ акулы, шагъ за шагомъ, по направленію мелькнувшаго ему вдали свѣта. При ходьбѣ его ноги погружались и скользили по болотистой жирной водѣ, которая такъ пахла морской рыбой, что ему казалось, будто онъ живетъ въ постномъ царствѣ.

Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ яснѣе становился заинтересовавшій его свѣтъ. Подвигаясь все время впередъ, онъ наконецъ доплелся до того мѣста... А когда онъ доплелся, то что онъ увидѣлъ? Предлагаю вамъ отгадать, но едва ли вы сможете это сдѣлать. Онъ увидѣлъ накрытый столъ, на которомъ стояла зажженная свѣча, вставленная въ бутылку изъ зеленаго стекла; за столомъ сидѣлъ старичокъ, бѣлый, какъ лунь, будто онъ былъ сдѣланъ изъ снѣга или изъ битыхъ сливокъ. Старичокъ этотъ ѣлъ живыхъ маленькихъ рыбокъ, настолько бойкихъ, что пока онъ ихъ ѣлъ, нѣкоторыя изъ нихъ успѣвали выскакивать у него изо рта.

При видѣ всего этого Пиноккіо вдругъ охватила такая радость, что отъ неожиданности онъ чуть съ ума не сошелъ. Онъ хотѣлъ смѣяться, хотѣлъ плакать, хотѣлъ наговорить цѣлый коробъ словъ, а вмѣсто того какъ-то мяукалъ, что-то бормоталъ, невнятно, несвязно. Наконецъ, ему удалось испустить крикъ радости и онъ, разставя руки и бросаясь на шею старичка, не своимъ голосомъ закричалъ:

За столомъ сидѣлъ старичокъ, бѣлый, какъ лунь...

— О, мой папаша, дорогой папаша! Наконецъ-то я васъ нашель! Теперь ужь я васъ не покину никогда, никогда!

— Такъ мои глаза не обманываютъ меня?— отвѣтилъ старичокъ, протирая глаза.— Такъ это именно ты, мой дорогой Пиноккіо?

— Да, да, это я! И вы мнѣ уже простили, не правда ли? О, папаша, мой милый папаша, какъ вы добры! А подумаешь только, что я... Ахъ, еслибы вы знали, сколько несчастій обрушилось на меня, что я только испыталъ! Представьте себѣ, что въ тотъ день, когда вы, бѣдный папенъка, продали свою куртку, чтобы купить мнѣ азбуку для школы, въ тотъ самый день я побѣждалъ посмотрѣть на паяцовъ, а хозяинъ захотѣлъ меня изжарить; и этотъ самый хозяинъ далъ мнѣ пять золотыхъ монетъ, чтобы я вамъ ихъ отнесъ, но я встрѣтилъ лисицу и кошку, которыя повели меня въ гостиницу „Краснаго рака“, гдѣ онѣ наѣлись до отвала, а я отправился одинъ ночью и встрѣтилъ разбойниковъ, которые побѣжали за мною, но я далъ тягу; а они за мною; я бѣжалъ что есть мочи, а они все за мной; наконецъ настигли и повѣсили меня на вѣткѣ большого дуба, куда дѣвушка съ синими волосами прислала за мною экипажъ;

и доктора, увидѣвъ меня, тотчасъ сказали: „Если онъ не умеръ, то, стало быть, онъ живъ“. И я тогда солгалъ, и носъ мой сталъ расти такъ, что я не могъ пройти въ дверь, почему я отправился съ лисицею и кошкою закопать монеты, четыре монеты, потому что одну изъ нихъ я истратилъ въ гостиницѣ, а попугай сталъ смѣяться, и изъ 2000 монетъ я не нашелъ ни одной; а судья, узнавъ, что меня обокрали, по ошибкѣ посадилъ меня въ тюрьму; оттуда я вышелъ, увидѣлъ кисти винограда и попался въ капканъ; а крестьянинъ надѣлъ мнѣ собачью цѣпь, чтобъ я сторожилъ курятникъ; но, узнавъ мою невинность, отпустилъ меня, а змѣя съ дымящимся хвостомъ стала смѣяться, и у нея лопнула вена, и я вернулся въ домъ прелестной дѣвушки, которая умерла, и голубь, видя, какъ я плачу, сказалъ: „Я видѣлъ, что твой отецъ строилъ лодку, чтобы тебя разыскивать“, а я сказалъ: „Ахъ, еслибы у меня были крылья“, а онъ сказалъ: „Хочешь идти къ папашѣ?“, а я сказалъ: „Еще бы, но кто меня сvezетъ туда?“, а онъ сказалъ: „Я тебя свезу“, а я

сказалъ: „Какъ?“, а онъ сказалъ: „Садись мнѣ на спину“, и такъ мы летѣли всю ночь, потомъ утромъ всѣ рыбаки, смотрѣвшіе на море, сказали мнѣ: „Тамъ бѣдный человѣкъ въ лодкѣ тонетъ“, а я издали узналъ васъ, сердце мнѣ это нашептывало, и я дѣлалъ вамъ знаки, чтобы вы вернулись на берегъ...

Я тоже тебя узналъ, — сказалъ Джепетто, — и охотно вернулся бы на берегъ, но что было дѣлать? Море было бурное, и волна опрокинула мою лодку. Тогда ужасная акула, завидѣвъ меня, кинулась въ мою сторону и въ одинъ моментъ проглотила меня, какъ устрицу.

— А какъ давно вы здѣсь сидите? — спросилъ Пиноккіо.

— Да съ тѣхъ поръ прошло уже два года; да, два года, мой милый Пиноккіо, показавшіеся мнѣ двумя столѣтіями!

— Какъ же вы пробавлялись тутъ? И гдѣ же вы нашли свѣчу? И спички, чтобы ее зажигать, гдѣ вы нашли?

— Сейчасъ все расскажу тебѣ. Ты долженъ знать, что буря, которая опрокинула

мою лодку, разбила также коммерческое судно. Матросы спаслись, но судно пошло ко дну, и та же акула, у которой въ тотъ день былъ прекрасный аппетитъ, послѣ меня проглотила и судно...

— Какъ! Проглотила цѣликомъ?..—спросилъ удивленный Пиноккіо.

— Сразу цѣлое судно, выплюнувъ только главную мачту, которая застряла у нея въ зубахъ, какъ рыба кость. Къ счастью, это судно было нагружено не только мясомъ, въ консервахъ, въ жестяныхъ коробкахъ, но и сухарями, виномъ, изюмомъ, сыромъ, кофе, сахаромъ, стеариновыми свѣчами и восковыми спичками. Все это добро и помогло мнѣ прожить здѣсь цѣлыхъ два года; но теперь остались жалкіе остатки; въ кладовой ужъ ничего нѣтъ, а эта свѣча, которую ты видишь, послѣдняя...

— А что будетъ дальше?

— Дальше, дорогой мой, наступитъ мракъ.

— Если такъ, папаша, то нельзя терять времени. Надо подумать о бѣгствѣ.

— Бѣжать? Но какъ?

— Надо выскочить изъ пасти и броситься по морю вплавь.

— Это хорошо, но, дорогой мой, я вѣдь не умѣю плавать!

— Это ничего! Вы сядете верхомъ мнѣ на плечи, а я, какъ хорошій пловецъ, доплыву съ вами до берега.

— Это праздныя мечты, дорогой сынокъ!—возразилъ Джепетто, качая головой и грустно улыбаясь. — Возможно-ли, чтобы паяцъ, съ аршинъ вышиною, какъ ты, могъ имѣть столько силы, чтобы доставить меня до берега?

— Попробуйте и увидите! Во всякомъ случаѣ, если свыше суждено, что мы должны умереть, то по крайней мѣрѣ умремъ вмѣстѣ.

Не сказавъ больше ни слова, Пиноккіо взялъ въ руку свѣчу и, идя впередъ, сказалъ отцу:

— Идите за мною и не бойтесь.

Такъ они шли довольно долго, пока не прошли все туловище и желудокъ акулы. Дойдя до начала огромной пасти чудовища, они приостановились, чтобъ осмотрѣться и выждать удобный моментъ для бѣгства.

XXXVI.

Наконецъ Пиноккіо перестаетъ быть паяцомъ и становится мальчикомъ, настоящимъ мальчикомъ.

ПОКА Пиноккіо быстро плылъ, чтобы достигъ берега, онъ замѣтилъ, что его отецъ, ноги котораго тащились въ водѣ, весь дрожалъ, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Отъ холода или отъ страха онъ

дрожалъ? Кто знаетъ? Можетъ быть, и отъ того и отъ другого вмѣстѣ. Но Пиноккіо, полагая, что эта дрожь происходитъ лишь отъ страха, сказалъ отцу въ успокоеніе:

— Мужайся, папаша! Черезъ нѣсколько минутъ мы выйдемъ на берегъ—и будемъ спасены.

— Гдѣ же этотъ благословенный берегъ? — спросилъ старикъ, все больше и больше беспокоясь и прищуривая глаза, какъ это дѣлаютъ портные, когда вдѣваютъ нитку въ иглу.—Я смотрю во всѣ стороны и ни чего не вижу, кромѣ неба и моря.

— А я вижу и берегъ,—сказалъ паяцъ. Вѣдь я дальнозорокъ, какъ кошка, и вижу лучше ночью, чѣмъ днемъ.

Бѣдный Пиноккіо старался казаться веселымъ, между тѣмъ какъ... онъ начиналъ тревожиться, силы его начинали ослабѣвать, дыханіе становилось тяжелымъ... Однимъ словомъ, онъ изнемогалъ, а берегъ былъ еще далеко. Онъ плылъ, пока хватало духу, а потомъ, обратившись къ Джеппо, проговорилъ еле внятно:

— Папаша, помогите... я умираю...

Наступилъ рѣшительный моментъ: отецъ и сынъ едва держались на водѣ. Вдругъ они услышали голосъ, похожій на звукъ разстроенной гитары; этотъ голосъ спросилъ:

— Кто это умираетъ?

— Я и мой бѣдный папаша!

— Я узнаю этотъ голосъ! Ты Пиноккіо?

— Именно, а ты?

— А я тунецъ, твой товарищъ по заключенію въ желудкѣ акулы.

— Какъ ты удралъ оттуда?

— Я послѣдовалъ твоему примѣру. Ты показалъ мнѣ дорогу, а послѣ тебя и я также улизнулъ.

— Милый тунецъ, ты явился очень кстати. Прошу тебя ради той любви, какую ты питаешь къ своимъ маленькимъ тунчикамъ, помоги намъ или мы погибли.

— Охотно и отъ всей души. Ухватитесь оба за мой хвостъ и предоставьте мнѣ васъ тащить. Черезъ четыре минуты я васъ доставлю на берегъ.

Джепетто и Пиноккіо, какъ вы можете себѣ представить, тотчасъ приняли предло-

женіе; но вмѣсто того, чтобы ухватиться за хвостъ рыбы, они предпочли сѣсть ей на спину.

— Не тяжело ли тебѣ?—спросилъ Пиноккіо съ участіемъ.

— Ни капельки: мнѣ кажется, будто у меня на спинѣ двѣ раковины, — отвѣтилъ тунецъ, который былъ такого крѣпкаго сложенія, что походилъ на двухлѣтняго бычка.

Достигнувъ берега, Пиноккіо выпрыгнулъ первымъ, чтобы помочь спрыгнуть отцу; затѣмъ онъ обратился къ тунцу и сказалъ ему растроганнымъ голосомъ:

— Другъ мой, ты спасъ моего папашу! Я не нахожу словъ, чтобы выразить тебѣ мою благодарность! Позволь мнѣ поцѣловать тебя въ знакъ моей вѣчной къ тебѣ благодарности!..

Тунецъ высунулъ морду изъ-подъ воды, и Пиноккіо, ставъ на колѣни, сердечно чмокнулъ его въ самыя губы. Это знакъ благодарности и нѣжности до того растрогалъ бѣднаго тунца, не привыкшаго къ подобнымъ отношеніямъ, что онъ, стыдясь по-

казывать слезы, нырнулъ въ воду и больше не показывался.

Между тѣмъ насталь день.

Пиноккио, подавъ руку Джепетто, который еле могъ стоять на ногахъ, сказалъ:

— Опирайтесь на мою руку, дорогой мой папаша, и пойдете. Мы пойдёмъ тихо, медленно, какъ муравьи, и когда устанемъ, отдохнемъ по дорогѣ.

— А куда мы пойдёмъ?—спросилъ Джепетто.

— Мы поищемъ домикъ или хижину, гдѣ бы намъ дали изъ милости кусочекъ хлѣба и немного соломы для отдыха.

Не прошли они еще и ста шаговъ, какъ увидѣли усѣвшихъ у дороги двухъ оборванцевъ, просившихъ милостыню. Это были лисица и кошка; но теперь ихъ и узнать нельзя было.

Представьте, что кошка, прикидываясь вѣчно слѣпою, кончила тѣмъ, что дѣйствительно ослѣпла, а лисица постарѣла, полиняла и была безъ хвоста. Эта гнусная воровка впала въ крайнюю нищету и въ одинъ прекрасный день вынуждена была продать

свой прекрасный хвостъ странствующему торговцу, который купилъ его, чтобы сдѣлать себѣ опахало противъ мухъ.

— О, Пиноккіо! — воскликнула лисица тоскливымъ голосомъ, — помоги, дай милостыню двумъ бѣднымъ калѣкамъ!

— Калѣкамъ! — повторила кошка.

— Прощайте, лицемѣры! — отвѣтилъ паяцъ. — Вы меня обманули разъ, но въ другой разъ не обманете.

— Повѣрь, Пиноккіо, теперь мы нищіе и несчастные на самомъ дѣлѣ!

— На самомъ дѣлѣ! — повторила кошка.

— Если вы бѣдны, то вы это заслуживаете. Помните поговорку: „Чужое добро въ прокъ нейдетъ“. Прощайте, лицемѣры!

— Сжался надъ нами!..

— Надъ нами!

— Прощайте, лицемѣры! Помните пословицу: „Какъ аукнется, такъ и откликнется“.

— Не покидай насъ!..

— Насъ! — повторила кошка.

— Прощайте, лицемѣры! Помните пословицу: „Чужое взять — свое потерять“.

Послѣ этого Пиноккіо и Джемелло спо-

койно продолжали путь. Пройдя еще шаговъ сто, они увидѣли въ глубинѣ дорожки среди поля хорошенькую хижинку изъ соломы.

— Въ этой хижинѣ, должно быть, живутъ,—сказалъ Пиноккіо,—пойдемъ туда и постучимся.

Они подошли къ хижинѣ и постучались.

— Кто тамъ? — спросилъ чей-то голосокъ.

— Мы, отецъ и сынъ, безъ хлѣба и безъ крова.

— Поверните ключъ, и дверь отворится,—сказалъ тотъ-же голосокъ.

Пиноккіо повернулъ ключъ, и дверь дѣйствительно отворилась.

Войдя въ хижину, отецъ и сынъ осмотрѣлись, но никого не увидѣли.

— Гдѣ же хозяинъ этой хижины?—спросилъ удивленный Пиноккіо.

— А я здѣсь, наверху!

Отецъ и сынъ подняли глаза къ потолку и увидѣли на балкѣ сверчка-говоруна.

— Ахъ, мой дорогой сверчокъ,—сказалъ Пиноккіо, вѣжливо кланаясь.

— Теперь ты меня называешь „своимъ дорогимъ“, не правда ли? А помнишь, какъ ты меня гналъ изъ дому деревяннымъ молоткомъ?

— Ты правъ, сверчокъ! Прогони и меня теперь... брось и въ меня молоткомъ, но сжался надъ моимъ папашей...

— Я пожалѣю и отца и сына! Я только хотѣлъ напомнить тебѣ о твоёмъ приѣмѣ, чтобы показать тебѣ, что на этомъ свѣтѣ нужно всѣмъ оказывать любезности, для того чтобы имѣть право на такую же любезность со стороны другихъ, когда будешь въ нуждѣ.

— Ты правъ, сверчокъ, ты слишкомъ правъ, я зарублю себѣ на носу данный мнѣ тобою урокъ. Но скажи мнѣ, какъ ты ухитрился купить эту славную хижинку?

— Эта хижинка только вчера была мнѣ подарена хорошенькой козою съ синею шерстью.

— А куда ушла эта коза? — спросилъ Пиноккіо съ живѣйшимъ любопытствомъ.

— Не знаю.

— А когда она вернется?..

— Она никогда не вернется. Вчера она ушла грустная-прегрустная; она бляла, какъ бы желая сказать: „бѣдный Пиноккіо... я его больше не увижу... акула теперь ужъ проглотила его!“

— Она такъ и сказала?.. Стало быть, это была она!.. Это она!.. Это была моя дорогая фея!..—воскликнулъ Пиноккіо, заливаясь слезами.

Долго плакалъ онъ, наконецъ утеръ себѣ глаза и принялся укладывать спать Джепетто, устроивъ ему постель изъ соломы. Послѣ этого онъ спросилъ у сверчка:

— Скажи, сверчокъ, гдѣ я могу достать стаканъ молока для бѣднаго папаши?

— На третьемъ полѣ отсюда живетъ огородникъ Джіанджіо; онъ держитъ коровъ. Ступай къ нему, и ты достанешь молока.

Пиноккіо быстро сбѣгалъ къ огороднику Джіанджіо, который спросилъ его:

— А сколько тебѣ нужно молока?

— Мнѣ нуженъ полный стаканъ.

— Стаканъ молока стоитъ пятакъ. Дай мнѣ сначала пятакъ.

— У меня нѣтъ ни полушки,—отвѣтилъ ему опечаленный Пиноккіо.

— Плохо, паяцъ, — возразилъ огородникъ.—Если у тебя нѣтъ полушки, то у меня нѣтъ молока и съ наперстокъ.

— Что дѣлать!—сказалъ Пиноккіо и повернулся съ намѣреніемъ уйти.

— Постой-ка,—сказалъ Джіанджіо.—Мы можемъ сговориться съ тобою. Хочешь по-пробовать вертѣть воротъ?

— Что это за воротъ?

— Это такой деревянный столбъ съ колесомъ, чтобы таскать воду изъ колодца для поливки огородовъ.

— Попробую...

— Такъ вотъ, вытащи-ка мнѣ 100 ведеръ воды, и я тебѣ заплачу за это стаканомъ молока.

— Хорошо.

Джіанджіо повелъ паяца въ огородъ и научилъ его вертѣть воротъ. Пиноккіо тотчасъ принялся за работу. Работа еще далеко не была окончена, а онъ ужь былъ весь въ поту съ ногъ до головы. Такого труда онъ никогда не испытывалъ.

— До сихъ поръ эту работу исполнялъ мой осель, — сказалъ огородникъ, — но онъ бѣдняга, еле живъ теперь.

— А покажите мнѣ его, — сказалъ Пиноккіо.

Пиноккіо принялся за работу...

— Охотно.

Войдя въ конюшню, Пиноккіо увидѣлъ славнаго ослика, который лежалъ на соломѣ, истощенный голодомъ и работою. Внимательно осмотрѣвъ его, Пиноккіо смутился и сказалъ про себя:

— Однако, я знаю этого ослика! Его на-

ружность что-то знакома мнѣ! И, нагнувшись къ нему, онъ спросилъ на ослиномъ нарѣчїи:

— Кто ты такой?

На этотъ вопросъ осликъ открылъ глаза и отвѣтилъ едва внятно на томъ-же нарѣчїи:

— Я... Фи...ти...ль...

Сказавъ это, бѣдный осликъ издохъ.

-- Ахъ, бѣдный, бѣдный Фитиль!—прошепталъ Пиноккіо, и, взявъ пучокъ соломы, онъ утеръ слезу, катившуюся по его лицу.

— Что это ты такъ жалѣешь осла?—спросилъ огородникъ.

— Я вамъ скажу... онъ былъ мнѣ другомъ...

— Твоимъ другомъ?

— Да, товарищемъ по школѣ!..

— Какъ?!—воскликнулъ Джіанджіо, расхохотавшись.—Какъ?! Твоими товарищами въ школѣ были ослы?.. Воображаю, многому же ты обучался въ этой школѣ!

Паяцъ, обиженный такими словами, ничего не отвѣтилъ. Онъ взялъ обѣщанный ему стаканъ теплаго молока и возвратился въ хижину къ отцу.

Съ этого дня Пиноккіо въ теченіе пяти мѣсяцевъ ежедневно вставалъ на разсвѣтѣ и ходилъ вертѣть воротъ колодца, чтобы заработать стаканъ молока, которое было такъ полезно его отцу. Но онъ этимъ не удовольствовался: по вечерамъ онъ научился плести корзины. Такимъ образомъ, работая на воротѣ и продавая корзины, онъ могъ содержать отца и себя. Между прочимъ, онъ даже собственноручно сдѣлалъ хорошенькую коляску, въ которой возилъ своего отца на прогулки, для того чтобы старикъ могъ пользоваться хорошимъ воздухомъ. По вечерамъ же онъ упражнялся въ чтеніи и письмѣ. Онъ купилъ въ сосѣднемъ мѣстечкѣ толстую книгу, въ которой недоставало заглавія и оглавленія, по которой, однако, онъ учился читать. Писалъ онъ при помощи палочки, заостренной какъ перо, а чернилами ему служилъ вишневый или шелковичный сокъ въ маленькой бутылочкѣ. Въ результатѣ, при его желаніи работать и зарабатывать, онъ не только достигъ того, что могъ содержать больного отца, доставляя ему необходимое, а сдѣлалъ

даже сбереженіе, чтобы купить себѣ новое платье. Въ одно прекрасное утро Пиноккіо сказалъ отцу:

— Я пойду на сосѣдній рынокъ купить себѣ куртку, шляпу и башмаки. Когда я вернусь домой,—прибавилъ онъ, улыбаясь,—я буду такъ хорошо одѣтъ, что вы меня примете за барина.

Онъ ушелъ изъ дому и побѣжалъ, веселый и довольный. Вдругъ онъ услышалъ, что его зовутъ по имени. Обернувшись, онъ увидѣлъ хорошенькую улитку, выходившую изъ-подъ забора.

— Ты меня не узнаешь?—сказала улитка.

— Кажется, будто я тебя видѣлъ гдѣ-то, но навѣрно не помню...

— А ты развѣ не помнишь улитки, которая служила у феи съ синими волосами? Развѣ ты не помнишь, какъ я спустилась, чтобы отворить тебѣ дверь, и еще нога твоя застряла въ двери.

— Помню, помню,—воскликнулъ Пиноккіо,—такъ отвѣчай же мнѣ, милая улиточка, гдѣ ты оставила мою добрую фею? Что она подѣлываетъ? Она простила меня? Помнить

ли она меня? Любить ли меня? Далеко ли она отсюда? Могу ли я видѣть ее?

На всѣ эти вопросы, сдѣланные быстро, нетерпѣливо, безъ остановки, улытка отвѣ-

Пиноккіо возилъ своего отца на прогулку...

тила съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ:

— Пиноккіо! Бѣдная фея лежитъ въ больницѣ, въ постели, больная!..

— Въ больницѣ?

— Къ несчастью. Съ горя она заболѣла, и теперь у нея нѣтъ средствъ купить себѣ кусочекъ хлѣба.

— Правда?.. Ахъ, какъ ты меня огорчила

этимъ извѣстіемъ! О, бѣдная фея! Бѣдная моя фея!.. Еслибы у меня былъ миллионъ, я сейчасъ же отдалъ бы ей... Но у меня только одинъ золотой... вотъ этотъ! Я шель купить себѣ платье. Возьми его, улиточка, и снеси сейчасъ же моей дорогой феѣ.

— А новое платье?

— Что мнѣ до новаго платья? Я продалъ бы и эти лохмотья, лишь бы ей помочь! Иди, иди, улиточка, поторопись! Черезъ два дня вернись, и я надѣюсь, что буду въ состояніи дать тебѣ еще немного денегъ, До сихъ поръ я работалъ, чтобы содержать папашу, а съ этого дня буду работать пятью часами больше, чтобы содержать и мою маму. Прощай же, улитка, жду тебя здѣсь черезъ два дня.

Улитка, противъ своего обыкновенія, побѣжала, какъ ящерица въ солнечные августовскіе дни.

Когда Пиноккіо вернулся домой, отецъ спросилъ его:

— А гдѣ твое новое платье?

— Я не нашелъ подходящаго для себя. Потерпимъ!.. Въ другой разъ куплю.

Въ этотъ вечеръ Пиноккіо, вмѣсто того, чтобы лечь спать въ десять часовъ, бодрствовалъ до полуночи! И вмѣсто того, чтобы сдѣлать 8 корзинокъ изъ камыша, сдѣлалъ 16.

Потомъ онъ легъ спать и заснулъ. Во снѣ онъ видѣлъ фею, сіявшую красотой и радостью; она поцѣловала его и сказала:

— Отлично, Пиноккіо! За твое доброе сердце я прощаю тебѣ всѣ шалости и непослушаніе. Дѣти, которыя помогаютъ родителямъ въ ихъ несчастяхъ и недугахъ, заслуживаютъ похвалы и любви, хотя бы они и не отличались особенно хорошимъ поведеніемъ и послушаніемъ. Будь благоразуменъ впередъ, и ты будешь счастливъ.

Тутъ сонъ его прервался. Пиноккіо проснулся въ недоумѣніи.

Представьте себѣ его удивленіе, когда онъ, проснувшись, замѣтилъ, что онъ ужъ не деревянный паяцъ, а настоящій мальчикъ. Онъ обвелъ глазами окружающіе его предметы и увидѣлъ вмѣсто соломенныхъ стѣнъ хижины хорошенькую комнату, меблированную и устроенную со вкусомъ, почти съ роскошью. Спрыгнувъ съ постели,

онъ нашелъ приготовленное для него хорошенькое новое платье, новую шляпу и пару кожаныхъ ботинокъ,—все это было какъ на картинкѣ.

Одѣвшись, Пиноккіо безсознательно опустилъ руки въ карманы и вынулъ изъ одного маленькій кошелекъ изъ слоновой кости, на которомъ было написано: „Фея съ синими волосами возвращаетъ своему дорогому Пиноккіо золотую монету и благодаритъ за его доброе сердце“. Открывъ кошелекъ, онъ нашелъ въ немъ не одну золотую монету, а цѣлыхъ 40 блестящихъ червонцевъ. Послѣ того онъ посмотрѣлся въ зеркало и нашелъ себя совершенно перемѣнившимся. Онъ увидѣлъ изображеніе не прежней деревянной фігуры, а живого, бойкаго, хорошенькаго мальчика, съ каштановыми волосами, съ голубыми глазами и съ веселымъ праздничнымъ видомъ.

Среди всѣхъ этихъ чудесъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, Пиноккіо не зналъ—на яву ли это или во снѣ.

— А гдѣ мой папаша?—вдругъ закричалъ Пиноккіо.

Тутъ онъ перешелъ въ другую комнату и увидѣлъ Джепетто здоровымъ, бодрымъ и веселымъ, какъ это было прежде. Старикъ вернулся къ своему ремеслу рѣзчика на деревѣ и обдѣлывалъ прекрасную работу, украшенную листьями, цвѣтами и головами разныхъ животныхъ.

— Удовлетворите мое любопытство, папаша: чѣмъ объяснить всю эту неожиданную переменъ?—спросилъ Пиноккіо, бросаясь на шею отцу и покрывая его поцѣлуями.

— Эта переменъ въ нашей жизни произошла благодаря тебѣ,—отвѣтилъ Джепетто.

— Почему же благодаря мнѣ?

— Потому что, когда дѣти изъ скверныхъ, непослушныхъ дѣлаются добрыми и послушными, то они получаютъ способность измѣнить и всю внутреннюю жизнь въ семьѣ, превращая недовольство въ радость и счастье

— А куда дѣвался прежній деревянный Пиноккіо?

— А вотъ онъ тамъ! — отвѣтилъ Джепетто; при этомъ онъ указалъ на паяца, стоявшаго у стула съ понуренною головою, повисшими руками и вывернутыми ногами.

Пиноккіо повернулся въ ту сторону, посмотрѣлъ на паяца и сказалъ про себя съ особеннымъ удовольствіемъ:

Паяцъ стоялъ у стула съ понуренною головою, повисшими руками и вывернутыми ногами...

— Какъ я былъ смѣшонъ, когда былъ паяцомъ! И какъ я теперь радъ, что сдѣлался настоящимъ мальчикомъ!..

К О Н Е Ц Ъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

I. Какъ случилось, что столяръ Вишня нашелъ полѣно, которое плакало и смѣялось, какъ ребенокъ	1
II. Мастеръ Вишня даритъ странное полѣно своему другу Джепетто, который беретъ его, чтобы сдѣлать изъ него чудеснаго паяца, умѣющаго плясать, драться на сабляхъ и прыгать . . .	6
III. Джепетто, сейчасъ же по возвращеніи домой, принимается дѣлать паяца и даетъ ему имя Пиноккіо.—Первыя продѣлки паяца	12
IV. Приключенія Пиноккіо съ сверчкомъ-говоруномъ, изъ чего видно, что гадкія дѣти не любятъ, чтобы ихъ наставляли тѣ, которые знаютъ больше ихъ	21
V. Пиноккіо голоденъ; онъ находитъ яйцо, хочетъ сдѣлать изъ него яичницу, но эта послѣдняя улетаетъ въ окошко	26
VI. Пиноккіо засыпаетъ, засунувъ ноги въ жаровню и просыпается на слѣдующее утро съ обгорѣлыми ногами	30
VII. Джепетто возвращается домой и отдаетъ паяцу завтракъ, купленный имъ для себя	34

VIII.	Джепетто придѣлываетъ новыя ноги Пиноккіо и продаетъ свою куртку, чтобы купить ему азбуку	40
IX.	Пиноккіо продаетъ азбуку, чтобы пойти по-смотреть представленіе паяцовъ	45
X.	Паяцы театра узнаютъ въ Пиноккіо собрата и встрѣчаютъ его торжественно, но въ самый разгаръ веселья является хозяинъ паяцовъ Манджіафоко, и Пиноккіо рискуетъ плохо закончить свою жизнь	50
XI.	Манджіафоко чихаетъ и прощаетъ Пиноккіо, который послѣ этого защищаетъ и спасаетъ отъ смерти своего друга Арлекина	55
XII.	Манджіафоко даритъ пять золотыхъ монетъ Пиноккіо, чтобъ онъ ихъ снесъ своему отцу Джепетто; но Пиноккіо, увлеченный лисицею и кошкою, отправляется съ послѣдними	62
XIII.	Гостиница «Краснаго рака».	70
XIV.	Пиноккіо, не послушавъ добрыхъ совѣтовъ сверчка-говоруна, встрѣчаетъ разбойниковъ .	76
XV.	Разбойники догоняютъ Пиноккіо и, поймавъ его, вѣшаютъ на вѣткѣ большого дуба	83
XVI.	Прелестная дѣвушка съ синими волосами приказываетъ снять паяца, укладываетъ его въ постель и призываетъ трехъ докторовъ, чтобы узнать, умеръ онъ или живъ	88
XVII.	Пиноккіо ѣстъ сахаръ, но не хочетъ принять лѣкарства; однако, когда приходятъ могильщики, чтобы унести его, онъ соглашается выпить лѣкарство. Потомъ Пиноккіо солгалъ; за это его носъ растетъ и доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ	94
XVIII.	Пиноккіо встрѣчаетъ лисицу и кошку и отправляется съ ними на поле чудесъ, чтобы посадить свои четыре монеты	104

XIX.	У Пиноккіо крадутъ четыре золотыя монеты, а въ наказаніе онъ еще просиживаетъ четыре мѣсяца въ тюрьмѣ	113
XX.	Выйдя изъ тюрьмы, Пиноккіо хочетъ вернуться въ домъ феи, но по дорогѣ встрѣчаетъ страшную змѣю, а затѣмъ попадаетъ въ капканъ .	120
XXI.	Пиноккіо пойманъ крестьяниномъ, который заставляетъ его сторожить, вмѣсто собаки, курятникъ	126
XXII.	Пиноккіо выдаетъ воровъ и въ награду за это получаетъ свободу	131
XXIII.	Пиноккіо оплакиваетъ смерть дѣвушки съ синими волосами, потомъ встрѣчаетъ голубя, который переноситъ его на берегъ моря, гдѣ онъ бросается въ воду, чтобы помочь своему отцу Джепетто	137
XXIV.	Пиноккіо пристаетъ къ острову «Трудолюбивыхъ пчелъ» и находитъ тамъ фею	147
XXV.	Пиноккіо общается феѣ быть хорошимъ и учиться, потому что ему надоѣло быть паяцомъ и хочется сдѣлаться хорошимъ мальчикомъ .	157
XXVI.	Пиноккіо отправляется со своими товарищами на берегъ моря, чтобы посмотреть ужасную акулу	163
XXVII.	Большая драка между Пиноккіо и его товарищами; одинъ изъ нихъ раненъ, и Пиноккіо арестованъ полиціею	169
XXVIII.	Пиноккіо находится въ опасности быть изжареннымъ на сковородѣ, какъ рыба	180
XXIX.	Пиноккіо возвращается домой къ феѣ, которая общается на слѣдующій день превратить его уже въ настоящаго мальчика. Завтракъ въ видѣ кофе съ молокомъ, чтобы отпраздновать это великое событіе	189

- XXX. Пиноккіо, вмѣсто того чтобы сдѣлаться настоящимъ мальчикомъ, украдкою отправляется со своимъ другомъ Фитилемъ въ страну игръ . . . 203
- XXXI. Послѣ пяти мѣсяцевъ забавъ и бездѣлія Пиноккіо, къ великому удивленію, чувствуетъ, какъ у него вырастаютъ ослиныя уши, а затѣмъ онъ обращается въ осленка съ ушами и хвостомъ 214
- XXXII. У Пиноккіо вырастаютъ ослиныя уши, а потомъ онъ превращается въ настоящаго осла и кричитъ по-ослиному 225
- XXXIII. Пиноккіо, сдѣлавшись настоящимъ осломъ, уведенъ для продажи; его покупаетъ содержатель труппы паяцовъ и продаетъ другому хозяину, который хочетъ сдѣлать изъ его шкуры барабанъ 235
- XXXIV. Пиноккіо, брошенный въ море, съѣденъ рыбами и выплываетъ на поверхность воды тѣмъ же деревяннымъ паяцомъ; пока онъ плыветъ къ берегу, его проглатываетъ страшная акула . . . 250
- XXXV. Пиноккіо находитъ во внутренностяхъ акулы.. Кого же онъ находитъ? Прочитайте эту главу, и вы узнаете все 263
- XXXVI. Наконецъ Пиноккіо перестаетъ быть паяцомъ и становится мальчикомъ, настоящимъ мальчикомъ 273

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА

НОВАЯ КОЛЛЕКЦІЯ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

въ изящныхъ изданіяхъ, въ оригинальныхъ
золототисненыхъ переплетахъ.

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 1 Р. 50 К.

Эта новая коллекція книгъ для дѣтей разныхъ возрастовъ, предпринятая Товариществомъ М. О. Вольфъ, имѣетъ цѣлю дать въ руки дѣтей наиболѣе выдающіяся и популярныя произведенія, такъ называемой «литературы для дѣтей», русской и иностранной, а также классическія произведенія европейскихъ писателей, примѣнен. къ дѣтскому возрасту, въ изящныхъ иллюстрирован. изданіяхъ, по чрезвычайно дешевой цѣнѣ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ БАСЕНЪ КРЫЛОВА**, съ біографіею и словаремъ М. Н. Никольскаго, съ портретами, видами памятника и могилы Крылова. Съ 32 рисунками Н. Ольшанскаго и П. Беллингерста. Изд. второе.
- ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ**. В. Буша. Переводъ К. Н. Лдова, съ 498 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе.
- ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ**. Арабскія сказки. Въ обработкѣ для русскихъ читателей А. Афанасьева-Чужбинскаго. Съ рисунками.
- НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ** П. ХР. АСБЬЕРНСЕНА. Переводъ С. М. Манаровой, съ 25 отдѣльными картинами и 47 полнотипажими въ текстѣ.
- РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ**, съ 3 рисунками въ текстѣ и 23 отдѣльными картинами Анненскаго, Панова, Тейхеля и др. Изд. второе.
- ЛУЧШІЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА**, съ 130 рис. и 7 отд. карт. Изданіе третье.
- ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ БРАТЪЕВЪ ГРИММЪ**. Переводъ Е. И. Песковской, съ предисловіемъ П. М. Ольхина, съ 78 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье.
- СКАЗКИ ГАУФА**, съ 21 иллюстрац. и 20 отдѣльными картин. Изд. второе.
- СКАЗКИ ПЕРРО**, съ 46 иллюстраціями Густава Доре. Изд. второе.
- ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКИЙ**. Сочиненіе Сервантеса, переведенное. Передъ-лавное для дѣтей А. Гречемъ, съ 79 рис. Густава Доре. Изд. второе.
- ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОНХГАУЗЕНА**. Первый полный переводъ на русскомъ языкѣ Е. Песковской, съ иллюстраціями Густава Доре. Изд. второе.
- РЕЙНЕКЕ-ЛИСТЬ**. Соч. Вольфганга Гёте, примѣн. къ дѣтскому возрасту М. Песковскимъ, съ автотип. рис. въ текстѣ и 70 отдѣльн. картин. Изд. второе.
- ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА** по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Соч. Джонатана Свифта, перев. съ англ. М. Никольскаго. Съ біограф. автора, 39 отдѣльн. картин. и 35 рис. въ текстѣ. Изд. второе.
- СОНИНЫ ПРОКАЗЫ**. Сочин. графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной. Перев. съ французск., съ 33 рис. въ текстѣ и 15 отдѣльн. картин. Третье изданіе.
- ПРИМѢРНЫЯ ДѢВУШКИ**. Сочиненіе графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго съ 20 рисунками. Изданіе второе.
- КАНИКУЛЫ**. Сочиненіе графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Изданіе второе.
- ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА**. Соч. Бичеръ-Стоу, примѣнен. къ дѣтскому возрасту М. Песковскимъ, съ 101 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. картин. Изд. второе.
- МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФАУНТЛЕРИ**. Разсказъ для дѣтей Ф. Г. Бернеттъ. Съ 24 рисунками Р. Г. Берчъ. Изданіе второе.
- ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИКА** (Сюжет). Сочиненіе Де-Амичисъ, съ предисловіемъ М. Л. Песковскаго, съ 15 рис. въ текстѣ и 32 отд. картин. Изд. третье.
- МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ** или Мегъ, Джо, Бетси и Эми. Повѣсть. Луизы Олькотъ, съ 89 рис.
- МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ**. Исторія одного ребенка (Petit Chose) Альфонса Додъ, переводъ М. Л. Лихтенштадтъ, 73 иллюстрац. Изданіе второе.
- ПРИНЦЪ И НИЩИЙ**. Разсказъ для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твена. Переводъ Н. С. Вѣтвина съ 146-ти рисунками.
- ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТОМА СОЙЕРА**. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твена. Переводъ М. Н. Колаевой. Съ 65 рисунками.
- ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГЕККЕЛЬБЕРРИ ФИННА**. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твена, перев. графини А.З. Муравьевой. Съ рисунками.

НАША БИБЛИОТЕКА

3 р.

СОБРАНИЕ ЛУЧШИХЪ КНИГЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ ВСѢХЪ ВОЗРАСТОВЪ

3 р.

Подъ общимъ названіемъ «Наша Библиотека» Товариществомъ М. О. Вольфъ предпринято изданіе цѣлаго ряда книгъ для дѣтей, — книгъ, отличающихся, съ одной стороны, прекраснымъ внутреннимъ содержаніемъ, съ другой — изящною внѣшностію, обиліемъ рисунковъ въ, четкую печать, бумагою наилучшаго сорта и проч. Въ составъ «Нашей Библиотеки» входятъ книги для всѣхъ возрастовъ начиная съ самаго младшаго (т.-е. дѣтей, только-что начинающихъ читать) и кончая книгами для юношества. Въ «Нашей Библиотецѣ» есть и сказки, и коротенькіе рассказы, и популярно-научныя сочиненія, какъ русскіхъ, такъ и иностранныхъ авторовъ. По внѣшности книги, вошедшія въ составъ «Нашей Библиотеки», представляютъ собою роскошнѣйшія русскія книги для дѣтей.

Каждый томъ «Нашей Библиотеки» составляетъ отдѣльное цѣлое. Цѣна одного тома, въ богатомъ золотисненномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ въ футлярѣ—3 р.

1. **НИКОЛАЙ НИКЛЬБИ.** Романъ Чарльза Диккенса. Изданіе для юношества. Съ 13 отдѣльными картинами и 34 рис. въ текстѣ.
2. **СБОРНИКЪ БАСЕНЪ** Крылова, Хемницера, Дятріева и Имайлова. Съ 26 отдѣльными гравюрами Густава Доре, Шарлеманя, Евгенія Ламбера, Гранвиля и съ 22 рисунками въ текстѣ.
3. **БѢЛАЯ МЫЗА,** или открытія Коли на берегу Чернаго моря. Разсказъ для дѣтей средняго возраста В. Л. Ранцова. Съ 9 отдѣльными картинами и 82 политипажками.
4. **ДАВИДЪ КОППЕРФИЛЬДЪ** Романъ Чарльза Диккенса. Изданіе для юношества. Съ 14 отдѣльными картинами и 36 рисунками въ текстѣ.
5. **КРАСНЫЙ ФОНАРЬ, МИТИНА НИВА** и другіе рассказы для дѣтей Н. Г. Вучетича. Съ 7 отдѣльными картинами В. Полякова и со многими рисунками въ текстѣ (рассказы «Красный фонарь» и «Митина нива» удостоены преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго общества).
6. **И Я ЧИТАЮ.** Рассказы для маленькихъ дѣтей, собранные кружкомъ матерей, съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ, крупнымъ шрифтомъ.
7. **РАЗКАЗЫ** В. И. Немировича-Данченка для дѣтей старшаго возраста, съ рисунками въ текстѣ художн.: Левченко, Юмудскаго, Далькевича и другихъ.
8. **ПАВЕЛЬ и ВИРГІНІЯ.** Романъ Бернарде де Сень-Пьера, съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ художника Делора.
9. **ПРИКЛЮЧЕНІЯ СПИДИДА.** Повѣсть для юношества А. В. Круглова. Съ 13 отдѣльными картинами и 51 рисункомъ въ текстѣ А. И. Сударушкина и др.
10. **ЦАРСТВО МЛЮТОКЪ.** Приключенія Мурзилки и лѣсныхъ человѣчковъ въ двадцати семи разказахъ А. Б. Хвольсонъ съ 182 рисунками П. Кокса.
11. **ЧТО ВИДИТЬ ЗВѢЗДОЧКА** и другіе рассказы для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, съ 26 отдѣльными картинами и со многими рисунками въ текстѣ.
12. **ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОКЪ** и другіе рассказы К. С. Баранцевича, съ портретомъ автора, 17 отдѣльными картинами и 25 рисунками въ текстѣ.

Постоянно открыта подписка
НА ДВА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛА
ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

основанные С. М. Макаровой

и издаваемые съ участіемъ извѣстныхъ русскихъ писателей,
педагоговъ и художниковъ.

Быть товарищемъ, собесѣдникомъ и руководителемъ молодыхъ читателей, давать имъ разумное, полезное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересное и самое разнообразное чтеніе, расширять кругъ ихъ знаній, содѣйствовать развитію у нихъ любознательности и пытливости, развлекать ихъ, поучая, дополнять возможные пробѣлы въ школьномъ образованіи—вотъ цѣль „Задуманнаго Слова“. Эту цѣль оно преслѣдовало строго въ теченіе многолѣтняго своего существованія, намѣрено преслѣдовать и впредь.

„Задуманное Слово“ издается въ видѣ двухъ совершенно самостоятельныхъ журналовъ, изъ которыхъ одинъ для младшаго возраста, другой—для старшаго.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО“

Еженедѣльный иллюстр. журналъ
для младшаго возраста
(отъ 5 до 9 лѣтъ)

52 ММ ВЪ ГОДЪ

съ преміями и приложеніями.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО“

Еженедѣльный иллюстр. журналъ
для старшаго возраста
(отъ 9 до 14 лѣтъ)

52 ММ ВЪ ГОДЪ

съ преміями и приложеніями.

Подписная цѣна каждого журнала, съ 2 р., на полгода—3 р.,
доставкой и пересылкой: на 4 мѣс. на годъ—6 руб.

Съ перес. за границу: на годъ 8 р., на полгода—4 р.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ,
въ СПБ. и въ Москвѣ, а также въ редакціи „Задуманнаго Слова“:
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 13 линія, 5—7, с. д.

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА ВОЛЬФА

Собрание рассказов и повестей известных русских авторов, — преимущественно из русской жизни и русского быта. Каждая книжка заключаетъ въ себѣ совершенно законченное произведение, отпечатанное на велевой бумагѣ четкимъ и яснымъ шрифтомъ.

1. Груня. Рассказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

2. Красный фонарь. Рассказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

3. Дуля Перехватова. Рассказъ К. С. Баранцевича. Съ 1 отд. карт. худ. А. Скиргелю. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

4. Митина нива. Рассказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. худ. В. А. Полякова. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

5. Звездочка. Рассказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. Н. Н. Олшанскаго. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

6. Птицеловъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

7. Крестьянская свадьба. Рассказъ для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

8. Мунька. Похождения одной собаки. Рассказъ К. Станюковича. Съ 4 отд. карт. и со мног. рис. въ текстѣ А. И. Сударушкина и др. худ. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

9. Счастье быть богатымъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

10. Канунъ Рождества. Повесть для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

11. Вербей. Рассказъ С. М. Макаровой. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

12. Святой Праздникъ. Рассказъ С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

13. Пангеранъ-Пугарь, яванскій охотникъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

14. То—что можно. Рассказъ А. В. Круглова. Съ 6 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

15. Петро Акчимъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

16. Семикъ и Троицынъ день. Рассказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

17. Ночь на Ивановъ день. Рассказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

18. Какъ поймать солнечный лучъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

19. Субала, добродушный слонъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

20. Гаранька. Рассказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 4 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

21. Петрусь Мартынюкъ. Повесть Н. Н. Брешко-Брешковского. Съ 4 отд. карт. худ. В. В. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

22. Чайка. Рассказъ М. Б. Чистякова. Съ 2 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

23. Бданные индусы. Повесть М. Б. Чистякова. Съ 4 отд. карт. худ. Н. Богданова. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

24. Домикъ съ цвѣтами. — Старый садовникъ. Рассказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. и съ 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

25. Орландъ. — Поэтъ и соловей. Рассказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

26. Вызвѣвъ въ деревню. Рассказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

27. Воспоминанія моего товарища. Рассказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. В. Симакова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

28. Доброе слово. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

29. Сюпризъ. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

30. Натша Гордѣева. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

31. Другъя. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

32. Шмуэль. Рассказъ для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

33. Горькая судьба. Рассказъ для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

34. Промелькнувшее счастье. Рассказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ 4 отд. иллюстр. и 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

35. Немецъ и Страшилище. Два разсказа изъ гимназ. и студ. жизни П. Н. Потапенко. Съ рисунками В. Полякова и А. Юмускаго. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

ИЗДАНИЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

